

Università
Ca' Foscari
Venezia

Facoltà di Lingue e Letterature Straniere
Corso di Laurea Magistrale in Lingue e
Letterature Europee Americane e
Postcoloniali

Tesi di Laurea

La pubblicistica in lingua russa
in Israele:
il caso di “Beseder?” (1992-
1994).

—
Ca' Foscari
Dorsoduro 3246
30123 Venezia

Relatore

Ch.ma Prof.ssa Donatella Possamai

Correlatrice

Ch.ma Prof.ssa Marcella Simoni

Laureanda

Anna Balestrieri
Matricola 812764

Anno Accademico
2013 / 2014

Uno dei modi migliori per conoscere un popolo è sapere cosa lo faccia ridere. Il riso abbraccia i confini dell'animo. Nello humour, la vita è ingentilita ed accettata. L'ironia e la satira danno una comprensione molto più profonda della psiche collettiva e dei valori di un popolo di quanto possano fornire anni di ricerca.

One of the best way to understand a people is to know what makes them laugh. Laughter encompasses the limits of the soul. In humor, life is refined and accepted. Irony and satire provide much keener insights into a people's collective psyche and values than do years of research.

H. Golden, *The Golden Book of Jewish Humor*, G.P. Putnam's Sons, New York, 1972, p.11.

Ai miei

Indice

Ringraziamenti.....	5
Abstract	7
Вступление.....	8
Introduzione.....	18
Capitolo 1 - Le aliyot russe in Israele: un profilo storico.....	23
Gli ebrei in Russia fino agli anni Settanta del Novecento.....	23
Gli ebrei in Russia negli anni Settanta	31
I “repatrianty” russi a cavallo del ventunesimo secolo: da pionieri a parassiti?	34
Capitolo 2 – La pubblicistica in lingua russa nell’Impero zarista ed in Unione Sovietica.....	52
Breve storia del giornalismo russo-ebraico	52
Letteratura e libertà di stampa in Unione Sovietica	60
Il samizdat ebraico	69
Capitolo 3 – La pubblicistica in lingua russa in Israele	76
Il boom della pubblicistica in lingua russa in Israele negli anni '90	76
La rivista “Beseder?” come psicologo sociale degli immigrati russi.....	84
“Beseder?” e le elezioni israeliane del 1992	90
“Beseder?” e il confronto tra sabra, vatikim ed olim hadashim	98
“Beseder?” ed il rapporto con la religione	107
Verso una conclusione?.....	111
Appendice.....	115
Интервью - Марк Галесник (10/05/2012).....	115
Интервью - Марина Концевая (12/05/2012)	126
Интервью - Анатолий Лившиц (17/05/2012).....	137
Интервью - Лев Меламид (19/05/2012)	148
Интервью - Давид Зильбер (20/05/2012)	157
Bibliografia.....	172

Ringraziamenti

Sfrutto a sproposito questo momento di celebrità per ricordare tutti coloro a cui devo dire grazie.

Alle professoresse Donatella Possamai e Marcella Simoni, che mi hanno sostenuto nel periglioso ed estenuante cammino di questa tesi biennale. Con commozione e riconoscenza per aver voluto incoraggiarmi a proseguire negli studi come nel lavoro, con profonda umanità e precisione e competenza professionali.

A mio padre ed all'odiato/amato complesso di Elettra che l'ha reso ideatore e compilatore occulto di questa tesi di laurea.

A mia madre, vittima sacrificale di ogni mio processo di reale o presunta identificazione, che per un'inspiegabile sindrome di Stoccolma continua a consacrarmi indefessa devozione e cieco amore.

Ai miei zii Annalisa e Libero, modelli di vita, consiglieri preziosi e spassionati ed eccezionali compagni di giochi.

A mia nonna, sorgente perenne di saggezza esperienziale e popolare, di cui invidio la forza e in cui ammiro l'intraprendenza e l'apertura mentale, per avermi trasmesso l'amore per la musica e per la gente e l'inestimabile dono di stare bene in solitudine in armonia con il mondo.

A mio nonno, in attesa che il suo ruolo nella mia vita venga chiarito da un percorso decennale di analisi.

Ai miei fratelli, per essere stati la migliore palestra di confronto ed avermi ridimensionato “*a pin e pesade*” insegnandomi a stare al mio posto.

Alle mie amiche Elisabetta, Erica, Laura, Paola e Yasha, per ricondurmi alla realtà quando sono troppo annebbiata, per aver avuto la bontà di risparmiarmi in questi mesi senza indurmi in tentazione, per essere per me eternamente orgoglio, benessere e spensieratezza e memoria storica dei momenti più freschi della mia giovinezza.

A Tiziana, Denis e Fabio, per il dono inaspettato che è stato conoscerli e per avermi accolto, con affetto e semplicità, nel calore della *famiglia*.

Ad Angelo e Fabio della Zato, che in questi due anni sono stati “le mie università”.

Agli slavofili Chiara, Giada, Roberto e Valeria e a tutti i *poputčiki*, compagni di strada e di vita che ho avuto la fortuna di conoscere tra Brescia, Venezia, Londra, il Galles, la Russia ed Israele, ringraziandoli di cuore per avermi fatto perdere tutto questo tempo.

A te, spalla, amico e compagno di avventure, fonte discreta e inconsapevole di ispirazione, sollazzo e conforto, per aver deciso - pur conoscendomi - di starmi accanto, assecondandomi con entusiasmo disinteressato e glissando nobilmente sui miei passi maldestri.

Acknowledgements

This work would not have been possible without the guidance and generosity of Prof. Narspy Zilberg, who has actually traced the path of this research and whose achievements in the field have served me as inspiration and food for thought.

I thank my good friends Keren and Shay Alleson-Gerberg for helping, counselling, sustaining, entertaining and feeding me during my stay in Israel and for opening to me the gates of the long-cherished and dreamt Russian community, that would have been otherwise impossible to meet.

Благодарю Марину Концевую, Анатолию Лившицу, Лева Меламида и Давида Зилберья за их терпение и великодушие.

Искреннее спасибо Марку Галеснику за романтику нашей встречи и возможность день исполнять роль героини его романа, за его терпение и больше всего за его замечательную сообразительность.

Abstract

La massiccia immigrazione russa degli anni '90 ha sconvolto Israele in senso etnico, sociale e demografico. Lo scompensamento psicologico, tuttavia, è stato sperimentato in primo luogo dai *repatrianty*, gli ebrei sovietici che hanno scelto la via dell'*aliyah*, il ritorno nella Terra di Israele. Nel presente lavoro si indaga come gli *olim* abbiano saputo adattarsi alla nuova realtà creando istituzioni culturali di supporto: dagli anni '90 nascono pubblicazioni in lingua russa di ogni genere e per ogni pubblico. In questo contesto la rivista umoristica "Beseder?", riveste un ruolo peculiare: accompagna il nuovo immigrato nel cammino di adattamento alla società israeliana, dando dignità e riconoscimento all'eredità culturale grande-russa abbandonata ed allo status sociale perduto nell'inserimento occupazionale, aiutando a superare le divergenze materiali e culturali attraverso lo humour, compensando le perdite e rafforzando la solidarietà di gruppo. Dopo una presentazione del panorama storico in cui la rivista si inserisce e dei suoi precedenti letterari si giunge all'analisi dei contenuti, evidenziando i temi più frequenti negli anni analizzati e concentrandosi sull'utilizzo in essi degli espedienti satirici della tradizione umoristica russa ed ebraica.

Вступление

В истории Израиля не было ни одного периода, когда бы "русские" не были заметной частью общества - доминирующей или одной из доминирующих.¹

Слова Юрия Штерна свидетельствуют о роли, которую русские играли в истории Израиля с момента его зарождения в начале двадцатого века, основания как государства в 1948 году и до нашего времени.

Мнение израильского общества по поводу своей русской части, тем не менее, со временем изменилось и испортилось: статистика и статьи израильской прессы это подтверждают. Огромная волна иммигрантов 90-х годов сотрясла Израиль - в этническом, социальном и демографическом планах. Но она взбудоражила не только граждан Израиля, но и самих репатриантов, то есть тех, кто решил переехать в Израиль.

В данной работе рассматривается способность репатриантов адаптироваться в обществе, основывая опорные учреждения культуры.

С девяностых годов возникают различного рода издания на русском языке, нацеленные на разнообразную публику. Отсутствие склонности репатриантов 90-х годов смешиваться с культурной прослойкой общества доказывает недостаток в них тех сионистских принципов, которые вдохновляли их русских предшественников начала века и семидесятых годов, без вклада которых "проект возвращения" и сам Израиль не могли бы существовать.

¹ Ю. Штерн, *Влияние русско-еврейской иммиграции на становление Израиля и статус русскоязычной общины в израильском обществе*, [под. ред.] Моше Кенигштейн, "Русское" лицо Израиля: черты социального портрета, Гешарим/Мосты культуры, Москва/Иерусалим, 2007, ст. 10-11.

Целью данного исследования является описание русско-еврейской публицистики с середины 60-х годов девятнадцатого века до нашего времени как почвы для дискуссии и сопоставления мнений, которые и дали этому проекту возможность реализоваться.

Практическая ценность работы состоит в том, что она доказывает обновление русско-еврейской публицистики после образования израильского государства и завершения проекта репатриации, будучи ареной для определения роли эмансипации и самоидентификации. В наше время она стала «социальным работником» и психологом для советских иммигрантов в непростой период адаптирования к многоликому и чужому израильскому обществу. Ее первоначальная функция носила преимущественно прагматический характер: ориентировать *оле хадаш*, нового иммигранта, на его извилистом пути интеграции, начиная от изучения нового алфавита непростого языка, постепенно приходя к пониманию гетерогенной структуры израильского общества с этнической, географической и культурной точки зрения, и, наконец, обретая прикладные навыки поведения в юридических, финансовых и образовательных учреждениях, отличных от их советских аналогов (достаточно представить, как граждане страны, где 60 лет отсутствовало какое-либо религиозное направление, реагировали на ортодоксальные евреев!).

Русскоязычные публицистические издания, таким образом, помогали новоприбывшим в 90-е годы понять, как использовать «корзину поддержки»².

² Таким термином называлась финансовая помощь, которую Израиль выплачивал новым иммигрантам.

Как только были пройдены первые практические трудности, необходимо было справиться с чувством отчужденности, присущему любому эмигранту, с состоянием потерянности от внезапной телепортации в страну с совершенно иными географией, климатом, культурой, политикой и религией. Необходимо было также отлаживать отношения с обществом, потрясенным непропорциональным количеством эмигрантов, наводнивших страну в столь малый срок. В это время Израиль, будучи стабильным в поддержании сионистских ценностей, неприветливо отозвался на прибытие *фалаши*, эфиопских евреев. Их «еврейское призвание» было встречено с недоверием и трактовалось лишь как повод для эмиграции в социально более благополучную страну со всеми условиями, созданными для этого. Такое же отношение было к еврею от России.

В моей работе уделено особое внимание отражению на страницах русско-еврейской публицистики начала 90-х годов вопросам кого можно называть евреем и какое влияние оказали на Израиль поправки в закон о возвращении (1970).

Я выделила наиболее показательные статьи в плане освещения ими тем социальных конфликтов, изучив цифровой архив (микрофильмы), посвященный русскоязычным изданиям «Вести», «Новости недели» и «Наша страна» в Национальной библиотеке Иерусалима. Меня особенно привлекли в газетах юмористические рубрики и разделы: в особенности поразила изысканность и оригинальность сатирической вкладки «Беседер?» (на иврите

дословно «в порядке», имеет более общее значение «окей?», «Все хорошо?»), которая выделялась своим художественным и литературным стилем на фоне остальных изданий.

Так я начала заниматься более глубоким изучением истории журнала и обнаружила эссе *In-group Humor of Immigrants from the Former Soviet Union to Israel* русско-израильского антрополога Наталии Зильберг. Это эссе предлагает исчерпывающий анализ роли «Беседера?» в качестве агента «ресоциализатора» для эмигрантов из Советского Союза, благодаря компенсирующей силе внутригруппового юмора, необходимого после перемены социального положения, культуры и образа жизни. Выводы профессора (она сама переехала в Израиль вместе со своим мужем Семом Зильбергом, представителем партии иммигрантов DA, *Demokratia ba aliyah*) заключаются в положении о том, что этнический юмор обладает «защитной функцией социального контроля как способа выплеска агрессии»³. Эта находка спровоцировала меня на изменение фокуса исследования и на проведение анализа содержания выпусков «Беседер?» в период с 1992 по 1994 годы – годы больших социальных и политических изменений в Израиле – собранных в восьми томах и выходящих в печать один раз в год как «Полное собрание страниц», название, напоминающее о собраниях сочинений русских классиков.

Работа состоит из введения, трёх глав и заключения.

³ N. Zilberg [Н. Зильберг], *In -Group Humor of Immigrants from the Former Soviet Union to Israel*, “Israel Social Science Research”, Vol.10, No.1, 1995, p.1. Перевод наш.

В первой главе проведен полный исторический экскурс в социально-культурную жизнь русских евреев в царской Империи и в эпоху СССР, а также в Израиле в упомянутый выше период.

Во второй главе определяется место журнала в контексте истории русско-еврейской журналистики и ее непростых отношениях с цензурой, начиная с момента основания в Одессе в 60-е годы XIX века и выхода в печать «Рассвета», через колоссальный опыт публикаций еврейского самиздата и движения за право репатриации в эпоху застоя и, наконец, до ее возрождения, на израильской земле, благодаря новой волне иммиграции, так называемой алие 90-х годов. Именно в последнее десятилетие XX века выпускается в печать невиданное до тех пор количество изданий, которое переваливает за 130 в 1998 году. Советский иммигрант, привыкший находить на витрине киоска один ежедневник, два еженедельника, три ежемесячника и еще три периодических издания на русском языке⁴, за десять лет наблюдает, как их количество неуклонно растет, и к ним добавляются еще 66 новых изданий, что даже превосходит по числу национальные публикации на иврите.

В третьей главе я сфокусировалась на расцвете русской публицистики в Израиле 90-х годов, в рамках которой, благодаря личной инициативе Марка Галесника, был создан «Беседер?», юмористическое дополнение к пятничному выпуску ежедневника «Наша страна», выходящего с 1991 года тиражом 12000 -

⁴ Там же.

15000 экземпляров. Рождению автономного юмористического издания предшествовало появление отдельных русскоязычных рубрик в израильских газетах.

В изданиях журнала, опубликованных в изучаемый период (430 страниц, 105 изданий), выделяются посвященные выборам в Израиле в 1992 году карикатуры и статьи. В них сами выборы рассматриваются в контексте исторического и политического климата, в которых они были созданы, с попыткой облегчить чтение лицам, не имеющим представление об этом феномене.

Отдельно я останавливаюсь на конфликте поколений между *сабрами*, *ватики* и *олим хадашим*⁵, объясняя юмористический эффект иллюстраций и шуток, в глазах советского иммигранта в Израиле.

Наконец, я анализирую отношение русских к иудаизму в рамках вопроса о самоидентификации.

Передо мной не стояло задачи разделить по категориям вклад журнала. Как подчеркивает Наталия Зильберг «многие забавные отрывки одновременно охватывают несколько тем: комментарии по поводу социального статуса и внутригрупповых связей, скептицизм по отношению к идеологии и поиск новой

⁵ “*Sabra*” дословно «кактус» (иврит, неизменяемое) – тот, кто родился на земле израильской. “*Vatik*” (иврит) обозначает «ветерана», то есть иммигранта 70-х годов. “*Hadashim*” – новые. *Olim hadashim* обозначает новых иммигрантов.

индивидуальности»⁶. Таким образом, я разделила работы по наиболее очевидному тематическому критерию. Выбор тем определялся частотностью появления статей и карикатур и интересом, который мог бы появиться у *олим хадашим* в изучаемые нами 1992-1994 годы.

В тех случаях, когда мне не хватало критической литературы, я прибегла к помощи авторов статей и комментариям самих представителей русско-израильского общества.

Материалом для исследования послужили отдельные статьи, сборники и исследования на английском, итальянском, русском и французском языках. Материал был собран преимущественно в уже упомянутой Национальной библиотеке Иерусалима и в Доме Книги Иерусалима, Тель-Авива и Хаифы в период моего пребывания в Израиле, во время которого мне удалось провести интервью с пятью выдающимися русскоязычными журналистами Израиля: Мариной Концевой, Марком Галесником, Анатолием Лившицем, Львом Меламидом и Давидом Зильбером. Их впечатления от «Беседера?», мнения о темах нашего исследования и о перспективе развития русскоязычной публицистики в Израиле приведены в Приложении. Беседы с профессором Зильберг (и ее семьей) из Киннерет колледжа Тивериады так же послужили незаменимым источником информации.

⁶ N.Zilberg [Н. Зильберг], *In -Group Humor of Immigrants from the Former Soviet Union to Israel*, "Israel Social Science Research", Vol.10, No.1, 1995, p. 20, "many of the funniest pieces addresses these interlocking concerns [...], commentary on social status, inter-group relationships, skepticism toward ideology and search for a new identity".

Несмотря на то, что я не исповедую иудаизм и не являюсь еврейкой, мне удалось вплотную общаться с людьми из русскоязычной диаспоры.

Особую благодарность хочется выразить доброте и щедрости многих членов русскоязычной диаспоры в Израиле: от Хаифы до Иерусалима, от Тель-Авива и до Беэр-Шева, от Герцлии до Кирьят-Ата.

Мне посчастливилось за два месяца исследования на месте (апрель-май 2012 г.) узнать позицию иммигрантов разного происхождения и поколений (в историческом плане, ватики или *олим хадашим*, а также в плане особенностей личной биографии) по поводу причин и результата их иммиграции, значение в их жизни СМИ на русском языке с 90-х годов прошлого века и по наши дни.

Я общалась с пожилыми русскоговорящими евреями, которые обходятся в повседневной жизни узким словарным запасом в 100 слов на иврите и узнают об израильских новостях с экранов «Израиль Плюс» и со страниц единственного выжившего ежедневника «Вести».

Я имела возможность наблюдать мир молодежи, которая предпочитает проводить время в своей «тусовке» («среде») в этническом пабе «Путин» или «Бессарабия» или на домашних вечеринках.

Я разделила *хобби* взрослых, которые проводят литературные вечера за обменом мнениями по поводу своих и чужих произведений на русском языке. Разочарованные в неспособности освоения нового языка и ностальгирующие по

старому, они предпочитают ходить на спектакли в театре Гешер, сопровождаемые обнадеживающими субтитрами на кириллице.

Не хотелось бы усиливать впечатление о «русском гетто».

Статистика подтверждает факт успешной интеграции русских иммигрантов в современном Израиле: благоприятный исход партийных выборов, которые подарили новый облик внутренней и внешней политике страны это подтверждают. Тем не менее, существует и тенденция создавать собственную группу, характерная склонность к сепаратистской идентификации иммигрантов 70-х годов.

В Заключении содержатся результаты проведённой работы, приводятся выводы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Нелли Элиас, эксперт СМИ на русском языке в Израиле, объясняет, что “СМИ выполняют для иммигрантов двойную роль: способствуют сохранению культурной идентичности одновременно с усвоением новых норм и ценностей. [...] С одной стороны, укрепляют культурные рамки русскоязычной общины, но с другой – способствуют интеграции иммигрантов на основе формирования нового самосознания”, [... держа] “руку на пульсе актуальных политических событий одновременно сохраняя и развивая идентификацию”⁷ с израильским обществом.

⁷ Н. Элиас, *Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию иммигрантов*, [под. ред. Моше Кенигштейна] *"Русское" лицо Израиля: черты социального портрета*, Гешарим/Мосты культуры, Иерусалим/Москва, 2007, ст. 192.

Это дает основание полагать, что печатное слово на русском языке в Израиле, если не в своем воплощении на бумаге, но в виде электронных книг и изданий онлайн, выживет, несмотря на настоятельные требования глобализации, и продолжит поддерживать и информировать русских евреев, и, будем надеяться, веселить.

Introduzione

La straordinaria ondata migratoria degli ebrei sovietici dai paesi del blocco verso Israele a cavallo degli anni '90 ha sconvolto il paese di ricezione dai punti di vista demografico e sociale. La scarsa predisposizione degli *olim*⁸ degli anni '90 ad amalgamarsi al tessuto culturale del paese è stata letta dalla società israeliana come una riprova dell'assenza negli immigrati di quei principi sionisti che avevano animato i loro antenati russi di inizio secolo e degli anni Settanta, senza il contributo dei quali il "progetto del ritorno" ed Israele stesso non avrebbero avuto modo di esistere.

Obiettivo del nostro lavoro era dimostrare che la pubblicistica russo – ebraica fin dalla metà dell'Ottocento è stata terreno di dibattito e confronto per le idee che hanno reso possibile la realizzazione di questo progetto: portatolo a termine ed assolto il compito di essere arena per il vaglio dei cammini per l'emancipazione e l'autoidentificazione, ha saputo rinnovarsi. È diventata nei tempi moderni "assistente sociale" e psicologo degli immigrati sovietici nel delicato processo di adattamento all'astrusa ed aliena società israeliana. Una funzione *in primis* eminentemente pragmatica: orientare l'*ole hadash*, il nuovo immigrato, nell'intricato cammino di integrazione, a partire dall'apprendimento di una lingua complessa dall'alfabeto distinto, proseguendo con la comprensione di un paese per natura eterogeneo nella varietà etnica, geografica e culturale della propria popolazione (si pensi solo all'impatto del mondo ebraico ultra - ortodosso sull'immaginario del cittadino di un paese digiuno di religione da settant'anni!), fino all'acquisizione di una dimestichezza con istituzioni giuridiche, finanziarie ed educative dissimili da quelle sovietiche. Le testate giornalistiche in lingua russa hanno aiutato quanti giunsero in Israele a cavallo degli anni '90 a capire come far fruttare il "paniere di accoglienza".⁹

⁸ Plurale di *ole, olah*, immigrato, in ebraico.

⁹ Viene così definito l'insieme di sovvenzioni date dallo Stato di Israele ai nuovi immigrati.

Ma non solo. Superate le difficoltà pratiche, rimaneva da affrontare il senso di sradicamento intrinseco ad ogni emigrazione, lo smarrimento nel trovarsi catapultati in un paese così diverso dal punto di vista geografico, climatico, culturale, politico e religioso. Restava da gestire il rapporto con una società scioccata dalla quantità sproporzionata di immigrati introdotti in breve tempo nel paese. Una società suo malgrado compatta nella fermezza dei propri valori sionisti, che già aveva storto il naso all'arrivo in massa - con le operazioni Mosé, Giosuè e Salomone - dei Falascià, gli ebrei etiopi¹⁰, la cui "vocazione ebraica" era tenuta in sospetto, interpretata piuttosto come un pretesto per emigrare sfruttando le risorse di un *welfare state* strutturato ed ideato per sopportare l'assorbimento degli immigrati¹¹.

Abbiamo cominciato la nostra ricerca ritenendo che proprio questo tema, chi sia ebreo e quali siano le implicazioni nell'Israele contemporaneo degli emendamenti alla legge del ritorno (1970)¹², meritasse un'indagine approfondita nel suo riflesso sulle pagine della pubblicistica russo – ebraica in Israele dell'inizio degli anni Novanta. Abbiamo quindi individuato, consultando l'archivio digitale in microfilm dedicato alla conservazione delle testate russofone "Vesti", "Novosti nedeli" e "Naša strana" della National Library¹³, gli articoli più rappresentativi circa questo tema nel suo intersecarsi con i conflitti sociali. Nella lettura dei giornali, l'esistenza di rubriche e sezioni dedicate allo humour ha acceso la nostra curiosità: in particolare ci hanno colpito la ricercatezza e l'originalità dell'insero satirico "Beseder?", che ci è parso distinguersi dai propri

¹⁰ Le operazioni risalgono rispettivamente al 1984-1985, al 1985 ed al 1991 ed hanno condotto in Israele 7000 (Mosè), 500 (Giosuè) e (14500) Beta Israel (così preferiscono autodefinirsi gli ebrei etiopi: la comunità conta ora più di 36000 individui). Cfr. A. Poskanzer, *Ethiopian Exodus*. Gefen Publishing House, 2000; S. Spector, *Operation Solomon: The Daring Rescue of the Ethiopian Jews*, Oxford University Press, 2005 e S. Weil, *Operation Solomon by Stephen Spector*, in "Studies in Contemporary Jewry, an Annual", 22, New York e Oxford, Oxford University Press, pp. 341-343, 2007; R. Rosen, *Transformations: From Ethiopia to Israel*, 2006; G. Shimron, *Mossad Exodus: The Daring Undercover Rescue of the Lost Jewish Tribe*, Gefen Publishing House, 2007.

¹¹ Un film di Radu Mihăileanu, *Vai e vivrai* (2005), narra la storia di un bimbo etiope che lascia i campi profughi del Sudan sfruttando l'operazione Mose nella speranza di conquistare un futuro migliore. Cfr. <http://it.wikipedia.org/wiki/Vai_e_vivrai>, accesso del 28/04/2014 e A. Karadawi, *The Smuggling of the Ethiopian Falasha to Israel Through Sudan*, "African Affairs", Vol. 90, No. 358, Gennaio 1991, pp. 23-49.

¹² Gli emendamenti 4A e 4B N. 2 5730-1970 estendono il diritto al ritorno ai membri della famiglia dell'*ole*, cfr. <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Politics/Other_Law_Law_of_Return.html>, accesso del 01/05/2014.

¹³ The National Library of Israel è ospitata nel Campus Edmond J. Safra della Hebrew University di Gerusalemme a Givat Ram.

concorrenti per valore artistico – letterario. Abbiamo quindi mosso i primi passi nell’approfondimento delle vicende della rivista, trovando nel saggio *In-group Humor of Immigrants from the Former Soviet Union to Israel* dell’antropologa russo-israeliana Natalia Zilberg un breve quanto esauriente panorama del ruolo di “Beseder?” come agente ri-socializzante per gli immigrati dell’ex Unione Sovietica, grazie alla finalità compensatoria dell’*in-group humor* per la perdita di posizione sociale, cultura e stili di vita. Le conclusioni della professoressa (ella stessa trapiantata in Israele assieme al marito, Sem Zilberg, esponente del partito degli immigrati DA, *Demokratia ba aliyah*) – l’assunto che lo humour etnico abbia “funzioni difensive e di controllo sociale come mezzo per sfogare l’aggressività”¹⁴ – ci hanno indotto a spostare il *focus* del nostro lavoro su un’analisi contenutistica delle edizioni di “Beseder?” comprese tra il 1992 ed il 1994 - anni di grandi rivolgimenti sociali e politici per Israele – raccolte in otto tomi, dati alle stampe una volta all’anno, in una *Polnoe sobranie stranic* che ricorda le collezioni degli immortali della letteratura russa.

Abbiamo ritenuto doveroso far precedere alla presentazione della rivista una panoramica storica della condizione degli ebrei russi nell’Impero zarista ed in Unione Sovietica prima ed in Israele nel periodo esaminato, insieme ad uno sguardo retrospettivo alle esperienze del giornalismo russo-ebraico ed alle sue vicissitudini con la censura, dalla sua nascita ad Odessa al nuovo fulgore degli anni Novanta del Novecento. Ci siamo infine concentrati sulla fioritura della pubblicistica russa in Israele negli anni ’90, nell’ambito della quale, grazie all’iniziativa personale di Mark Galesnik, è nato “Beseder?”. Nella lettura dei numeri della rivista pubblicati negli anni oggetto del nostro studio (430 pagine, 105 edizioni), abbiamo isolato vignette ed articoli circa le elezioni politiche israeliane del 1992, contestualizzandoli nel frangente storico – politico in cui furono concepiti e cercando di facilitarne la lettura ad un lettore da esso avulso. Abbiamo poi affrontato il

¹⁴ N. Zilberg, *In -Group Humor of Immigrants from the Former Soviet Union to Israel*, “Israel Social Science Research”, Vol.10, No.1, 1995, p.1. Ove non altrimenti indicato la traduzione è nostra.

tema del conflitto generazionale tra *sabra*, *vatikim* ed *olim hadashim*¹⁵, spiegando l'origine dell'effetto umoristico di immagini e *boutades* agli occhi di un immigrato sovietico in Israele. Infine abbiamo dato uno sguardo al rapporto dei russi con la religione ebraica in relazione alla propria autoidentificazione. Laddove la bibliografia critica a nostra disposizione non ci è stata d'aiuto nel colmare lacune ermeneutiche, abbiamo richiesto spiegazioni agli autori o stimolato interpretazioni e commenti di *insiders* della comunità russo-israeliana. Ci siamo serviti nel nostro percorso di singoli articoli, collettanee ed opere in lingua inglese, italiana, francese e russa. Il materiale di ricerca è stato raccolto prevalentemente nel corso della permanenza in Israele (presso la già citata National Library e le *Dom Knigi* di Gerusalemme, Tel Aviv ed Haifa), durante la quale abbiamo avuto modo di intervistare cinque grandi protagonisti del giornalismo russo in Israele: Marina Koncevaja, Mark Galesnik, Anatolij Livšic, Lev Melamid e David Zil'ber: le loro impressioni sono raccolte nell'Appendice. Le conversazioni con la professoressa Zilberg (e la sua famiglia!) del Kinneret College di Tiberiade sono state ugualmente una fonte indispensabile.

Pur non beneficiando del ruolo di *insider* all'interno della comunità degli immigrati in Israele dall'ex Unione Sovietica, abbiamo cercato di partecipare alla vita della comunità, nel tentativo di esercitare, per quanto in nostro potere, la capacità mimetica dell'antropologo, necessaria per il compimento di un percorso di osservazione partecipante¹⁶. Complici la bontà e la generosità di molti membri della comunità russa in Israele, da Haifa a Gerusalemme, da Tel Aviv a Beer Sheba, da Herzliya a Kiryat Ata.

Abbiamo avuto la fortuna, in due mesi di ricerca sul campo (aprile - maggio 2012) di conoscere il punto di vista di immigrati di diverse provenienze, estrazioni e generazioni (sia in senso storico, *vatikim* ed *olim hadashim*, sia in senso prettamente anagrafico) sulle ragioni e gli esiti

¹⁵ “*Sabra*”, letteralmente “cactus” (invariabile, ebraico) è colui che è nato in Terra di Israele. “*Vatik*” (plurale *vatikim*, ebraico) identifica invece il “veterano”, ovvero l'immigrato degli anni '70. “*Hadashim*” è il plurale di “nuovo”. Gli *olim hadashim* sono dunque i nuovi immigrati.

¹⁶ Cfr. B. Malinowski, *Argonauti del Pacifico occidentale: riti magici e vita quotidiana nella società primitiva*, Bollati Boringhieri, Torino, 2004.

della loro emigrazione e sul significato nelle loro vite dei *media* in lingua russa dagli anni '90 ai giorni nostri. Abbiamo toccato con mano l'esistenza di anziani russofoni, che si accontentano di un vocabolario ebraico di un centinaio di parole sufficiente alla sopravvivenza e leggono la realtà israeliana dagli schermi di *Israel Plus* e dalle pagine dell'ultimo quotidiano superstite, "Vesti". Apprezzato il mondo di giovani che prediligono la compagnia della propria "tusočka" in un pub etnico come il *Putin* o il *Bessarabia* o in casalinghe *večerinki* declamando versi¹⁷ piuttosto che mischiarsi ai propri connazionali. Condiviso gli *hobbies* di adulti che si ritrovano in serate letterarie per scambiare opinioni sugli scritti propri e altrui in lingua russa, nostalgici d'essa e frustrati dall'inadeguata padronanza del nuovo idioma, che preferiscono ascoltare in uno spettacolo teatrale al *Gesher* supportati da rassicuranti sottotitoli in cirillico.

Non vogliamo tuttavia esasperare un'immagine di "ghetto russo". Le statistiche supportano l'evidenza del successo dell'integrazione degli immigrati russi nell'Israele contemporaneo: i successi elettorali dei partiti, che hanno dato un nuovo volto alla politica interna ed estera israeliana, le confermano¹⁸. Si rileva cionondimeno una tendenza a fare gruppo a sé, un'indole incline alla separazione identitaria testimoniata già negli immigrati degli anni '70.

Questo dà ragione di pensare che la stampa in lingua russa in Israele, se non nella sua accezione vera e propria di carta stampata, ma sotto forma di *e – book* e testate *online*, sopravvivrà alle prepotenti istanze del mondo globalizzato e continuerà a sostenere e ad informare gli ebrei russi e – si spera - a farli sorridere.

¹⁷ Una "*večerinka*" (dalla radice *večer'*, sera ma anche festa) è una festa. Per un accenno alla passione dei russi per la poesia e la declamazione cfr. G. P. Piretto, *1961. Il sessantotto a Mosca*, Moretti & Vitali, Bergamo, 1998, p. 68 e <http://www.lettere.uniroma1.it/sites/default/files/628/xAutore_Scandura_Il%20poeta%20in%20Russia.pdf>, accesso del 28/04/2014.

¹⁸ Cfr. <<http://www.jpost.com/Features/In-Thespotlight/Racial-discrimination-rife-in-Israels-labor-market>>, accesso del 02/05/2014.

Capitolo 1 - Le *aliyot* russe in Israele: un profilo storico

Gli ebrei in Russia fino agli anni Settanta del Novecento

Già dai tempi della Rus' kieviana gli ebrei costituivano parte integrante del ricco patrimonio etnico dei sovrani russi: il censimento del 1897 registrava 5.215.800 ebrei nella popolazione dell'Impero russo¹⁹.

In Ucraina, Lituania e Polonia gli ebrei si erano organizzati grazie al bene placito dei sovrani locali in comunità, talvolta dotate di autonomia amministrativo-giudiziaria; era stata loro concessa la possibilità di possedere terreni e di esercitare liberamente le proprie attività commerciali²⁰.

Nel Settecento, a seguito delle tre spartizioni della Polonia, l'Impero russo entrò in possesso di territori in cui vivevano molti ebrei. La disposizione degli zar nei loro confronti passò dalla legislazione relativamente liberale di Caterina (1762-1796) alla repressione di Nicola I (1825-1855)²¹. Caterina divenne sovrana di molti ebrei a seguito dell'annessione all'impero della Crimea (1783), della Lituania, della Polonia e della Volinia (1793-95). L'imperatrice vietò agli ebrei di insediarsi nelle capitali e nei *vnutrennie gubernii* (governatorati interni), impedendo loro di abbandonare la propria dimora se non per brevi affari; istituì inoltre una speciale Commissione dedicata al controllo degli ebrei dell'impero.²² Nicola li costrinse in una zona di residenza coatta (*čerta postojannoj evrejskoj osedlosti*)²³ nei territori ad ovest dell'Impero, si intromise nei loro usi e costumi, impose una leva militare lunga e crudele (venticinque anni)²⁴: l'obiettivo dell'autocrazia era allontanare gli ebrei dallo *shtetl*, il villaggio ebraico, in tenera età, cosicché il ricordo delle

¹⁹ Cfr. Z. Gitelman, *Introduction in Stalin's Forgotten Zion: Birobidzhan and the Making of a Soviet Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928-1996*, University of California Press, 1998 e S. Dubnov, *Istorija evrejskogo naroda v Rossii. Ot drevnosti do rannego novogo vremeni*, Mosty Kul'tury/Gesharim. Gerusalemme, pp. 243-344.

²⁰ D. Cavaion, *La letteratura russo-ebraica*. In: *Storia della civiltà letteraria russa*. Volume II, diretta da Michele Colucci e Riccardo Picchio. Torino: UTET, 1997, pp. 671-674.

²¹ A. Kappeler, *La Russia. Storia di un impero multi-etnico*, Edizioni Lavoro, Roma, 2009, pp. 86-95.

²² < <http://www.jewishpetersburg.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=238>>, accesso del 09/03/2014.

²³ Cfr. A. Cifariello, *L'ombra del kahal. Immaginario antisemita nella Russia dell'Ottocento*, Viella, Roma, 2013 e B. Nathans, *Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*, University of California Press, Berkeley, 2004.

²⁴ Cfr. J. Petrovskij-Štern, *Evrei v russkoj armii. 1827-1914*, Novoe literaturnoe obozrenie, Mosca, 2003.

tradizioni ebraiche sbiadisse, portando ad una completa assimilazione. Nel 1849 il numero degli ebrei nella zona di residenza si aggirava intorno al milione.²⁵

Nel frattempo gli ebrei russi si dividevano tra chi voleva mantenersi nel solco dell'ebraismo, orgoglioso della propria peculiarità (è nell'Europa orientale che, a partire dall'inizio del Settecento, si afferma il chasidismo²⁶, corrente mistica dell'ebraismo²⁷) e chi, anche a causa dell'influsso dell'*haskalah*²⁸, l'Illuminismo ebraico di Moses Mendelssohn, si distaccava progressivamente dai legami religiosi e comunitari, fino alla conversione o all'identificazione completa, persino nazionalista, con il popolo russo. Un esito indesiderato della spinta riformatrice ispirata dal pensatore ebreo tedesco, la cui missione non voleva essere portare il popolo ebraico a rinnegare la propria identità, bensì secolarizzare “la Bibbia alla stregua di un gioiello letterario”, legittimare “l'assimilazione culturale portando agli estremi la vecchia tesi di Maimonide, secondo cui gli studi laici devono essere riconosciuti come una parte essenziale dell'educazione di un ebreo”²⁹.

La devozione degli ebrei russi all'Impero non garantì comunque loro la sicurezza e l'accoglienza all'interno dei suoi confini: l'assassinio di Alessandro II nel 1881 e la sua attribuzione agli ebrei, uniti all'accusa ormai centenaria di essere concorrenti sleali e per questo ragione della miseria del popolino, furono il pretesto per l'ennesima ondata di distruzione e saccheggi dei villaggi ebraici, quei *pogromy* (in russo, devastazioni) che a tutt'oggi associamo alle rappresaglie

²⁵ A. Cifariello, *Ebrei e “zona di residenza” durante il regno di Alessandro II*, “Studi Slavistici”, VII, 2010, p. 87, disponibile al sito <http://www.academia.edu/2316922/Ebrei_e_zona_di_residenza_durante_il_regno_di_Alessandro_II>, accesso del 14/12/2013. Riflessi della drammaticità della leva sono riflessi in molte opere della letteratura russo-ebraica, tra queste *Pojmannik* (“L'acchiappato”, il riferimento è al piccolo ebreo vittima dell'acchiappa-uomini, il *lovčyj*, “colui che dà la caccia) di G. I. Bogrov e *Vek perežit – ne pole perejti* “La vita non è una passeggiata” di V.N. Nikitin: l'eroe di quest'ultimo racconto perde memoria della propria fede durante la leva, a causa dell'assenza di pratica e di contatti con correligionari. Le traduzioni dei titoli dei romanzi sono nostre.

²⁶ Movimento legato alla figura di Israel ben Eliezer, noto anche come Baal Shem Tov o il Besht (dalle iniziali), il chasidismo nacque in Polonia nel XVIII secolo. Propugnava l'avvicinamento a Dio non tramite studi rigorosi delle Scritture, bensì attraverso un fervore spirituale e mistico. La fede del *chassid*, il pio, era indirizzata anche e soprattutto al leader carismatico, le cui saggezza e santità si credeva si trasmettessero al popolo. Cfr. J. Israel, *Gli ebrei d'Europa nell'età moderna (1550-1750)*, Società editrice il Mulino, Bologna 1991, pp.316-317.

²⁷ G. Scholem, *Le grandi correnti della mistica ebraica*, Einaudi editore, Torino, 1993.

²⁸ Dalla parola ebraica “*sekhel*” (ragione, intelletto), l'*haskalah* fu un movimento ispirato all'Illuminismo europeo. Incoraggiava lo studio delle lingue europee, l'avvicinamento alla società europea ed un approccio razionale alla religione ebraica ed allo studio dei testi sacri. Molti sostenitori dell'*haskalah*, i *maskilim*, tra di loro la stessa figlia di Mendelssohn, decisero di convertirsi per completare il proprio cammino verso l'assimilazione. Cfr. <<http://www.jewishencyclopedia.com/articles/7318-haskalah>>.

²⁹ A. Elon, *Requiem Tedesco. Storia degli ebrei in Germania 1743-1933*, Mondadori, Milano, 2005, pp. 49-50.

antisemite³⁰. Durante il regno di Alessandro III venne introdotto il numero chiuso per gli ebrei nei ginnasi e nelle scuole superiori³¹.

Le violenze – grande rumore fece il *pogrom* di Kišinev (1903) - insieme a ulteriori limitazioni discriminatorie dal punto di vista economico, militare ed educativo³², furono la ragione, unita all'affermazione del movimento sionista, che spinse grandi masse di ebrei russi ad emigrare, massicciamente verso l'America, in numero minore verso la Palestina. Fu dunque il terrore originato dai *pogromy* scatenati a partire dall'aprile 1881 a dare origine a questa ondata migratoria: fra la metà del 1881 e la metà del 1882 da trentamila a quarantamila ebrei lasciarono la Russia; circa un terzo di loro ricevette aiuti per raggiungere gli Stati Uniti. Secondo storici come Leščinskij e Čerikover³³ non furono gli anni 1881 e 1882 a segnare un punto di svolta nell'emigrazione russo-ebraica: già nel decennio precedente, infatti, oltre cinquantamila ebrei avevano lasciato la Russia per gli Stati Uniti e per motivazioni più socio economiche che politiche (*boom* demografico e stagnazione economica). Nel primo decennio del Novecento l'emigrazione degli ebrei dalla Russia agli Stati Uniti per scampare ai *pogromy* riprese a crescere di anno in anno: dai 37.011 del 1900, ai 77.544 del 1901 ai 92.388 del 1905, ai 125.234 del 1906 secondo i dati raccolti da Jonathan Frankel.³⁴ Chi si diresse verso la Terra Santa formò la prima *aliyah* (in ebraico ascesa). Circa dodicimila pionieri russi ispirati dall'ideale sionista tra il 1882 ed il 1903 emigrarono, ponendo le basi di un ritorno ebraico in Israele.³⁵ Chi restò e non perse la propria identità riversò le proprie energie nelle speranze politiche di inizio secolo, aderendo al Bund, il

³⁰ N. V. Riasanovskij, *A history of Russia*, Oxford University Press. New York, 1993, pp. 394-397.

³¹ A. Kappeler, *La Russia, storia...*, cit., p. 436.

³² Cfr. C.G. De Michelis., *La giudeofobia in Russia : dal Libro del «Kahal» ai Protocolli dei savi di Sion*, Bollati Boringhieri, Torino, 2001.

³³ Tra i fondatori dell'YIVO, l'Istituto Scientifico Yiddish, fondato nel 1925 a Vilnius e tutt'ora operante nello studio, nell'insegnamento e nella preservazione di lingua e cultura *yiddish* nell'est Europa, cfr. S. Liptzin, *A history of yiddish literature*, Middle Village, Jonathan David Publishers, 1972, pp. 127-130.

³⁴ J. Frankel , *Gli ebrei russi*, Einaudi editore, Torino, 1990, pp. 78-211.

³⁵ A. Foa, *Diaspora. Storia degli ebrei nel Novecento*, Editori Laterza, Bari, 2009, pp. 115-116.

partito socialista ebraico le cui aspirazioni autonomiste furono in seguito frustrate dal partito bolscevico³⁶.

Dopo il fallimento della rivoluzione del 1905 si ebbe una seconda ondata migratoria verso la Palestina, fino alla vigilia della grande guerra, di circa quarantamila giovani. Questa seconda *aliyah* fu un movimento più politicizzato ed ispirato ad ideali socialisti. Alla seconda *aliyah* appartenevano i futuri dirigenti dello *Yishuv* (l'insediamento ebraico in Palestina prima della proclamazione dello stato) e poi dello Stato d'Israele, personaggi come Ber Borochov, David Ben Gurion ed Aaron David Gordon³⁷, l'ideologo dei *kibbutzim*³⁸.

Una terza *aliyah* porterà in Palestina “altri trentacinquemila giovani russi, perlopiù militanti sionisti - socialisti assai radicali, le cui speranze sioniste si erano riaccese alla Dichiarazione Balfour (1917³⁹) e che fuggivano le violenze antisemite dei russi bianchi e degli ucraini nel corso della guerra civile”⁴⁰.

Nel frattempo in Russia molti ebrei guardarono comunque con favore alla rivoluzione d'Ottobre, vedendo in essa la possibilità di entrare a pieno titolo come cittadini in un nuovo stato che aveva abolito le discriminazioni a loro rivolte. Numerosi furono gli ebrei nella dirigenza bolscevica, tra essi personaggi di primissimo piano quali Trockij (Bronštein), Kamenev (Rozenfel'd), Zinov'ev (Apfelbaum), Radek (Sobelson), Kaganovič.

All'affermarsi dello stalinismo seguì una serie complessa di conseguenze. Il riconoscimento degli ebrei come nazionalità autonoma portò all'attribuzione di una remota regione di insediamento, il Birobidžan (1928)⁴¹, situato ad ottomila chilometri da Mosca, in Estremo Oriente, dove poche decine di migliaia di ebrei decisero di stabilirsi. L'iniziativa politica che favorì l'insediamento

³⁶ Cfr. O. Figes, *La tragedia di un popolo*, Casa Editrice Corbaccio, Milano, 1997 e J. Frankel, *Gli ebrei russi*, cit., pp. 268-393.

³⁷ J. Frankel, *Gli ebrei russi*, cit., pp. 501-550.

³⁸ Colonie agricole collettivistiche.

³⁹ La dichiarazione Balfour è una lettera scritta nel 1917 dal ministro degli Esteri britannico Balfour a Lord Rothschild, esponente di spicco della comunità ebraica inglese, nella quale egli si dichiarava favorevole alla creazione di un focolare ebraico in Palestina nel contesto della spartizione dei territori dell'Impero ottomano. Cfr. J. Gelvin, *Il conflitto israelo-palestinese. Cent'anni di guerra*, Piccola Biblioteca Einaudi, Torino, 2007, p. 105.

⁴⁰ A. Foa, *Diaspora. Storia ...*, cit., p. 116.

⁴¹ A. Graziosi, *L'Urss di Lenin e Stalin. Storia dell'Unione Sovietica. 1914-1945*, Società editrice il Mulino, Bologna 2007, p. 207.

ebraico in Birobidžan rispondeva ad una serie di esigenze: la politica staliniana delle nazionalità trovava non accettabile la presenza di una nazione ebraica senza un territorio definito; l'ideologia sovietica puntava ad allontanare la popolazione ebraica dai tradizionali impieghi nel commercio e nel piccolo artigianato per favorire il lavoro agricolo ed industriale. Infine la costituzione di un territorio con una significativa presenza autonoma ebraica poteva favorire la politica culturale antireligiosa e filo - socialista del regime. A partire quindi dal 1928 fu lanciata un'ampia campagna tesa a favorire l'insediamento degli ebrei nella remota regione dell'Estremo Oriente russo, ai confini della Cina. La propaganda, diffusa in Unione Sovietica (anche con opuscoli lanciati dagli aerei sulle comunità ebraiche in Ucraina) e nella diaspora ebraica con ampia raccolta di fondi, sottolineava come nello stato dei *soviet* gli ebrei potessero trovare una loro patria, alternativa al sogno sionista del ritorno alla terra di Israele. Alcune migliaia di ebrei giunsero quindi in Birobidžan trovando dure condizioni di vita e di lavoro data l'inclemenza del clima e la natura paludosa dei terreni. L'esperimento vide anche il coinvolgimento della diaspora americana (in particolare dall'Argentina e dalla California). La speranza per tutti era quella di trovare una terra in cui lavoro agricolo e società socialista si potessero realizzare in un ambiente ebraico. Furono fondate scuole ed istituzioni culturali (biblioteca, teatro, pubblicazioni) in cui la lingua ufficiale era l'*yiddish*, visto come la lingua del popolo lavoratore in contrapposizione all'ebraico, la lingua della religione. La formazione aveva una forte impronta ateista. La proclamazione ufficiale della Regione Autonoma Ebraica avvenne nel 1934. Il numero degli ebrei non superò tuttavia i diciottomila e la maggioranza degli immigrati trovò lavoro nelle tradizionali attività del commercio e dei servizi più che nell'agricoltura⁴². Le purghe del 1936-38 colpirono la dirigenza ebraica della regione e portarono alla chiusura delle istituzioni *yiddish*, con un sostanziale abbandono del progetto. Tuttavia alla fine della seconda guerra mondiale vi fu un nuovo afflusso di fuggiaschi dalla Russia occidentale e dall'Ucraina con una crescita fino a 30.000 unità della popolazione ed una ripresa della cultura

⁴² Cfr. R. Weinberg, *Stalin's Forgotten Zion: Birobidžan and the Making of a Soviet Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928-1996*, University of California Press, 1998.

yiddish. Nel 1948 la svolta anti - israeliana della politica staliniana vide una nuova offensiva antisemita culminata nel rogo dei libri della sezione *Judaica* della biblioteca locale. Il sostanziale fallimento dell'esperienza della regione autonoma ebraica non ne vide tuttavia la fine definitiva. Con la *perestrojka* fu avviata una rivitalizzazione delle istituzioni ebraiche con la ripresa dell'insegnamento dell'*yiddish* e la celebrazione delle festività religiose. Tuttavia l'emigrazione verso Israele ha ridotto la presenza ebraica a poche migliaia di persone. Nel 2012 il celebre scrittore ebreo francese Marek Halter ha realizzato un film documentario *Birobidžan, Birobidžan*⁴³ descrivendo un luogo dove la lingua *yiddish* viene ancora parlata e insegnata, presentato al festival di Cannes. La singolare esperienza della regione autonoma ebraica fa inoltre da sfondo al suo romanzo *L'inconnue de Birobidžan* [La sconosciuta del Birobidžan]⁴⁴.

Nel frattempo in Russia l'abolizione di fatto del piccolo commercio (1929) aveva privato della propria occupazione larghe fasce della popolazione ebraica. Le scuole talmudiche furono abolite nell'ambito dell'offensiva antireligiosa. Lo sconvolgimento della struttura occupazionale con la industrializzazione e la proletarizzazione di massa videro un cospicuo aumento della popolazione ebraica delle grandi città, dove gli ebrei vennero ad essere una componente significativa delle professioni specializzate⁴⁵. Luci ed ombre del passaggio dalla economia dello *shtetl* alla modernizzazione sovietica sono bene illustrate nell'articolo del 1926 di Joseph Roth *La situazione degli ebrei nella Russia sovietica*.⁴⁶ Roth evidenziava da una parte la liberazione che l'avvento della rivoluzione aveva significato per gli ebrei rispetto al dominio zarista e la ufficiale condanna dell'antisemitismo da parte del regime sovietico, dall'altra la difficoltà nel definire gli ebrei come una nazione simile a tutte le altre e l'impossibilità di ridurre alle categorie semplici di contadini ed operai uomini e donne con una storia di cultura e tradizione così complesse.

⁴³ <<http://www.youtube.com/watch?v=jeiYD9o9AcA>>, intervista a Marek Halter, “*Rencontre avec Marek Halter au Château de l'Île à Ostwald. Il nous parle de la naissance du Birobidžan le premier état juif, de Staline et du Yiddish*». Il documentario è visibile in lingua russa all'indirizzo <http://www.youtube.com/watch?v=XEkb5_X_pMw>⁴⁴ Cfr. M. Halter, *L'inconnue de Birobidžan*, Éditions Robert Laffont, Paris, 2012.

⁴⁴ Cfr. M. Halter, *L'inconnue de Birobidžan*, Éditions Robert Laffont, Paris, 2012.

⁴⁵ A. Graziosi, *L'Urss di Lenin...*, cit., p. 439.

⁴⁶ J. Roth, *Viaggio in Russia*, Adelphi edizioni. Milano 1981, pp. 70-77.

Nel 1937 la “Komsomol’skaja Pravda” avanzò la proposta che gli ebrei adottassero pseudonimi russi: pare che vi fosse preoccupazione rispetto alle accuse naziste circa l’origine ebraica di molti dirigenti sovietici, prova supposta della natura “giudaica” del bolscevismo. Iniziava contemporaneamente l’adozione di un sistema di quote nazionali diretto contro gli ebrei che regolava l’accesso a determinate cariche ed uffici.⁴⁷

Fu tuttavia la dirigenza sovietica stessa ad incoraggiare una riaffermazione dell’identità ebraica in occasione dell’invasione nazista. Con lo scoppio della guerra, a poche settimane dall’invasione dell’URSS, fu fondato il Comitato Antifascista ebraico dell’Unione Sovietica, che chiamava con appelli in yiddish i “*Jidische brider un schwester*”, i fratelli e sorelle ebrei, ad opporre resistenza ai tedeschi e sostenere l’URSS nella sua lotta per la sopravvivenza.⁴⁸ Il Comitato era presieduto dal celebre attore Michoels e composto da illustri esponenti dell’*intelligencija* ebraica. In questa atmosfera fu possibile la stesura, guidata da Il’ja Erenburg e Vasilij Grossman, de *Il libro nero*, raccolta di documenti e testimonianze sulla *Shoah* nei territori occupati⁴⁹.

Con la fine del conflitto il clima mutò rapidamente. Le aspirazioni del nazionalismo ebraico furono d’un tratto bollate come “deviazione sciovinista” e “cosmopolitismo”. Michoels fu eliminato nel 1948 con un finto incidente automobilistico⁵⁰ ed il Comitato fu successivamente soppresso e a seguire, nel 1952, un processo vide la condanna capitale di molti suoi esponenti.⁵¹ La peculiarità della persecuzione ebraica sotto il nazismo fu celata dalla propaganda ufficiale ed *Il libro nero* di Erenburg e Grossman non poté essere pubblicato in Unione Sovietica.

L’Unione Sovietica favorì la nascita dello Stato d’Israele nel voto dell’Assemblea Generale dell’ONU del 29 novembre 1947. Tra il giugno 1947 e l’ottobre 1948 l’Agenzia Ebraica (il futuro governo d’Israele) acquistò armamenti in Cecoslovacchia, in parte bottino di guerra dell’esercito

⁴⁷ A. Graziosi, *L’Urss di Lenin...*, cit., p. 439.

⁴⁸ R. Calimani, *Passione e tragedia. La storia degli ebrei russi*, edizioni Oscar Mondadori Saggi, Milano, 2006, pp. 124-125.

⁴⁹ Cfr. V. Grossman ed I. Erenburg, *Il libro nero*, edizioni Oscar Mondadori Storia, Milano, 1999.

⁵⁰ Cfr. N. Vovsi-Michoels, *Moj otec Solomon Michoels. Vospominanija o žizni i gibeli*, *Vozvraščenie*, Mosca, 1997; M. Geizer, *Michoels, žizn’ i smert’*, *Žurnalističeskoe Agenstvo “Glaznost”*, Mosca, 1998); Viktor Levashov, *Ubijstvo Michoelsa*, Olimp, Mosca, 1998.

⁵¹ V. Grossman ed I. Erenburg, *Il libro...*, cit., p. 857.

tedesco, in parte prodotti dalla fabbrica Škoda. L'operazione (denominata "Balak" dal nome di un personaggio biblico, re dei Moabiti) fu importante nella genesi dello stato d'Israele e avvenne con il beneplacito dei sovietici.⁵² Furono forniti armamenti leggeri (fucili, pistole, mitragliatrici), munizioni e, soprattutto, aerei che costituirono il nucleo della nascente aeronautica militare israeliana. In Cecoslovacchia vennero addestrati piloti, personale di terra e militari di truppa. Il trasporto del materiale avveniva da un aeroporto presso la località di Zatek in territorio cecoslovacco, a 70 chilometri ad ovest di Praga (più avanti da Niksic in Montenegro-Yugoslavia) a Ekron (presso Rehovot) in Israele⁵³. Il principale sostenitore dell'operazione, il ministro degli esteri cecoslovacco Vladimir Clementis, fu in seguito accusato di essere un "nazionalista borghese" e partecipe della cospirazione "trozkista-titoista-sionista" fino alla condanna a morte per impiccagione nel processo Slánský (1952). Con il mutare della situazione internazionale e con la crescente ostilità di Stalin nei confronti di Israele, il sostegno militare venne a cessare.⁵⁴ Le manifestazioni d'entusiasmo con cui gli ebrei di Mosca accolsero nel '48 il primo ambasciatore d'Israele in URSS Golda Meyerson suscitarono il sospetto del regime. Gli ebrei erano considerati una diaspora etnica potenzialmente leale ad uno stato straniero ostile.⁵⁵

Il crescente antisemitismo ebbe l'ultimo atto nell'accusa di complotto rivolta ai medici ebrei, che vide l'arresto di alcuni celebri clinici moscoviti con l'imputazione di aver avvelenato dirigenti sovietici d'accordo con gli imperialisti ed i sionisti. L'accusa sembrava preludere a provvedimenti più estesi contro gli ebrei russi e diffuse il panico nella popolazione ebraica. Il processo a carico dei medici, che avrebbe dovuto tenersi il 15 marzo 1953, non ebbe mai luogo e gli imputati furono prosciolti:⁵⁶ dieci giorni prima era morto Stalin.

⁵² A. Krammer, *The forgotten friendship: Israel and the Soviet Bloc, 1947-53*, University of Illinois Press, Urbana, 1974, pp. 32-50.

⁵³ Ivi, pp.54-82.

⁵⁴ Ivi, pp. 83-120.

⁵⁵ Y. Ro'i, *Soviet Decision Making in Practice. The USSR and Israel 1947-1954*, Transaction Books, New Brunswick, 1980, pp. 183-219.

⁵⁶ B. Pinkus, *The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority*, Cambridge University Press, Cambridge, 1988, pp. 176-178 e 217.

Nel 1956, durante il suo rapporto al XX Congresso del Partito, Chruščëv denunciò i crimini staliniani, ma non fece menzione dell'antisemitismo degli ultimi anni⁵⁷. Nella parte restante del suo mandato, peraltro, non diede se non deboli segnali di apertura per migliorare le condizioni degli ebrei in URSS, il cui destino non aveva mai avuto a cuore. Fu destituito nel 1964.

Nel frattempo Israele si percepiva il rappresentante internazionale ufficiale degli ebrei. La guerra dei Sei giorni (6-11 giugno 1967), unita ai complessi rapporti che legavano l'Unione Sovietica con i paesi arabi, nocquero alle già tese relazioni⁵⁸ tra la Russia e lo Stato d'Israele.

Gli ebrei in Russia negli anni Settanta

Il significato degli anni Settanta per la posizione degli ebrei in Unione Sovietica è ben riassunto da Anna Foa. È allora infatti che

comincia la spinta verso l'emigrazione, una spinta tuttavia che non trova spazio fino al 1970. Fino ad allora, tranne che in qualche caso limitato tra il 1965 e il 1967, gli ebrei dell'Unione Sovietica non avevano alcuna possibilità di emigrare. È intorno al 1967 che cominciano a formarsi, in maniera più o meno clandestina, gruppi di attivisti che militano per l'emigrazione: giornali clandestini, appelli di intellettuali, contatti con intellettuali e giornalisti stranieri. Il regime si trova sottoposto a due spinte opposte: da una parte, dato il favore con cui l'opinione pubblica occidentale guarda all'emigrazione degli ebrei russi, e dato il nuovo clima di distensione fra Est ed Ovest, è importante non presentare al di fuori un'immagine troppo repressiva, dall'altra l'emigrazione è vista con grande ostilità, come una fuga dei cervelli o un tradimento dei principi socialisti. Essa si apre tuttavia nel 1971, data a partire dalla quale, per tutto il decennio successivo, oltre 250.000 ebrei lasciano l'URSS, molti dei quali tuttavia non per Israele, ma per gli Stati Uniti, il Canada, i paesi dell'Europa occidentale.⁵⁹

L'atteggiamento dell'Unione Sovietica nei confronti degli ebrei nel corso degli anni Settanta è ambiguo. Come ci spiega Anna Foa a contrapporsi erano due pressioni: da una parte v'erano la tentazione di liberarsi degli attivisti sionisti⁶⁰ - la cui propaganda poteva incoraggiare pericolosi sentimenti autonomistici in altre nazionalità dello stato sovietico - e la volontà di apparire una

⁵⁷ A. Salomoni, *State-sponsored Anti-Semitism in Postwar USSR. Studies and Research Perspectives*, in "Quest. Issues in Contemporary Jewish History. Journal of Fondazione CDEC", no.1, 2010, disponibile al sito <<http://www.quest-cdecjournal.it/focus.php?id=212>>, accesso del 14/02/2013.

⁵⁸ A. Foa, *Diaspora...*, cit., p. 200.

⁵⁹ A. Foa, *Diaspora...*, cit., p.238.

⁶⁰ Tra le loro iniziative memorabile è il tentativo del maggio del '70 di Eduard Kuznecov, futuro redattore del giornale "Vesti", e di altri undici cospiratori, di dirottare un aereo da Leningrado ad Israele.

nazione democratica agli occhi dell'Ovest quali fattori a favore della concessione del visto d'uscita⁶¹. In senso opposto agivano altri motivi. V'era fastidio nel riconoscere che il cittadino sovietico preferiva la vita altrove, vedendo spesso nel visto di uscita un mezzo per scegliere non Israele ma gli Stati Uniti come destinazione finale⁶². Buona parte degli emigranti, inoltre, erano preziosi professionisti formati a spese dello stato. È tuttavia difficile stabilire quale sia l'influenza delle motivazioni interne e di quelle esterne nel determinare le politiche di emigrazione⁶³. Secondo Yaacov Ro'i e Laurie Salitan, autori di saggi nella miscellanea *Russian Jews on Three Continents*, apparsa vent'anni dopo i fatti che stiamo narrando, le ragioni interne sono, per la natura stessa del regime, più significative rispetto a quelle esterne nella gestione della “questione ebraica”. È Laurie Salitan a definire “tesi del barometro” l'equazione che vede un'apertura delle frontiere in coincidenza delle fasi di disgelo con gli Stati Uniti (l'URSS temeva l'avvicinamento dell'America alla Cina, voleva la ratifica degli accordi per la non-proliferazione nucleare ed ambiva allo *status* di “*most favoured nation in trade*”, per ottenere dalla superpotenza grano, innovazioni tecnologiche e crediti) ed una chiusura delle stesse in occasione dell'inasprimento delle relazioni⁶⁴. Gli Stati Uniti mai come allora erano paladini della libertà di scelta: nel 1974 l'emendamento Jackson-Vanik al *Trade Act* stabiliva che venissero rifiutati i suddetti incentivi alle nazioni che negavano ai loro cittadini il diritto ad emigrare⁶⁵.

In campo tuttavia non v'era solo questa semplice equazione, né l'Unione Sovietica poteva essere soggiogata da simili ricatti. A complicare ulteriormente il quadro v'era la relazione dell'URSS con i paesi arabi. Dall'affermarsi del nazionalismo di Nasser in Egitto, l'Unione Sovietica aveva assunto un ruolo di protettrice dei nazionalismi arabi (assumendone la difesa nella

⁶¹ Y. Ro'i, *Soviet Policy towards Jewish emigration: an Overview*, [a cura di N. Lewin-Epstein, Y. Ro'i e P. Ritterband] in *Russian Jews on Three Continents – Migration and Resettlement*, The Cummings Center series, Frank Cass & Co. Ltd., London, 1997, pp-50-52.

Y. Ro'i, *Soviet Policy...*, p.58.

⁶³ Ivi, p.55.

⁶⁴ *Ibidem*.

⁶⁵ L. Salitan, *Ethnic and Related Factors in Soviet Emigration Policy, 1968-1989*, in *Russian Jews...*, cit., p.83.

guerra di Suez del 1956, nella Guerra dei Sei Giorni del 1967 e nella guerra del Kippur del 1973)⁶⁶. Palestinese era la preoccupazione dei paesi arabi per il riversarsi nell'area mediterranea della vasta popolazione ebraica dell'alleato sovietico, mitigata dall'URSS con la rassicurazione che gli emigranti, essendo in buona parte vecchi o donne, erano privi di potenziale combattivo e non avrebbero costituito un pericolo nella regione: l'esagerazione del pericolo, secondo Mosca, non era altro che propaganda americana per danneggiare la relazione tra l'Unione Sovietica ed i paesi arabi.⁶⁷ Essi erano dipendenti dall'URSS per l'approvvigionamento di armi e "l'emigrazione ebraica era usata come strumento dalle autorità sovietiche per influenzare sia Israele sia i paesi arabi, come una carota per il primo ed un bastone per i secondi".⁶⁸

Anche all'interno del paese giocavano sentimenti contrastanti. Ai professionisti in fuga veniva implicitamente negato il diritto all'emigrazione mediante l'imposizione di un'onerosa tassa, insostenibile per i più, destinata a riscattare le spese sostenute dalla nazione socialista per formarli.⁶⁹ V'era un controllo delle testate giornalistiche, volto a smentire le difficoltà sofferte dagli ebrei in Unione Sovietica ed a pubblicizzare il ritorno ed il "ravvedimento" di coloro che, credendo di trovare in Israele la terra promessa, avevano abbandonato l'URSS e se ne erano poi pentiti. Ad incrementare lo scoraggiamento di un emigrante potenziale c'era la perdita della cittadinanza sovietica, barattata con il biglietto d'ingresso per una nazione al confronto minuscola e dal futuro incerto. Periodiche campagne antisioniste⁷⁰ instillavano ulteriormente il seme del dubbio in chi aveva considerato *l'aliyah* come un'opzione. Per chi invece questa scelta era più di un'opzione ma era una scelta ideologica, una scelta di vita, il rifiuto del diritto all'espatrio rappresentava il passaggio alla condizione di "*refusnik*"⁷¹: una condizione di limbo in cui si veniva visti come

⁶⁶ A. Graziosi, *L'Urss dal trionfo al degrado. Storia dell'Unione Sovietica. 1945-1991*, Società editrice il Mulino, Bologna 2008, p.204 e pp. 408-409.

⁶⁷ Y. Ro'i, *Soviet Policy...*, p.59.

⁶⁸ Ivi, p.48.

⁶⁹ Ivi, p.55.

⁷⁰ L'invidia ed il risentimento nei confronti di chi lasciava il paese suscitati nella popolazione originarono episodi di violenza come il pogrom di Dnipropetrovsk del maggio '72. cfr. A. Graziosi, *L'Urss dal trionfo...*, cit., p. 390.

⁷¹ Parola composta dal verbo inglese *refuse*, rifiutare e dal suffisso russo *-nik*, designava colui cui veniva rifiutato il visto per l'espatrio dall'Unione Sovietica. Da non confondersi con il movimento di disobbedienza civile degli obiettori

traditori di uno stato che, da una parte, era l'unico datore di lavoro ufficiale, dall'altra considerava parassiti coloro che non avevano un'occupazione stabile.⁷²

Nonostante tutto, circa 208.000 ebrei sovietici riuscirono a lasciare il paese nel decennio tra il 1969 ed il 1979⁷³. Solo alcuni di loro, come la prima ondata di ebrei georgiani tra il '71 ed il '74, "ascese" ad Israele mosso da forti ragioni ideologiche⁷⁴. Le reali motivazioni dell'immigrazione saranno ragione di dibattito e di scontro tra *olim* (immigranti ebrei in Israele) di generazioni diverse.

I "repatrianty"⁷⁵ russi a cavallo del ventunesimo secolo: da pionieri a parassiti?

"Vent'anni dopo, l'ondata della emigrazione russa in Israele è un eccezionale successo" titolava il quotidiano *Haaretz* il primo gennaio 2014⁷⁶.

Nell'articolo si ricorda come gli immigrati russi dopo la fine dell'URSS rappresentino oggi circa un quinto della popolazione israeliana ed abbiano "un palpabile impatto sulla società, dalle innumerevoli insegne in caratteri cirillici dei negozi fino ai molti immigrati di madre lingua russa che hanno assunto ruoli critici ai livelli più alti della politica israeliana".⁷⁷ Da Nathan Sharansky, il celebre *refusnik* fondatore del partito *Israel Ba Aliyah* al moldavo Avigdor Lieberman, potente ministro degli esteri e dirigente di *Yisrael Beiteinu*, formazione politica con un elettorato prevalentemente formato da immigrati russi che nel 2009 conquistò 15 seggi alla *Knesset* prima di

di coscienza *refusniks* o *sarvanim* ("quelli che hanno rifiutato") israeliani. Gli attivisti di questo movimento che si esprime in associazioni come *Courage to refuse*, *Yesh gvul* (C'è un limite, <<http://www.yeshgvul.org.il>>) ed il femminista *New profile* (<<http://www.newprofile.org/english>>). Coloro che si riconoscono in questa linea rifiutano di prestare il servizio di leva militare obbligatorio, oppure dichiarano di voler servire le forze di difesa israeliane "in qualunque missione serva la difesa di Israele (...). Le missioni di occupazione ed oppressione non servono quest'obiettivo, pertanto non vi prenderemo parte". (<<http://www.couragetorefuse.org/defaulteng.asp>>, accesso del 09/02/2014). Per saperne di più cfr. M. Simoni, *Hello pacifist": War resisters in Israel's first decade in Israelis and Palestinians Seeking, Building and Representing Peace*, "Quest", 5, Milano, 2013, p. 76, disponibile al sito <http://www.quest-cdecjournal.it/files/QUEST_ISSUE_5_mini.pdf>, accesso del 14/11/2013.

⁷² <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/Human_Rights/refuseniks.html>, accesso del 23/11/2013.

⁷³ Y. Ro'i, *Soviet Policy...*, p.52.

⁷⁴ Z. Gitelman, *'From a Northern Country': Russian and Soviet Jewish Immigration to America and Israel in Historical Perspective*, in *Russian Jews...*, cit., p.28.

⁷⁵ Gli ebrei russi che fanno ritorno in Terra Santa. Nella lingua russa chi compie l'*aliyah* è considerato un *repatriant*, ovvero colui che da emigrante ritorna in patria. Cfr. lemma *repatrirovat'*, S. I. Ožegov, *Slovar' russkogo jazyka*, Russkij jazyk, Mosca, 1990, p. 675.

⁷⁶ <<http://www.haaretz.com/jewish-world/jewish-world-features/.premium-1.566484#>>, accesso del 25/01/2014.

⁷⁷ *Ibidem*, "They have had a palpable impact on Israeli society, from the countless storefronts with signs in Cyrillic characters to the many Russian-speaking immigrants who have assumed critical roles in the highest echelons of Israeli politics".

fondersi con il partito conservatore *Likud*, l'influenza sulla politica israeliana è stato un marchio distintivo del successo e dell'integrazione dei russi nello stato ebraico.

Dal punto di vista del reddito, se nel 1992 il 56% degli immigrati si collocavano nel terzo più povero della società israeliana, nel 2010 il dato era sceso al 38%; di contro nello stesso periodo la percentuale di immigrati nel terzo a reddito più elevato saliva dal 10 al 27%.⁷⁸

L'elevato livello di istruzione ha certamente favorito una storia di successo. Il paragone con l'immigrazione degli ebrei etiopi avvenuta negli stessi anni evidenzia la difficoltà di integrazione per una popolazione proveniente da un'area di agricoltura povera⁷⁹. Nella medicina, nelle scienze, nell'esercito la presenza degli immigrati russi è invece molto significativa. Più problematica, ancora oggi, la condizione delle fasce più anziane degli immigrati, spesso privi dei sussidi governativi ed in difficoltà nei rapporti con la burocrazia. I più giovani d'altra parte, la terza generazione, dice Nadenka Tatarenko dell'organizzazione "Immigrati per un'integrazione di successo" sono israeliani e non si vedono molte differenze tra loro e i *sabra*.⁸⁰

Dal 1 gennaio 1989 al 31 dicembre 1994 circa 800.000 ebrei migrarono dai territori della Unione Sovietica. Circa 540.000 giunsero in Israele; i restanti si diressero in Occidente, per lo più negli Stati Uniti. Un grande esodo, paragonabile solo a quello della fine '800, favorito dalla cessazione delle restrizioni alla libertà di movimento dalla Unione Sovietica, dalla disgregazione economica e dal marasma politico degli ultimi anni di Gorbačëv. Se prima dell'89 la maggioranza degli ebrei sovietici sceglieva come meta migratoria gli Stati Uniti, dall'ottobre di quell'anno fu varata dal governo americano una nuova politica dell'immigrazione, che fissava a 50.000 all'anno il limite dei nuovi arrivi. Secondo alcuni⁸¹ non fu estranea a questa decisione la pressione delle autorità israeliane preoccupate per lo scarso numero di immigrati che optavano per l'*aliyah*. La decisione ebbe un effetto immediato: nel 1990 solo 31.283 ebrei andarono negli Stati Uniti.

⁷⁸ A. Arian, M. Philippov e A. Knafelman, *Auditing Israeli Democracy – 2009. twenty years of immigration from the Former Soviet Union*, Guttman Center of Israel Democracy Institute, The Israel Democracy Institute, Gerusalemme, 2009, pp. 20-52.

⁷⁹ < <http://www.haaretz.com/jewish-world/jewish-world-features/.premium-1.566484#>>, *ibidem*.

⁸⁰ *Ibidem*.

⁸¹ Z. Gitelman, 'From a Northern Country': *Russian...*, in *Russian Jews on Three Continents*, cit., p. 29.

Dall'ottobre '89 l'emigrazione verso Israele assunse un carattere di massa: nel 1990 si registrarono 185.227 partenze, 147.039 nel '91, più di 60.000 all'anno nel resto degli anni '90⁸². Nei primi anni 2000 il flusso si ridusse a circa 10.000 all'anno, per diminuire ancora dopo il 2005⁸³. Circa un milione di persone arrivarono quindi in un piccolo paese che contava circa cinque milioni di abitanti nel 1989 e che vide aumentare la sua popolazione di circa il 20%, con un profondo impatto sul sistema complessivo e con enormi problemi per gli immigrati e la società ospitante riguardo al lavoro, le abitazioni, il *welfare*, la lingua, il sistema formativo.

Quali le ragioni della migrazione di massa? Negli anni '80 l'ideale sionista era centrale nelle motivazioni degli *olim*, accanto al rifiuto del sistema politico sovietico visto come un "immenso carcere per 300 milioni di persone"⁸⁴. L'ondata degli anni '90 è stata la meno sionista. In un'indagine del 1992, meno del 3% degli *olim* intervistati citavano il sionismo come motivazione all'emigrazione⁸⁵. La presenza di parenti in Israele, il crescere dell'antisemitismo nell'ex-Unione Sovietica, il deteriorarsi della situazione economica erano visti come le principali molle per l'emigrazione. Prevalsero quindi i fattori cosiddetti "*push*" rispetto a quelli "*pull*".⁸⁶ La natura di massa del fenomeno migratorio, infine, gli fece assumere una dinamica di auto- mantenimento: più persone emigravano, maggiore il numero di coloro, parenti ed amici, che pensavano di emigrare anch'essi.

Quanto alla provenienza del flusso migratorio, se fino all''89 gli ebrei ucraini e russi preferivano gli Stati Uniti a Israele, l'ondata dell'89-92, dopo la restrizione delle quote immigratorie americane, vide un sostanziale afflusso da questi territori, residenza della maggior

⁸² E. M. Andreev, L. E. Darsky et al., *Naselenie sovetskogo sojuza*, Nauka, Mosca, 1993.

⁸³ M. Tolts, *Post-Soviet Jewish population in the contemporary world: a study of demographic transformation in the course of mass migration*, Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry, The Hebrew University of Jerusalem, Gerusalemme, 2008.

⁸⁴ A. V. Voronel', *Twenty years after*, in *Russian Jews on Three Continents*, cit., p. 421.

⁸⁵ Z. Gitelman, *'From a Northern Country': Russian...*, in *Russian Jews on Three Continents*, cit., p. 31-32.

⁸⁶ Ivi, pp. 87-88.

parte della popolazione ebraica dell'ex-Unione Sovietica. Verso Israele si era da sempre diretta l'emigrazione degli ebrei dall'Asia centrale e dalle Repubbliche Caucasiche.⁸⁷

Nella popolazione migratoria le fasce d'età più giovani erano maggiormente rappresentate; maggiore anche la componente femminile. L'elemento più caratteristico è stato tuttavia l'elevato livello scolastico e professionale con il 40-50% degli immigrati forniti di educazione superiore. Zvi Gitelman rimarca la diversità di questa migrazione di massa rispetto a quella dalla Russia zarista negli Stati Uniti del 1881-1914, composta da masse ebraiche povere e illetterate, portatrici tuttavia di una identità e cultura ebraica in gran parte scomparsa nel periodo sovietico.⁸⁸

Accoglienza e integrazione

La dimensione del flusso migratorio dal '90 al '93 non poteva essere prevista dalle autorità israeliane. Fu messa in atto una politica di "assorbimento diretto" orientata al libero mercato; furono assegnate alle famiglie supporti economici salariali e sussidi per gli affitti ed i mutui per l'abitazione (paniere di accoglienza)⁸⁹. Fu garantita un'assistenza sanitaria gratuita nel primo anno e incoraggiato l'accesso ai corsi gratuiti (*ulpan*) di apprendimento dell'ebraico (frequentati dal 95% degli immigrati dai 18 ai 65 anni, dal 50% sopra i 65) preliminari all'ingresso nel mercato del lavoro.

Le abitazioni erano il problema più immediato. Accanto alle misure di emergenza come i siti caravan temporanei, fu attuato un massiccio investimento nell'edilizia. Le case non vennero assegnate d'ufficio, ma si decise per una politica di incentivi che favorisse insediamenti lontani dal centro del paese in aree economicamente marginali e geograficamente periferiche. Gli immigrati scelsero preferenzialmente i distretti meridionali e la zona di Haifa, meno i distretti di Tel Aviv e Gerusalemme.⁹⁰ Soprattutto nei primi anni la dimensione degli appartamenti e la densità abitativa erano problematiche (nel 1992 1,8 persone per stanza). Le condizioni abitative erano caratterizzate

⁸⁷ S. Della Pergola, *The global context of migration to Israel*, in *Immigration to Israel: sociological...*, cit., p.81.

⁸⁸ Z. Gitelman, *'From a Northern Country': Russian ...*, cit., pp. 34-35

⁸⁹ E. Leshem, *The Israeli public's attitudes toward the new immigrants of the 1990s*, in *Immigration to Israel: sociological...*, cit., p. 307.

⁹⁰ A. M. Paltiel, et al., *Immigrants from the former USSR in the 1990s: demographic characteristics and socio-economic absorption*, in *Immigration to Israel: sociological...*, cit., pp. 301-303.

spesso dalla presenza di tre generazioni, figli, genitori, spesso *single* o divorziati, nonni nella stessa unità, per evidenti ragioni di economia e reciproco supporto.

L'assorbimento nel mercato del lavoro vide alcuni dati di fondo:

- 1) elevati tassi iniziali di disoccupazione maggiori nelle donne e nella popolazione anziana;
- 2) considerevole mobilità verso mansioni di basso livello, spesso in assenza di contratto e pagamento in contanti;
- 3) rapida caduta della disoccupazione nel tempo con una lenta mobilità verso il tipo di occupazione precedente alla migrazione.

L'economia israeliana alla fine degli anni '80 era stagnante e la disponibilità ampia di nuova forza lavoro non incontrava una domanda. Tuttavia l'ondata migratoria stessa fu un potente stimolo allo sviluppo economico degli anni successivi.

Le caratteristiche professionali degli immigrati con l'alta prevalenza di ingegneri, medici, ricercatori, rese ovviamente difficile l'assorbimento lavorativo a livelli analoghi. Dopo 26 mesi dall'arrivo in Israele se il 33% degli ingegneri civili lavoravano nello stesso campo, la percentuale scendeva al 26% degli elettronici, all'11% per i meccanici⁹¹. La motivazione stava nella scarsa domanda del mercato del lavoro e nelle diverse capacità tecniche e formazione professionale nei due paesi.

Ancora maggiori le difficoltà per i medici, sia per un mercato del lavoro saturo, sia per problemi di riconoscimento formale dei titoli di studio e per la necessità di percorsi di formazione e accreditamento⁹².

⁹¹ A. M. Paltiel, et al., *Immigrants from the former ...*, cit., pp. 296-299.

⁹² J. T. Shoval e J. Bernstein, *The dynamics of professional commitment: immigrant physicians from the former Soviet Union in Israel*, in *Immigration to Israel: sociological perspectives*, cit. p. 135-155 e A.S. Galper, *From Bolshoi to Be'er Sheva, Scientists to Streetsweepers: Cultural Dislocation Among Soviet Immigrants in Israel*, University Press of America, Boston, 1995, pp. 67-71.

Assimilazione

L'immigrazione ebraica in Israele rappresenta un esempio del fenomeno chiamato dai sociologi "diaspora di ritorno". Gli altri esempi più noti sono quelli della Germania, anzitutto, dell'Ungheria, della Grecia e della Romania⁹³. Gli immigrati delle diaspore di ritorno si sentono esuli nella terra di origine e la loro migrazione è vissuta come un ritorno in patria. Esistono normative a loro rivolte come la Legge del Ritorno in Israele o la Costituzione per gli *Aussiedlers* in Germania che garantiscono una immediata cittadinanza ai migranti di "ritorno"⁹⁴. Pur con questi favorevoli presupposti le difficoltà incontrate da questi gruppi non sono poche. E le distanze culturali possono essere cospicue. Nel caso degli ebrei sovietici l'esistenza di un peculiare *background* culturale e di una società chiusa e autoritaria, li contraddistinguono come gruppo.

L'ondata migratoria degli anni '90 era composta di persone con alti livelli di istruzione, inseriti in professioni specialistiche o accademiche, con una forte identificazione nella cultura russa e con una vaga conoscenza dell'ebraismo. Carattere di massa della migrazione, buona accoglienza, almeno iniziale, dalla popolazione residente, forte spinta all'integrazione nella società israeliana e all'apprendimento dell'ebraico, non hanno sminuito la tendenza dei nuovi arrivati a formare gruppo separato coltivando il bilinguismo soprattutto nella sfera privata. Nello studio di Ben-Rafael et al.⁹⁵ vengono esaminati i processi di acculturazione ed assimilazione nella società israeliana di un campione rappresentativo di ebrei sovietici. Acculturazione va intesa come "il grado in cui una particolare entità sociale abbandona aspetti sostanziali del suo carattere originale e si pone sempre meno in contrasto con la cultura dominante". L'assimilazione si riferisce invece al "processo con cui l'acculturazione giunge ad includere simboli identitari e collettivi e cancella le precedenti fedeltà culturali"⁹⁶. Stratificazione e mobilità sociale (gli immigrati tendono ad essere collocati nei gradini bassi della scala sociale), atteggiamento della cultura dominante, identità culturale

⁹³ Cfr. A. Jakobson e A. Rubinstein, *Democratic norms, diasporas, and Israel's law of return*, "American Jewish Committee", gennaio 2009.

⁹⁴ E. Trevisan Semi, *Le diaspore*, Il Ponte, Bologna, 2008, p. 27.

⁹⁵ E. Ben-Rafael E et al., *Identity and language: The social insertion of Soviet Jews in Israel*, in *Immigration to Israel: sociological perspectives*, cit., pp. 333-356.

⁹⁶ Ivi, p. 365.

preesistente (più o meno forte) modulano questi fenomeni. L'indagine, condotta nel '92, evidenzia un forte attaccamento alla cultura ed alla lingua di origine, una insoddisfazione per lo status sociale e lavorativo, ma contemporaneamente una diffusa speranza di miglioramento e la convinzione di svolgere un ruolo positivo per Israele.

L'eterogeneità del campione studiato evidenzia una maggior propensione delle fasce più giovani (meno di trentacinque anni) a stabilire relazioni con la popolazione residente, un più facile inserimento delle persone con più alto livello di formazione, maggior soddisfazione tra i residenti nelle città periferiche dove è più comune la formazione di comunità "etniche" rispetto agli abitanti delle aree metropolitane.

La tendenza generale negli ebrei sovietici è comunque quella di non abbandonare le proprie radici linguistiche e culturali e questo può creare un contrasto con la cultura dominante che favorisce non solo l'acculturazione, ma anche l'assimilazione, pur con una certa flessibilità.

Va considerato che la scelta di Israele è stata per molti obbligata dalla chiusura delle altre frontiere occidentali. L'assenza di formazione ebraica in Unione Sovietica, il profondo coinvolgimento degli ebrei sovietici nella società sovietica, l'identificazione con la cultura russa, rendono ragione di un forte legame con le proprie origini, pur in presenza di una considerazione positiva della lingua ebraica e dell'identità israeliana.

Queste tendenze vanno viste alla luce della cultura dominante e delle sue trasformazioni. La cultura degli ebrei dell'Est Europa al tempo dell'*Yishuv*, impegnata nella battaglia strenua per la costruzione di una nazione con una precisa dimensione territoriale, si batteva contro l'uso delle lingue diasporiche e vedeva nel rinnovo della lingua ebraica come unico linguaggio nazionale un suo simbolo centrale⁹⁷.

⁹⁷ J. Blau, *The Renaissance of Modern Hebrew and Modern Standard Arabic*, University of California Press, Berkeley, 1981, pp. 15-33.

Nelle generazioni successive industrializzazione ed urbanizzazione con maggiori contatti cosmopoliti portarono ad una accettazione dell'inglese come lingua largamente diffusa. Un paragone interessante può essere tracciato con un altro gruppo europeo, gli ebrei tedeschi giunti in Israele negli anni '30 in fuga dal nazismo. Questi gruppi di formazione laica, lontani dal nazionalismo ebraico, si identificavano con la cultura e la lingua tedesche, lingua che continuarono a parlare nella loro comunità e in famiglia. Favoriti dalla elevata scolarità e preparazione ascesero rapidamente la scala sociale. L'influenza della cultura tedesca sulla società israeliana fu tuttavia radicalmente cancellata dalla vicenda della *Shoah*.

Nella diversità delle circostanze storiche la cultura russa in Israele potrebbe avere invece un'influenza più duratura.

La comunità degli ebrei russi e la politica israeliana

L'impatto della comunità russa sulla politica israeliana è stato notevole fin dal 1992, quando la maggioranza dei recenti immigrati votò a favore del partito laburista contribuendo alla sua vittoria.

Il voto a sinistra, destinato per lo più a non confermarsi, fu motivato dalle difficoltà incontrate nel corso dell'ondata migratoria riguardo problemi immediati come l'alloggio ed il *welfare*, campi in cui i laburisti fecero promesse elettorali.

Negli anni successivi la mancanza di risposte ai problemi del *welfare*, il crescere del terrorismo palestinese, l'influenza maggiore della stampa israeliana in lingua russa per lo più di orientamento di destra e la mentalità "imperialista" assimilata nel *milieu* sovietico portarono al voto per Netanyahu e alla vittoria di stretta misura del suo partito, il *Likud*, partito storico della destra israeliana, nelle elezioni del 1996.

Si affermò, guadagnando sette seggi alla *Knesset*, il parlamento israeliano con 120 membri, il partito *Yisrael ba aliyah* (Israele nella diaspora), fondato dal famoso *refusnik* Nathan Sharansky. *Israel ba aliyah* si presentava come il partito difensore delle istanze degli immigrati sovietici e della "dignità" dell'immigrazione. Nel '99 Ehud Barak e i laburisti ottennero il voto russo sottolineando le tematiche sociali e appoggiando l'avversione della comunità russa verso i partiti religiosi. Negli

anni successivi le simpatie degli elettori russi per *Israel ba aliyah* declinarono anche per la non brillante prestazione di Sharansky come ministro dell'Interno.⁹⁸

Nacque invece un nuovo partito in rappresentanza degli immigrati, *Yisrael beiteinu* (Israele è la nostra casa), guidato dal brillante politico di destra Avigdor Lieberman, giunto nel 1978 dalla Moldavia e dapprima funzionario del *Likud*. *Yisrael beiteinu* assunse posizioni sulla destra dello schieramento politico con una visione più globale della politica israeliana, in particolare in politica estera in chiave anti-palestinese. Nello statuto si descrive come "un movimento nazionale con una chiara visione da seguire nel sentiero coraggioso di Ze'ev Žabotinskij" (1880-1941), il fondatore del Sionismo Revisionista, il movimento sionista di destra e l'ispirazione del *Likud*. La linea del partito è favorevole alla creazione di due entità etnico - nazionali separate, quella ebraico - israeliana e quella arabo - palestinese anche con cessione di territori a prevalente presenza araba come l'area del Triangolo e Wadi Ara in cambio dell'inclusione nello stato ebraico di alcuni insediamenti di coloni in Cisgiordania. Il partito sostiene anche posizioni laiche quali una maggior facilità nelle procedure di conversione all'ebraismo e nelle unioni civili tra ebrei e non ebrei, temi molto sentiti nella comunità russa dove circa 300.000 persone non possono essere considerate ebreo secondo la legge rabbinica e non possono quindi con l'attuale normativa sposarsi in Israele.⁹⁹ Queste posizioni, come quelle a favore del trasporto pubblico durante il sabato e la vendita di carne di maiale nelle macellerie suscitano la vibrata opposizione dei partiti religiosi. Nel 2009 *Yisrael beiteinu* conquistò il terzo posto nella *Knesset* con 15 seggi dopo *Kadima* (28 seggi) e *Likud* (27). Il partito entrò nel governo Netanyahu con Liberman Ministro degli Esteri. Nelle elezioni del 2013 il partito si è presentato in coalizione con il *Likud*, conquistando la rappresentanza più consistente alla *Knesset* e governa assieme alla nuova formazione *Yesh Atid* (C'è un futuro).

⁹⁸ M. Philippov, *Ex-Soviets in the Israeli Political Space: values, attitudes and electoral behavior*, The Joseph and Alma Gildenhorn Institute of Israel Studies, Vol. 3, aprile 2010.

⁹⁹ < <http://www.yisraelbeytenu.com>>, accesso del 15/01/2014.

Vent'anni dopo l'ondata migratoria, la presenza organizzata degli ebrei russi con la loro nutrita e distinta rappresentanza parlamentare ha ancora una significativa influenza nella complessa realtà politica israeliana.

Opinione pubblica israeliana ed immigrati dell'ex Unione Sovietica

Il coltello è passato ai russi... solo vent'anni fa, i giornali avevano titoli come "Marocchino catturato durante un'irruzione" o "Marocchino accoltella un vicino durante una discussione". Oggi non ci sono più titoli di questo tipo. Ma quando si passa ai russi vi sono altre regole. Con loro va bene tutto. Potete dire e scrivere che i loro medici ed ingegneri sono incapaci, i loro titoli accademici privi di valore, che non hanno senso di appartenenza, che si sottraggono alla leva, che sono pigri sul lavoro, che girano su auto luccicanti cercando cibo nella spazzatura, per non dire che non sono ebrei. Come l'immagine degli immigrati che per un breve periodo è stata una grande speranza si è potuta così deteriorare?¹⁰⁰.

La massiccia ondata migratoria degli anni '90 ebbe come risposta dallo stato israeliano una politica di accoglienza chiamata "assorbimento diretto". Gli emigrati non vennero quindi ricevuti in centri di accoglienza pubblici, ma fin dai primi giorni del loro arrivo dovettero scegliere loro stessi dove collocarsi nel nuovo paese. Il supporto transitorio fu quindi fornito da una rete informale di relazioni (parenti e conoscenti già presenti in Israele) e con il passare del tempo da amici e parenti immigrati assieme a loro. Sono state svolte indagini dall'87 al '92 su campioni rappresentativi della popolazione israeliana, tese a valutare l'opinione pubblica riguardo tre aspetti: l'importanza dell'immigrazione per lo stato; l'impatto sull'economia, le prospettive di lavoro, le condizioni abitative; infine il coinvolgimento personale in termini di quale priorità dare ai contributi statali per i nuovi immigrati e quale disponibilità avere al volontariato nei loro confronti.¹⁰¹ I sondaggi evidenziano alcune linee di fondo: un atteggiamento di principio favorevole alla nuova immigrazione, favore che tuttavia si riduce nel tempo; una preoccupazione via via crescente circa

¹⁰⁰ "The knife is passed to the Russians... Only twenty years ago the papers carried headlines like: 'Moroccan seized during break-in', or 'Moroccan stabs neighbour in argument'. Nowadays you won't see headlines like that in any paper. But when it comes to the Russians there are other rules. With them, anything goes. You can say and write that their physicians and engineers are bad, their academic degrees worthless, they have no sense of belonging, they shirk the army, they are lazy at work, and they drive around in glittering cars looking for food in garbage cans, not to mention thinks like 'They aren't Jews'. How did the image of immigration – which was briefly a great hope – deteriorate?", O. Z. Kadosh, Tel Aviv, 25 gennaio 1993, in *Immigration to Israel: sociological...*, cit., p. 326-327.

¹⁰¹ E. Leshem, *The Israeli public...*, cit., p. 320-326.

l'impatto sull'economia, la facilità a trovare lavoro, la disponibilità di alloggio; una propensione sempre più scarsa a recare aiuto volontario.¹⁰² Tali tendenze complessive non si distribuiscono uniformemente nella popolazione israeliana: l'atteggiamento favorevole agli immigrati è maggiormente presente nel pubblico più anziano, con un maggior livello di istruzione, di origine europea o americana. Viceversa le diffidenze, talora l'ostilità verso i nuovi arrivati, sono più diffuse nelle fasce più giovani, a basso reddito, con minor grado di istruzione, di provenienza nordafricana o asiatica. Il fenomeno non è peculiare della società israeliana e trova paralleli in Europa occidentale nel cosiddetto "razzismo dei poveri bianchi". Le fasce a basso reddito e minor livello scolare fanno più spesso riferimento a partiti di destra, anche radicale, con istanze politiche anti-immigrati.

Il processo per cui da una breve fase iniziale di curiosità e "luna di miele" verso i nuovi immigrati ad una fase di ostilità con il prevalere di stereotipi negativi, fino ad una fase conclusiva di accettazione, anche se in genere non di completa integrazione con la società di accoglienza, è stato descritto ai primi del '900 negli Stati Uniti e nei primi anni '50 in Israele nei confronti degli immigrati ebrei dalle nazioni arabe.

La teoria "minaccia/competizione"¹⁰³ spiega l'atteggiamento negativo, soprattutto nelle fasce più deboli della popolazione residente verso i nuovi arrivati, come motivato da un conflitto d'interesse percepito riguardo il lavoro, la scuola, l'abitazione, il *welfare*, ecc. Questi elementi pesano anche in Israele, pur essendo lo stato ebraico un paese di immigrati che ha nel suo destino identitario l'accoglienza delle comunità diasporiche.

I giovani migranti "russi" in Israele

L'integrazione dei giovani migranti dell'ex Unione Sovietica negli anni '90 è stata oggetto di studio accademico. Il modello tradizionale assimilativo derivato dall'esperienza statunitense dei primi decenni del Novecento prevede un assorbimento pieno nelle istituzioni politiche, sociali e culturali

¹⁰² *Ibidem.*

¹⁰³ Cfr. M. Sherif, *In Common Predicament: Social Psychology of Intergroup Conflict and Cooperation*, Houghton Mifflin Co., Boston, 1966.

della nazione ospite nell'arco di una/due generazioni. Lo scenario evidenziato dallo studio di Ilatov e Shamai¹⁰⁴ è più complesso. Se da una parte le istituzioni israeliane prevedono un modello prevalentemente assimilativo nei confronti dei giovani immigrati, la tendenza dominante dei coetanei israeliani è quella di accogliere con un certo fastidio ed irritazione gli *olim*, considerati non come individui, ma come gruppo etnico (i russi); si dimostra indifferenza verso il loro substrato culturale e ci si attende che lo sforzo degli *olim* si indirizzi verso una integrazione rispetto ai canoni comportamentali degli ospiti. L'inchiesta, condotta nel '92, evidenzia una difficoltà nei rapporti personali con uno scarso interesse dei giovani israeliani residenti (più nei maschi che nelle femmine) nel confronto del mondo dei nuovi arrivati, con una scarsa disponibilità ad un coinvolgimento personale.¹⁰⁵

Quasi vent'anni dopo, lo studio di Marina Niznik evidenzia come l'integrazione dei giovani migranti non si sia verificata in modo uniforme¹⁰⁶. Non per tutti, dopo le iniziali difficoltà nel trovare un lavoro adeguato alla formazione ricevuta in patria, si è verificata una ascesa sociale che abbia coinvolto i figli ("il declino della seconda generazione"¹⁰⁷). Inoltre, più che di assimilazione alla cultura israeliana, venti anni dopo si può parlare piuttosto di una cultura ibrida. Portes e Min Zhou hanno chiamato questo fenomeno "assimilazione segmentata"¹⁰⁸: lontano da un quadro omogeneo, vi sono gruppi di migranti che, spesso favoriti dalle condizioni di partenza, conseguono successo professionale, accademico, economico, mantenendo una propria identità e proprie pratiche culturali. D'altra parte i più sfortunati possono tendere ad una identità culturale "oppositiva" resistente ai valori e alle norme del gruppo dominante. In generale i migranti dall'ex Unione Sovietica si sentono portatori della cultura europea in Israele. Lingua e cultura russe vengono

¹⁰⁴ Z. Z. Ilatov e S. Shamai, *Israeli students' attitudes toward children-immigrants from Russia*, in *Immigration to Israel: sociological...*, cit., p. 273-284.

¹⁰⁵ Ivi, p. 278-279.

¹⁰⁶ M. Niznik, *Cultural practices and preferences of 'Russian' youth in Israel*, "Israel Affairs", vol. 17, n. 1, 2011, pp. 89-107.

¹⁰⁷ L. Remennick, *The 1.5 Generation of Russian Immigrants in Israel: Between Integration and Sociocultural Retention*, "Diaspora: A Journal of Transnational studies", vol. 12, no. 1, 2003, pp. 39-66.

¹⁰⁸ A. Portes e M. Zhou, *The new second generation: segmented assimilation and its variants*, "Annals of the American academy of political and social sciences", no. 530, 1993, pp. 74-96.

percepite come superiori alla lingua e cultura ebraica¹⁰⁹. *Media*, teatro, internet in lingua russa attraggono d'altra parte poco interesse negli israeliani di lingua ebraica e tendono ad essere visti da loro come un fenomeno etnico temporaneo. Lo studio di Niznik riguarda la cultura giovanile, l'uso dell'ebraico e del russo nei media televisivi, nella rete, nella letteratura e nella musica, nei *social networks*, ecc. e delinea un quadro complesso dell'integrazione culturale dei giovani *olim*. Se i più giovani, all'atto dell'immigrazione in Israele, parlano meglio l'ebraico del russo, è evidente comunque che una larga parte condivide un forte legame con un'identità culturale russa e preferisca un *milieu* russo o misto rispetto ad uno israeliano. Gran parte della gioventù immigrata è divenuta biculturale o globalizzata piuttosto che assimilata alla cultura ebraica. Un interessante resoconto delle abitudini ricreative e della cultura informale riguardante la "generazione 1.5"¹¹⁰, i giovani giunti dall'ex Unione Sovietica all'età di 6-13 anni, è offerto dal racconto di Rozovsky e Almog¹¹¹. Esso riguarda un gruppo, probabilmente elitario, di giovani, che si sono laureati ed hanno raggiunto buoni livelli professionali, come del resto molti emigrati della loro generazione. Dall'insediamento nelle zone periferiche del paese si sono spostati a quelle più centrali, come l'area di Tel Aviv, più ricche di occasioni di lavoro e di vita culturale, con una integrazione nella società dei consumi israeliana. Forti sono tuttavia i legami culturali e sociali con la società di provenienza. Dalle interviste ai circa venti giovani trentenni abitanti nell'area di Tel Aviv ed impegnati nelle professioni dell'*hi tech* e in attività come musica, giornalismo, arte, si traccia la storia di una generazione. Se gli adulti, i genitori, furono da subito impegnati nel costruire una rete di centri di formazione culturale (giornali, riviste, biblioteche, ecc.) e politiche (partito degli immigrati), i figli si riunirono in *tusovki*, gruppi informali appartenenti alle varie subculture giovanili (*hippies*, *punksters*, ecc.), uniti dall'abitare vicino, dallo studiare nelle stesse scuole, dalla partecipazione ad attività extra-curricolari. I figli erano perlopiù isolati nelle famiglie (spesso con un solo genitore

¹⁰⁹ La lingua rimane fattore identitario anche per gli scrittori russo-israeliani, un esempio fra tutti Dina Rubina, n.d.a.

¹¹⁰ Ivi.

¹¹¹ L. Rozovsky e O. Almog, *Generation 1.5 Russians in Israel: From vodka to latte. Maturation and integration processes as reflected in recreational patterns*, in "The emerging second generation of immigrant Israelis", vol. 16, 2011, disponibile al sito <<http://www.socpapers.org/sp2011/sp2011-2.pdf>>.

impegnato per la sopravvivenza stessa del suo nucleo, con i nonni lontani dal contatto con la società israeliana). Gli amici divenivano quindi la vera famiglia per questi ragazzi, provenienti per lo più dalle grandi città dell'Unione Sovietica, residenti, per motivo di costi e di strategia demografica israeliana, nelle aree più periferiche del paese, crescendo in città come Beer Sheba, Ashkelon, Ashdod, Karmiel. Anche Gerusalemme fu un'attrazione per elementi creativi, artistici, religiosi dell'ondata migratoria. Il termine “*tusovka*”, dallo slang russo degli anni '90¹¹², ha origine incerta (dal verbo *tasovat'*, mischiare le carte?) ed indica sia l'andare in giro a divertirsi, sia banda o gruppo di persone unite da un comune interesse. Diffuse largamente negli anni '80 e '90 in Unione Sovietica, accomunate da un modo di vestirsi e dal gusto musicale, le *tusovka*, meno identificate che in Urss da un preciso orientamento, comparvero anche in Israele. I giovani ascoltavano musica rock russa ed occidentale, accompagnati da una chitarra alle loro riunioni, organizzavano festival in un luogo o nell'altro di Israele. La musica forniva un elemento di unione al gruppo e ai *meetings*. “Il *sound* dei Pink Floyd e del *blues* di Miki Naumenko rendeva quest'esperienza indimenticabile, dando la sensazione di appartenere ad una *tusovka* globale più che all'imbarazzante ghetto russo-israeliano¹¹³”. Una subcultura, accompagnata da abitudini trasgressive come il consumo di alcol e droghe leggere e pesanti, scorreva accanto ad una vita culturale e formativa tradizionale israeliana senza aver contatto con essa. I luoghi stessi di riunione, panchine di parchi pubblici, piazzette isolate, piscine vuote, ecc., i vestiti come la *tel'njaška* - la maglietta a strisce della Marina Sovietica - i riferimenti letterari comuni a molti bambini dell'intelligenza russa, i film sovietici visti nell'infanzia, tutto ciò contribuiva a creare un mondo a parte.

La *tusovka* rappresentava un'arena per esibirsi, per trovare familiarità nelle relazioni e nei discorsi, per travestirsi alla ricerca del sé e della separazione dal mondo formale e normale, un'esperienza con lontane radici nel movimento “*mitki*” nella Leningrado degli anni '80. Quando la

¹¹² Cfr. <<http://www.rg.ru/2012/04/05/tusovka.html>>, accesso del 01/04/2014 e M. A. Gračëv, *Otkuda slova tusovka i tusovat'sja*, “*Russkij jazyk v škole*”, 3, 1995, Mosca, pp. 84-86.

¹¹³ “They were doing it to the sounds of Pink Floyd and the blues of Mike Naumenko, making all these experiences unforgettable and giving them the sense of belonging to the global *tusovka* rather than the embarrassing Russian-Israeli ghetto”, *ibidem*.

generazione 1.5 lasciò alle spalle l'adolescenza, abbandonò le *tusovka*, i *tusovšiki* divennero professionisti e genitori, integrati nel cuore dell'Israele moderno. I legami stretti in quegli anni tuttavia rimangono. Al matrimonio (2010) di uno dei membri di una *tusovka* “lo sposo e la sposa chiesero agli amici di indossare le loro *tel'njaška* come per ricordare che un tempo erano *neformaly*”¹¹⁴. La vita di questi giovani di successo è simile nel tempo libero a quella dei coetanei israeliani benestanti (viaggi all'estero, escursionismo in Israele, sci, sport subacquei, ristoranti e caffè alla moda). Questo non equivale ad una integrazione culturale. Pur non avendo più difficoltà con la lingua ebraica, preferiscono il russo nel tempo libero, la musica *pop* russa nei bar etnici¹¹⁵, lo starsene in gruppo separato in quelli israeliani. Anche la scelta del partner è orientata verso i propri compagni “russi”, con cui l'intesa è molto più spontanea. Così le relazioni formatesi nelle *tusovka* durante i primi dieci anni dell'emigrazione continuano, venti anni dopo, a costituire la principale trama sociale e culturale dell'élite della generazione 1.5. Anche l'esperienza nell'esercito, le amicizie strette durante il lungo periodo di leva, un fattore comune ai giovani israeliani, viene meno di fronte alla abitudine russa del proseguire nelle amicizie formate negli anni della scuola, una tradizione risalente ai tempi di Puškin. L'influsso parentale dei genitori membri dell'intellighenzia, la condizione di esclusione/separatezza vissuta nei tempi iniziali, contribuiscono a questa identità mista. Anche la natura transnazionale della giovane comunità russo-israeliana, il frequentare senza difficoltà i siti russi ed israeliani in Internet, la visione dei programmi satirici e musicali nelle due lingue, i frequenti viaggi in Russia ed i contatti via Skype ed e-mail con amici e parenti russi, creano un biculturalismo non superficiale. La generazione successiva, i figli della generazione 1.5, potrebbe presentare un quadro diverso, più integrato con la società israeliana come la ricerca sociologica parrebbe anticipare.

¹¹⁴ “But the bride and groom asked all their close friends to wear their *telnjashka* shirts... it was as if they were trying to remember they were once *neformaly*.”, *ibidem*.

¹¹⁵ Popolari a Gerusalemme i pub “Putin” in via Giaffa e Bessarabia (già fallito) in via Bezalel.

Il cinema e l'immigrazione degli anni '90

La massiccia migrazione degli anni '90 ha creato le condizioni perché i "russi" siano diventati personaggi in molti film e serie televisive israeliane, alcune prodotte dagli stessi immigrati. Se negli anni '60 i russi erano apparsi nella filmografia israeliana come eroici pionieri sionisti, la cui origine russa era poco sottolineata, dalla fine degli anni Settanta essi cominciarono ad apparire come tipici migranti, estranei alla società israeliana, in difficoltà con una nuova lingua ed una nuova cultura. Nel dramma *Lena* (1980), una bella giovane immigrata è divisa tra la fedeltà tra il marito sionista, detenuto in una prigione sovietica ed un nuovo amore israeliano (incidentalmente un insegnante di ebraico) o, metaforicamente, tra il mantenere l'identità russa e l'assimilazione in Israele¹¹⁶. Lena sceglierà di lasciare il marito russo. Nel film i personaggi maschili russi sono descritti come aggressivi, violenti, irrazionali, chiusi in un mondo incapace di relazionarsi con Israele e con le donne israeliane. In molti film israeliani dagli anni '90 in poi (*Santa Clara*, 1998; *Circo Palestina*, 1998; *Amore e danza*, 2006; ecc.) ed in serie televisive (*Per amore di Anna*, 2009) compaiono immigrati russi, rappresentati come uomini pericolosi e violenti e come donne bellissime, sensuali, indifese, con tratti somatici marcatamente russi¹¹⁷. Ne *La famiglia Schwartz* (2005) la bellissima figlia di un padre ebreo e di madre non ebrea, dopo molte difficoltà nate proprio dal suo non essere considerata ebrea secondo la legge religiosa, trova amore e matrimonio con un giovane israeliano¹¹⁸. All'opposto gli immigrati maschi non sono mai protagonisti nei film israeliani e le loro storie con donne israeliane non sono mai a lieto fine. Sono in genere raffigurati come mariti e padri inaffidabili o peggio come truffatori o mafiosi. La prospettiva con cui gli immigrati russi vengono visti è comunque quella israeliana, più o meno stereotipata.

Nasce gradualmente in Israele una filmografia di cineasti immigrati. La narrazione diviene più complessa, tendendo ad affermare il ruolo positivo degli immigrati in Israele, sottolineando

¹¹⁶ O. Gershenson, 'Is Israel part of Russia?' *Immigrants on Russian and Israeli Screens*, "Israel affairs", vol. 17, no.1, 2011, p.165.

¹¹⁷ Ivi, p. 166.

¹¹⁸ *Ibidem*.

tuttavia la loro particolarità culturale, quello che i sociologi chiamano “integrazione senza acculturazione”. Nel film *I figli dell’URSS* (2005)¹¹⁹ la storia del protagonista maschile Slava è quella di un campione di calcio nella città nativa che riesce alla fine, dopo molte difficoltà, a ricostituire una squadra nella remota città di Netivot, abitata da minoranze marginali etiopi e Mizrachi. Nel dramma storico *Neve di carta* (2005)¹²⁰ si rievoca la storia del teatro moscovita Abima, con un tributo alle radici culturali russe di protagonisti della letteratura israeliana come il poeta Bialik. Spesso in questi film il dialogo si muove liberamente dal russo all’ebraico. In *Neve di carta* personaggi della storia israeliana parlano tra loro in russo. Ne *Gli amici di Yana* (1999) il figlio di una coppia di ebrei russi combattenti nella seconda guerra mondiale è ucciso nella guerra dei sei giorni. Vicende analoghe in *Notte scura* (2005) affermano l’identificazione degli immigrati russi con Israele, rivendicando simultaneamente le loro radici. Nella serie televisive *Tra le righe* (2009), prodotta dal canale satellitare *Raduga* (“arcobaleno” in russo) in lingua russa con sottotitoli in ebraico si racconta la storia di un giornale di emigrati in lingua russa con il suo staff di scrittori e reporter.¹²¹

Argomenti ebraici nella filmografia sovietica erano invece irreperibili e proibiti fino alla *perestrojka*. Da allora sono divenuti così comuni da configurare un filone detto di cinema russo-ebraico. L’emigrazione, a differenza dei film israeliani, è spesso presentata come una tragedia, conseguenza di violenze e di ingiustizia. Le storie d’amore sono tra russi ed ebrei come in *Ljubov’* (“Amore”, 1991) dove una storia sentimentale tra un giovane russo ed un’ebrea è resa impossibile dalla violenza sessuale di una banda antisemita che costringe la giovane ad emigrare in Israele. In

¹¹⁹ Ivi, p. 168. L’autrice specifica che il titolo è СССР ילדי (pronunciato yaldehy sssr): la prima parola significa “bambini” in ebraico, mentre la seconda è URSS in russo. “La stravagante ortografia bilingue introduce non solo una parola russa in ebraico, ma utilizza anche un acronimo cirillico ome icona nostalgica”.

¹²⁰ O. Gershenson, *Accented memory: Russian immigrants reimagine the Israeli past*, “The Journal of Israeli History”, vol. 28, no. 1, 2009, pp. 21–36 e O. Gershenson, *Immigrant cinema: Russian Israelis on screens and behind the cameras*, in [a cura di M. Talmon e Y. Peleg] *Israeli cinema: identities in motion*, pp.134-150.

¹²¹ O. Gershenson, *Is Israel...*, cit., p.169.

film successivi come *Papa* (“Papà”, 2004)¹²² o *Radici* (2005) il tema è quello del ritorno da Israele ad una patria che è la Russia, mentre lo stato ebraico è dipinto come un luogo inospitale ed insicuro. Uno sguardo più realistico e privo di pregiudizi compare in recenti serie poliziesche come *Žurov* (2009). Nell’episodio *Shabbes-goy*, l’azione si svolge nel quartiere religioso *chassid* di Meah Shearim e vede l’azione di un detective russo e di una collega russo-israeliana. Co-produzioni, autori e registi ebreo-russi e russo-israeliani che girano film in Russia ed in Israele sono divenuti fenomeni comuni. Il regista Leonid Moskowitz ha diretto il film russo *Il sarto delle signore* per girare due anni dopo un film israeliano, *Caffè e limone* (1994). Leonid Kanevskij, un attore amato nella Russia Sovietica, immigrato in Israele, ha continuato la sua attività nel teatro *Gesher*¹²³ per poi riapparire sulle scene di film russi. L’apertura dei confini, la facile mobilità, le radici comuni rendono possibili queste collaborazioni. Ne è un esempio la serie poliziesca *Žurov* (2009) che vede registi e produttori russi e russo-israeliani lavorare insieme. Anche la distribuzione presenta canali in lingua russa in Israele come *Israel Plus* e *Raduga* e canali russi transnazionali come RTVi, mentre i film israeliani degli immigrati russi circolano nella vasta rete dei festival ebraici. Questi percorsi di scambio culturale si estendono alla letteratura, all’arte, alle relazioni d’affari e di studio accademico. Come i migranti russi in Israele trasformano se stessi nell’immigrazione, trasformano anche aspetti culturali attorno a loro.

Considerazioni conclusive

Perché l’immigrazione di massa degli ebrei sovietici della fine degli anni ’80 e degli anni ’90 costituisce un fenomeno peculiare nel panorama della società israeliana? Non vi è probabilmente una risposta unica a questa domanda. Da una parte la cultura dominante in Israele, quella degli ebrei orientali, fondatori dello Stato, era divenuta negli anni ’80 più tollerante verso il pluralismo socio-culturale, anche per la crescente influenza politica degli ebrei proveniente dal Medio Oriente.

¹²² O. Gershenson, *Ambivalence and identity in Russian-Jewish cinema*, in *Jewish Cultural Studies, Volume I. Jewishness: Expression, Identity, and Representation*, The Littman Library of Jewish Civilization, Oxford, 2008, pp. 179-189, disponibile al sito < http://works.bepress.com/olga_gershenson/7>.

¹²³“Ponte” in ebraico. Il teatro Gesher a Giaffa è famoso per aver “lanciato” sulla scena israeliana molti attori russi (uno fra tutti Aleksandr Demidov, a cui accenniamo nella prima intervista in Appendice); ospita spettacoli in lingua russa con sottotitoli in ebraico, n.d.a.

D'altra parte gli ebrei sovietici, in gran parte laici e lontani dal nazionalismo ebraico, si identificano con la lingua e la cultura russe verso le quali, a differenza di quelle tedesche, non incombe il fantasma della *Shoah*.

Queste circostanze e l'indebolirsi del sentimento sionista favoriscono la permanenza e lo sviluppo di una vita sociale e culturale in lingua russa nell'Israele di oggi. La pubblicistica ebraica in lingua russa in Israele è il focus di questa ricerca. Nel prossimo capitolo cercheremo di ricostruire le radici e la storia del giornalismo ebraico in Russia.

Capitolo 2 – La pubblicistica in lingua russa nell'Impero zarista ed in Unione Sovietica

Breve storia del giornalismo russo-ebraico

La storia del giornalismo russo-ebraico confuta l'affermazione di Hannah Arendt, che lamentava ne *Il futuro alle spalle* come “la storia della letteratura ebraica non avesse salvato nessuno che non scrivesse in yiddish o in ebraico”.¹²⁴

Simon Dubnov fa risalire alla metà degli anni Sessanta dell'Ottocento l'inizio dell'ampia diffusione della lingua russa nel mondo letterario ebraico orientale.¹²⁵ Teatro dell'affermazione del giornalismo russo-ebraico fu la cosmopolita città di Odessa. Nel 1858 l'“*Odesskij vestnik*” [Il messaggero odessita], periodico locale, iniziò ad ospitare articoli dei progressisti ebrei più in vista della città: in quell'anno Ioachim Isaakovič Tarnopol scrisse sul numero 37 della rivista l'articolo *O bednom soslovii russkich evreev* [Sul cetto povero degli ebrei russi], in cui auspicava riforme interne all'ebraismo russo nell'ottica della sua emancipazione. Il pezzo attirò l'attenzione della comunità ebraica odessita al punto da uscire in forma di brochure per una più ampia distribuzione in un'edizione separata¹²⁶.

¹²⁴ H. Arendt, *Il futuro alle spalle*, Il Mulino, Bologna, 2011, p.23.

¹²⁵ S. Dubnov, *Problema literaturnogo jazyka v istorii evrejstva*, “*Novyj voschod*”, no. 6, 1914.

¹²⁶ <http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_04/01_10.htm>, accesso del 05/03/2014.

Grazie all'iniziativa di Ioachim I. Tarnopol e di Osip A. Rabinovič, appoggiata e sponsorizzata presso l'autorità competente dal presidente del Comitato censorio odessita, l'illuminato medico russo N. I. Pirogov, il primo periodico ebraico in lingua russa dell'impero vide la luce. Nel 1860 nacque "Razsvet" [L'alba], con il sottotitolo "organo degli ebrei russi" (*organ russkich evreev*)¹²⁷. Intento dei due redattori era far uscire il popolo ebraico dal proprio isolamento culturale e politico, avvicinandolo alla lingua dell'impero cui apparteneva. La ragione del disdegno dell'ebraico, da una parte e dell'yiddish, dall'altra, fu che erano l'una un idioma troppo elevato e letterario per essere accessibile al popolo, mentre l'altro era trattato alla stregua di un dialetto privo di dignità letteraria e responsabile dell'arretratezza degli ebrei russi. In particolare nella nota presentata al Comitato censorio nel 1856, si diceva dell'yiddish:

dei dialetti tedeschi, è uno dei più arretrati e scorretti. È a tal punto guasto che merita appena l'appellativo di lingua. Non sono possibili opere serie in una lingua simile, a causa dell'assenza in essa di regole grammaticali e per l'impossibilità di esprimere con essa una moltitudine di concetti astratti ed idee¹²⁸.

Opinioni simili erano espresse sulla lingua russa (in contrapposizione con il francese) da Pierre Bezuchov in *Vojna i mir* ("Guerra e pace").

Lo studioso ebreo Markus Gurovič, consigliere del governatore della Novorossija e della Bessarabia Stroganov sulle questioni ebraiche, sostenne la bontà del progetto: a suo avviso il settimanale poteva diventare un organo di comunicazione di delibere governative, il cui ruolo poteva essere di "riferire punti di vista storici e statistici sulle colonie ebraiche, sulle scuole professionali, sulle società e così via, mettendo in mostra con tutta la cautela possibile le carenze, se

¹²⁷ J. Gessen, *Vozniknovenie i gibel' "Razsveta"*, "Evrejskaja nedelja", 7, San Pietroburgo, 1910 e J. Gessen, *Istorija evrejskogo naroda v Rossii*, Evrejskij Universitet, Mosca, 1993.

¹²⁸ "Eto odin iz samych ustarelych i nepravil'nych nemezkich dialektov. On do togo isporčen, čto edva li zasluživaet nazvanie jazyka. Nikakie ser'ěžnye sočinenija nevozmožny na takom jazyke, po otsutstviju v nëm grammatičeskich pravil i po nevozmožnosti vyrazit' na nëm množestva otvlečënych ponjatij i idej" <http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_04/01_10.htm>, accesso del 05/03/2014.

ve ne fossero state, e trovando i mezzi per la loro eliminazione e correzione”.¹²⁹ Il governatore si convinse così dell’utilità dell’organo; scriveva al ministro degli affari interni Lanskoj: ¹³⁰

Allo stato attuale d’instabilità della popolazione ebraica nella nostra patria, l’edizione di una rivista per ebrei in lingua russa (...) porterebbe un indiscutibile profitto ed in molte situazioni semplificherebbe la realizzazione delle opere buone intraprese dal governo per il miglioramento della vita quotidiana degli ebrei e per la loro fusione con la popolazione cristiana, tanto più che una simile rivista diffonderebbe tra gli ebrei la conoscenza della lingua russa e donerebbe, col tempo, unitarietà alla loro istruzione e preparazione.

La pubblicazione della rivista fu invece subito osteggiata dall’autorità competente, l’*Evrejskij komitet*, il cui timore era che divenisse una tribuna per dibattere l’insuccesso delle scuole per gli ebrei, per mettere in discussione le istituzioni o per profanare i testi sacri: nel 1858 raccomandava che la lingua prescelta per il settimanale fosse l’yiddish o l’ebraico. Nel corso della sua breve esistenza (le pubblicazioni cessarono nel maggio del 1861), “Razsvet” svolse la funzione di arena di scontro tra i progressisti – orientati verso l’avvicinamento alla cultura e alla lingua russe – e i conservatori: la speranza degli intellettuali era che tramite il dibattito si giungesse ad un’“aurea medietas” (*zlotaja seredina*)¹³¹ di compromesso tra le due fazioni opposte. Il giornale ospitava articoli circa la condizione dei diritti civili degli ebrei in Russia, una rassegna del giornalismo ebraico estero, un articolo di fondo dal titolo fisso di Odessa, corrispondenze dalla provincia: “superare il particolarismo delle varie comunità, spingendole a diventare popolo con una moderna e unitaria coscienza civile”¹³² era l’obiettivo della redazione. Ne entrarono a far parte figure di spicco

¹²⁹ <http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_04/01_10.htm>, accesso del 10/3/2014: “soobščat’ istoričeskie i statističeskie vzgljady o evrejskich kolonijach, učiliščach, obščestvach i tomu podobnom, vystavljaja so vseju vozmožnoju ostorožnost’ju nedostatki, esli takovyje okažutsja, i izyskivaja sredstva k ich izyskivaja sredstva k ich ustraneniju i ispravleniju”.

¹³⁰ <http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_04/01_10.htm>, accesso del 10/3/2014: “Pri nastojašem neustroennom eščë sostojanii evrejskogo naselenija v našem otečestve izdanie žurnala dlja evreev n russkom jazyke (...) prineslo by nesomnennuju pol’zu i vo mnogich slučajach oblegčilo by ispolnenie preprinimaemych pravitel’stvom blagodetel’nych mer dlja ulučšenija byta evreev i slijania ich s christianskim naseleniem, tem bolee čto podobnyj žurnal rasprostranit meždu evrejami znanie russkogo jazyka i soobščit, so vremenem, edinstvo ich obrazovaniju i ponjatjam”.

¹³¹ D. Cavaion, *Memoria e poesia. Storia e letteratura dell’ebraismo russo moderno*, Carucci Editore, Roma, 1988, p.

37.

¹³² Ivi, p. 35.

della comunità ebraica odessita: il pubblicista Levanda, il medico Solovejčik, il giurista e storico Baratz, il professore Georgievskij.

Nonostante la comunità di vedute circa gli obiettivi primari del settimanale (facilitare il processo di russificazione e modernizzazione degli ebrei), all'interno della redazione erano presenti opinioni divergenti, secondo lo storico Orbach originate dalla diversa provenienza socio-culturale dei giornalisti. Rabinovič e Levanda appartenevano al gruppo degli intellettuali che avevano ricevuto un'educazione nelle scuole russe e si sentivano parte di un più ampio movimento liberale che attraversava tutto il mondo letterario dell'*intelligencija* russa della seconda metà dell'Ottocento: per questo optavano per un ingresso immediato e senza mediazioni nella società russa. Tarnopol' – e con lui Gincburg, Brodskij e Poljakov – faceva invece parte del mondo dei mercanti e degli industriali: reputava più saggio evitare lo scontro con la fazione ebraica conservatrice, incoraggiando l'appoggio da parte della società di quel governo che avesse sostenuto il suo cammino di illuminazione.¹³³ Nel numero 20 veniva ufficialmente annunciata l'uscita di Tarnopol' dalla redazione per diversità di vedute. La spaccatura si era consumata tra quelli che ritenevano che nella rivista dovessero essere dibattuti i problemi interni alla società ebraica e quanti, capeggiati da Tarnopol', si opponevano invece ad ogni forma di autocritica, temendo che la scoperta delle debolezze della comunità potesse fungere da scintilla per moti antisemiti. Tarnopol', più allineato al pensiero dell'opinione pubblica ebraica, raccolse la solidarietà della rivista ebraico-prussiana "Ha Magid" [Il messaggero], che definiva gli articoli di "Razsvet" un danno per il popolo ebraico.¹³⁴

La ricerca della via mediana sulle colonne di "Razsvet" si rivelò fallimentare, in quanto "fu proprio il dibattito aperto sulle sue pagine ad accelerare il processo di polarizzazione dell'opinione pubblica ebraica"¹³⁵. La società si divise in maniera sempre più netta tra i fautori di un

¹³³ A. Orbach, *New Voices of Russian Jewry: A Study of the Russian-Jewish Press of Odessa in the era of the great reforms 1860-1871*, E. J. Brill ed., Leiden, 1980, pp. 22-31.

¹³⁴ I. Cinberg, *Istorija evrejskoj pečati v Rossii v svjazi s obščestvennymi tečenijami*, Flejtman, Petrograd, 1915.

¹³⁵ D. Cavaion, *Memoria e poesia...*, cit., p. 37.

accostamento alla cultura russa e quanti da questa desideravano invece allontanarsi per preservare la propria identità culturale.

Danilo Cavaion assimila il destino di “Razsvet” a quello dell’ebreo non ebreo: estraneo e diverso per i gentili, ispira sospetto anche al proprio popolo. La scarsa popolarità della lingua russa presso il pubblico ebraico non portò mai gli abbonati ad un numero superiore ai 640¹³⁶. La rivista, che già aveva attirato a causa di inauditi accenni all’emancipazione i malumori del governatore e della censura, chiuse a causa di dissidi interni e di pressioni economiche.

Meno di due mesi dopo, dalle ceneri di “Razsvet” nasceva “Sion”, sua effettiva sostituta, al punto da avere un’identica impaginazione e l’indicazione “Anno secondo” in testata.¹³⁷ Identico anche l’intento espresso nella dichiarazione programmatica: “diventare figli del nostro tempo e della nostra attuale patria, senza cessare di essere dei veri ebrei”.¹³⁸ La nuova rivista decise di occuparsi degli aspetti storico-culturali della vita ebraico-russa piuttosto che di quelli politici: l’idea alla base di questa scelta era far conoscere sia agli ebrei sia ai gentili la gloriosa e millenaria storia ebraica, per incrementare l’orgoglio degli uni e mitigare la diffidenza degli altri. A differenza di “Razsvet”, “Sion” imboccò una deriva conservatrice e di sostanziale critica dell’*haskalah*: attiratasi le ostilità del potere locale, fu costretta a chiudere nell’aprile del 1862.¹³⁹

Di tendenza opposta rispetto a “Sion” fu la rivista “Den” ([Il giorno], 1869-1971), espressione di quanti erano favorevoli alla *slijanie*, la fusione con il popolo russo, intesa dagli ebrei come ottenimento della parità dei diritti civili e giuridici nel mantenimento della propria peculiarità religiosa e culturale¹⁴⁰, dai russi come assimilazione ed acculturazione *tout court*, foriera della scomparsa di ogni individualismo etnico. Le istanze di cambiamento auspiccate dai

¹³⁶ <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_16516.html>, accesso del 12/03/2014.

¹³⁷ D. Cavaion, *Memoria e poesia...*, cit., p.45.

¹³⁸ Ivi, p. 46.

¹³⁹ Ivi, p. 48.

¹⁴⁰ È significativa in questo senso la preferenza da parte degli ebrei per l’utilizzo del sostantivo *sbliženie*, avvicinamento. Cfr. <http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_04/01_10.htm>, accesso dell’11/03/2014.

giornalisti di “Den” parvero avere un’eco: la Commissione responsabile della gestione della questione ebraica ventilò la prospettiva della concessione della libertà di residenza. Il pogrom di Odessa del 1871, da cui la comunità ebraica locale non si riebbe più, segnò la fine della stagione delle speranze e, con essa, della rivista.

Non parleremo qui della quasi ventennale impresa editoriale del sionista Smolenskin¹⁴¹ con “Ha Schachar” [L’alba] né delle iniziative che portarono il socialista Lieberman¹⁴² alla pubblicazione del mensile “Ha Emet” [La verità]: entrambe le riviste nacquero a Vienna ed ebbero nell’ebraico la loro lingua d’espressione. Merita invece menzione l’attività della comunità ebraica di San Pietroburgo, che sostituì Odessa come centro dell’*intelligencija* anche grazie alle sue pubblicazioni periodiche. La nascita di una pubblicistica ebraica nella capitale si deve all’iniziativa di A. O. Cederbaum: a partire dal 1879 furono stampati a San Pietroburgo il quotidiano “Ha Meliz” [Il difensore] ed il giornale “Mizpa” [La torre di guardia] in ebraico, la rivista “Yiddishes folksblat” [Il foglio nazionale ebraico] in yiddish ed infine le riviste “Russkij evrej” [L’ebreo russo] e “Rassvet” in lingua russa. Quest’ultima vantava la collaborazione di poeti celebri come Minskij e Frug.¹⁴³ La seconda “Rassvet” incoraggiava il patriottismo ebraico e lo sviluppo della letteratura ebraico-russa. Divenne così popolare da raggiungere la diffusione di 34000 copie. I pogrom del 1881 gettarono nello sconforto il mondo ebraico. “Rassvet” ospitò i primi appelli all’emigrazione ed all’insediamento in Terra di Israele, diventando l’organo del movimento “Hibbat Zion”¹⁴⁴. Trovarono spazio sulle sue pagine i primi scritti sionisti di

¹⁴¹ Perez Smolenskin (1842-1885), scrittore e giornalista ebreo russo, fu influenzato dal movimento della *haskalah* e fondò a Vienna un giornale in ebraico che divenne una piattaforma letteraria per il movimento illuminista e il primo nazionalismo ebraico. La sua vita si svolse tra Odessa, luogo dei suoi studi, la Germania, la Romania e la Boemia. Morì giovane a Merano di tubercolosi. Cfr. <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Smolenskin_Perets>, accesso del 30/04/2014.

¹⁴² Aharon Shemu’el Lieberman (1843-1880), socialista, traduttore dall’ebraico, saggista politico, studiò nel seminario rabbinico di Vilna e fu un attivista del movimento socialista. Pubblicò a Vienna tre numeri del primo periodo socialista in lingua ebraica “Ha Emet”. Fu perseguitato per le sue idee politiche che lo portarono ad essere imprigionato a Vienna e Berlino, fu attivo nell’ambiente ebraico londinese. Morì suicida negli Stati Uniti. Cfr. <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Lieberman_Aharon_Shemuel>, accesso del 30/04/2014.

¹⁴³ <<http://www.jewishpetersburg.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=238>>, accesso del 05/03/2014.

¹⁴⁴ O “Hovevei Zion”, “Amanti di Sion”, precursore del movimento sionista: i suoi partecipanti fondarono Rishon LeZion, il primo insediamento ebraico in Palestina. Cfr.

Levanda e Lilienbaum e la traduzione di *Autoemanzipation* di Pinsker. L'edizione del 16 gennaio del 1882 accolse l'intervista del giornalista Oršanskij al ministro degli Interni Ignat'ev, dove questo dichiarava che "i confini occidentali erano aperti per gli ebrei".¹⁴⁵ Nel 1872 A. E. Landau fondò la "Evrejskaja biblioteka" [La biblioteca ebraica], raccolta storico-letteraria che divenne presto molto popolare tra gli ebrei colti di tutta la Russia. Tra gli anni 1881-1899 dobbiamo sempre a Landau la pubblicazione in russo del mensile "Voschod" [Il sorgere del sole], cui fu aggiunta, dal 1882 al 1897, la diffusione di un supplemento settimanale dal titolo "Nedel'naja chronika «Voschoda»" [Cronaca settimanale di «Voschod»].¹⁴⁶ L'incoraggiamento all'emigrazione sponsorizzato da "Rassvet" fu osteggiato da "Russkij evrej" e da "Voschod", che si fecero promotori di una vera e propria campagna di boicottaggio della rivista dai risultati sorprendenti: nel 1883 il periodico contava solo 900 abbonati. Perso il supporto economico necessario al suo sostentamento, "Rassvet" chiuse.¹⁴⁷

San Pietroburgo divenne un centro eccezionale di sviluppo della cultura ebraica. Nacquero nel 1908 diverse associazioni: la Società storico-etnografica ebraica, la Società della musica popolare ebraica (con filiali a Mosca, Kiev e Charkov), la Società storico-letteraria, la Società ebraica per l'incoraggiamento delle arti, la Società teatrale ebraica; si allestirono mostre nella Sinagoga Corale, che divennero un museo permanente con archivio annesso. Dal 1910 al 1917 fu diffuso il giornale pedagogico "Vestnik evrejskogo prosvěščenija" [Messaggero dell'istruzione ebraica], dal 1908 al 1913 la casa editrice *Brokgaus i Efron*, insieme alla Società per le edizioni scientifiche ebraiche, pubblicò in russo la *Evrejskaja enciklopedija*, l'enciclopedia ebraica in sedici tomi di cui gli studiosi si servono ancora oggi.¹⁴⁸

<<http://www.wzo.org.il/index.php?dir=site&page=articles&op=item&cs=3328&langpage=eng&highlight=hovevei>>, accesso del 10/03/2014.

¹⁴⁵ <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_16516.html>, accesso del 12/03/2014

¹⁴⁶ M. Bejzer, *Evrei v Piterburge*, Biblioteka Alija, Gerusalemme, 1990.

¹⁴⁷ *Ibidem*.

¹⁴⁸ J. Gessen, *K Istorii Sankt-Peterburgskoj evrejskoj religioznoj obščiny. Ot pervyk evreev do XX veka*, Tema, Sankt-Peterburg, 2000.

Dal 1907 l'Organizzazione Sionista russa iniziò a pubblicare un'altra "Rassvet" per rimpiazzare i settimanali "Chronika Evrejskoj Žizni" [Cronaca della vita ebraica] e "Evrejskij narod" [Il popolo ebraico], soppressi dall'amministrazione zarista. Nella sua redazione vi furono figure prominenti come Gepstein, Goldstein, Solovejčik e Žabotinskij. "Rassvet" contribuì enormemente alla diffusione dell'ideologia sionista in Russia, non limitandosi all'aderenza completa al programma di Herzl, ma facendosi promotrice della difesa della comunità ebraico-russa nella diaspora contro ogni assimilazione, nonché del tradizionale appello sionista alla colonizzazione della Palestina. Divenne così la pubblicazione più letta nel mondo ebraico-russo, raggiungendo nella sua prima fase le 10000 copie. Venne periodicamente chiusa nel 1915, sostituita a Mosca dal periodico "Evrejskaja žizn" [Vita ebraica], riapparve a Pietrogrado nel luglio del 1917 con una circolazione di 25000 copie. Dopo il novembre, il nuovo potere permise l'esistenza del periodico fino al settembre del 1918, quando fu costretto alla chiusura dalla Čeka. Breve vita ebbe la "Chronika Evrejskoj Žizni" di Chlebanov: nata nel 1918 fu costretta alla chiusura nel luglio del 1919.¹⁴⁹

Una quarta edizione di "Razsvet", espressione della federazione dei sionisti russo-ucraini in esilio, apparve a Berlino nel 1922. Divenne dall'anno seguente l'organo ufficiale del sionismo revisionista e nel 1924, dopo una breve scomparsa, rinacque a Parigi con Žabotinskij caporedattore ed un'*audience* sparsa in tutta l'Europa occidentale. Passato da un'uscita settimanale all'edizione bisettimanale, il periodico cominciò ad apparire in maniera irregolare negli anni '30 e chiuse definitivamente nel 1935.¹⁵⁰

Negli anni Trenta tutte le istituzioni culturali e comunitarie ebraiche furono sopresse. Le ultime sopravvissute, la Società dei lavoratori ebrei (OZET) e l'undicesima scuola nazionale ebraica, vennero chiuse nel 1938 ed i loro organizzatori furono arrestati. Tutte le pubblicazioni in

¹⁴⁹ <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_16516.html>, accesso del 12/03/2014.

¹⁵⁰ <<http://www.jewishpetersburg.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=238>>, accesso del 05/03/2014.

ebraico furono vietate e la pubblicistica russo-ebraica scomparve fino all'inizio degli anni Settanta.¹⁵¹

Letteratura e libertà di stampa in Unione Sovietica

La lettura era un'attività di svago tipica per il cittadino sovietico medio¹⁵²: oltre alla propensione dell'individuo, v'era l'incoraggiamento del governo, promotore di campagne propagandistiche volte a stimolarla (manifesti rivolti alla classe operaia)¹⁵³. Già dal XIX secolo era alta la diffusione dei *tolstye žurnaly* (riviste spese), in cui venivano pubblicati “nuovi lavori di prosa e poesia, recensioni critiche e informazioni d'archivio e bibliografiche”¹⁵⁴, terreno di discussione e confronto. Il diffuso “*Russia's reading myth*”, secondo la definizione di Stephen Lovell¹⁵⁵, l'idea del popolo sovietico come di “quello che legge di più al mondo” (“*samyj čitajuščij v mire*”) prese piede negli anni '20 e '30. Secondo l'opinione dello studioso, il mito trovò la sua ragion d'essere con la nascita dello stato sovietico, poiché scomparve la gerarchizzazione in categorie di lettori alta, media e bassa, omogenizzando così il pubblico.

La libertà pubblicistica dei giornalisti russi ed ebrei-russi era però assoggettata ai precetti contenutistici della propaganda imperante ed ai dettami stilistici del realismo socialista. Nel 1932 vennero soppressi tutti i gruppi letterari ed artistici¹⁵⁶: nacque un'associazione unica, la *Sojuz pisatelej* (Unione degli Scrittori). Nel 1934 Ždanov, segretario del Comitato Centrale del Partito comunista, pronunciava presso il primo Congresso degli scrittori sovietici un discorso passato alla

¹⁵¹ *Ibidem*.

¹⁵² N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press and immigrant community in Israel*, in “Revue européenne de migrations internationales”, Vol. 12, no. 3, pp. 173-189, 1996, disponibile al sito <http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/remi_0765-0752_1996_num_12_3_1522>, accesso del 02/10/2013.

¹⁵³ Cfr. G. P. Piretto, *Il radioso avvenire. Mitologie culturali sovietiche*, Einaudi, Torino, 2001.

¹⁵⁴ M. Balina e M. Lipoveckij, *Introduction*, in “Dictionary of Literary Biography”, vol.285, Gale, Detroit 2004, p. XXIII.

¹⁵⁵ Cfr. S. Lovell, *The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, Macmillan Press, University of London, London, 2000.

¹⁵⁶ Vedi il decreto del Comitato Centrale del Partito comunista pan-sovietico dei bolscevichi sul riassetto delle organizzazioni artistico-letterarie del 23 aprile 1932 (*Postanovlenie Politbjuro CK VKP(b) “O perestrojke literaturno-chudožestvennyh organizacij” 23 aprilja 1932 g.*, in [pod. red.] D.L. Babičenko, “*Sčast'e literatury*”. *Gosudarstvo i pisateli. 1925-1938 gg.*, *Dokumenty/Sost.*, ROSSPEN, Mosca, 1997, pp. 130-131.

storia come la promulgazione del canone del realismo socialista. Compito dello scrittore sovietico - “ingegnere dell’animo umano¹⁵⁷” - doveva essere “rappresentare la vita in maniera non scolastica e mummificata, non semplicemente come una «realtà oggettiva», bensì rappresentare la realtà nel suo sviluppo rivoluzionario¹⁵⁸”. Nei due decenni successivi tutte le pubblicazioni furono sottoposte al controllo vigile dell’Unione degli Scrittori. Nel 1953 Stalin morì; tre anni dopo, nel corso del XX Congresso del Partito Comunista dell’URSS, il segretario del PCUS, Nikita Chruščëv, contestò il culto della personalità legato alla figura del *leader* e diede inizio al cosiddetto disgelo.

Dal punto di vista economico Chruščëv cercò di riorganizzare il sistema sovietico secondo un decentramento territoriale dell’economia nazionale. La gestione della stessa era affidata ad entità economico-amministrative chiamate *sovnarkozy*, di fatto sostituti dei ministeri, che amministravano le aziende “conciliando il principio territoriale con la divisione per settori”¹⁵⁹. A causa della guerra, l’economia sovietica era stata incentrata in maniera assoluta e sproporzionata sul settore bellico. Lo stato di dipendenza assoluta dal potere centrale in cui continuarono a versare le aziende, tuttavia, non permise alla riforma di dare i risultati sperati. In campo agricolo maldestre operazioni di Chruščëv¹⁶⁰ causarono una grave crisi ed una semi-carestia, costringendo il paese a massicce importazioni di grano dall’estero. Responsabile di danni immani all’agricoltura sovietica fu il “miracolo” di Lysenko. Le sue teorie pseudo-scientifiche – tra queste persino la possibilità di colture subtropicali in Siberia - ed il favore di cui godettero presso le alte sfere diedero esiti disastrosi¹⁶¹.

¹⁵⁷ Resoconto stenografico del primo Congresso panrusso degli scrittori sovietici, *Pervyj vsesozjužnyj s’ezd sovetskich pisatelej 1934. Stenografičeskij otčet*, Gosudarstvennoe izdatel’stvo “Chudožestvennaja literatura”, Faksimil’noe izdanie, “Sovetskij pisatel’”, Mosca, 1990, p.4.

¹⁵⁸ *Ibidem*.

¹⁵⁹ <[¹⁶⁰ *Ibidem*, tra queste operazioni maldestre si citano “l’operazione terre vergini \(la messa a coltura di zone selvagge\), la vendita forzata alle cooperative del parco macchine delle disciolte stazioni di servizio, l’aumento delle imposte, le restrizioni sull’attività privata dei contadini”.](http://www.treccani.it/enciclopedia/urss_res-0acb60d8-87ea-11dc-8e9d-0016357eee51_(Enciclopedia_Italiana)/>, accesso del 19/01/2014.</p></div><div data-bbox=)

¹⁶¹ La dottrina Lysenko propugnava un metodo di coltura che si opponeva alla genetica classica di Mendel ed alle sue leggi sull’ereditarietà dei caratteri. Secondo Lysenko era l’ambiente a modificare i caratteri: queste variazioni potevano poi essere trasmesse ereditariamente. Cfr. S. Fuso, *Realtà o illusione? Scienza, pseudoscienza e paranormale*, Edizioni

In campo artistico-letterario si videro segni d'apertura: furono riabilitati scrittori messi al bando, consentita la traduzione di opere occidentali, autorizzata la pubblicazione di testi riguardanti temi come l'antisemitismo e la detenzione nei *gulag*¹⁶². Dimostrazione dell'ammorbidente della politica censoria fu la pubblicazione di opere come *Ob iskrennosti v literature* [Sulla sincerità in letteratura] di Vladimir Pomerancev (1953), *Ottepel'* [Il disgelo] di Il'ja Erenburg (1954) e *Ne chleboj edinyj* [Non di solo pane] di Vladimir Dudincev¹⁶³. L'allentamento del controllo sulle arti ebbe breve durata, infatti "l'era di Chruščëv fu caratterizzata da una politica culturale ambivalente: da un lato il leader cercava il supporto dell'*intelligencija* per condurre la sua politica anti-stalinista, dall'altro, la sua diffidenza nei confronti delle élites culturali era evidente"¹⁶⁴. Nel 1962, dopo aver incautamente autorizzato la pubblicazione del racconto *Odin den' Ivana Denisoviča* [Una giornata di Ivan Denisovič] di Aleksandr Solženicyn, Chruščëv diede in escandescenze di fronte all'astrattismo occidentalizzante rappresentato alla mostra del Maneggio¹⁶⁵ a Mosca: nel periodo del disgelo "la politica culturale era come un pendolo che oscillava da un estremo all'altro"¹⁶⁶. L'incredibile successo di *Doktor Živago* (Il dottor Živago) di Boris Pasternak, pubblicato dall'editore italiano Feltrinelli e che valse all'autore il conferimento del premio Nobel per la Letteratura che fu poi costretto a rifiutare, preoccupò Chruščëv: fu indetta una campagna di delegittimazione dello scrittore a mezzo stampa; nel 1958 l'Unione degli Scrittori, dopo che il partito aveva ufficialmente condannato l'opera, espulse Pasternak¹⁶⁷.

A Chruščëv seguì il periodo di stagnazione legato alla figura di Brežnev. Sfruttando i frequenti viaggi all'estero del segretario, il Presidium del Partito, nelle persone di Brežnev,

Dedalo, Bari, 1999, pp. 113-116. Per una trattazione più diffusa della dottrina Lysenko cfr. J. S. Huxley, *La genetica sovietica e la scienza. Il caso Lysenko: un dibattito che continua*, Longanesi, Milano, 1977.

¹⁶² F. Toscano, *Il fisico che visse due volte*, Sironi editore, Milano, 2008, p. 240.

¹⁶³ M. Zalambani, *Le istituzioni culturali della Russia sovietica*, "Europa orientalis", no. 26, 2007, p. 164, disponibile al sito < [http://www.europaorientalis.it/uploads/files/2007/7.%20zalambani%20\(145-179\).pdf](http://www.europaorientalis.it/uploads/files/2007/7.%20zalambani%20(145-179).pdf) >.

¹⁶⁴ *Ibidem*.

¹⁶⁵ A. Graziosi, *L'Urss dal trionfo al degrado. Storia dell'Unione Sovietica. 1945-1991*, Società editrice il Mulino, Bologna, 2008, pp. 275-277.

¹⁶⁶ M. Zalambani, *Le istituzioni culturali...*, cit., p. 164.

¹⁶⁷ "A za mnoju šum pogoni..." : Boris Pasternak i vlast'. Dokumenty : 1956-1972 in *Federal'naja archivnaja služba Rossii, Rossijskij gosudarstvennyj archiv novejšej istorii* [a cura di V. Ju. Afiani e N. G. Tomilinoj], ROSSPEN, Mosca, 2001.

Kosygin, Šelest e Šelepín, “liberò Chruščëv dal suo incarico «su sua richiesta per ragioni di età e salute»”¹⁶⁸ e terminò la riunione proclamando Brežnev primo segretario e Kosygin primo ministro.

Quanto avvenne in quegli anni di transizione è analizzato dallo storico Andrea Graziosi:

in campo economico si tornò verso il sistema ministeriale di gestione economica precedente il 1957 [...], venne allentata la politica antireligiosa e si fecero sparire i riferimenti alla “fusione” delle nazionalità. Secondo il nuovo slogan, queste ultime erano destinate a “fiorire e avvicinarsi”, tendendo a formare una nuova, peculiare creatura, il popolo sovietico, formata da gruppi le cui caratteristiche nazionali non solo si sarebbero conservate ma avrebbero, appunto, fiorito. Anche la politica estera fu segnata da forti elementi di continuità [...]. Gli obiettivi perseguiti da Brežnev e Kosygin non erano infatti diversi, se non nei dettagli e in alcune speranze rivelatesi infondate, da quelli promossi da Chruščëv dopo la crisi di Cuba. Essi comprendevano il riavvicinamento alla Cina; il riconoscimento all’Unione Sovietica di altra superpotenza da parte degli Stati Uniti; la ratificazione dei confini europei tracciati dalla seconda guerra mondiale; la riduzione nelle tensioni tra Est-Ovest e la costruzione di meccanismi tesi a regolarizzare i rapporti tra i due blocchi; la continuazione dell’apertura sovietica nei confronti dell’Occidente e l’estensione dell’influenza sovietica nel Terzo Mondo.¹⁶⁹

Tra gli obiettivi che la nuova classe dirigente si era proposta, il riavvicinamento alla Cina si rivelò fallimentare; la volontà di dimostrarsi pari e superiori agli Stati Uniti si esprime negli anni a seguire in *escalations* in campo militare e spaziale: opere letterarie dedicate alla vita urbana, d’altra parte, esaltavano il tenore di vita del popolo sovietico¹⁷⁰. Alle repubbliche, all’interno di cui continuavano processi di costruzione nazionale, fu concessa un’indipendenza maggiore. D’altro canto era in corso un’omogeneizzazione dell’istruzione che favoriva l’emergere di una cultura “sovietica”, all’interno della quale la lingua russa era dominante¹⁷¹. Anche l’allentamento del controllo sovietico nei paesi est-europei ebbe breve durata. Tutte le speranze legate al disgelo

¹⁶⁸ Ivi, p. 290.

¹⁶⁹ Ivi, pp. 304-305.

¹⁷⁰ Ivi, pp. 317-321.

¹⁷¹ Ivi, p. 325.

vennero disilluse dalla crisi cecoslovacca. Lo storico Čurakov ci riporta le intimidatorie parole di Brežnev:

Il leader sovietico avvertì francamente che nel caso di una comparsa di “anelli deboli” nella catena unitaria del “fronte socialista” e dell’emergere di una “minaccia alla causa del socialismo” in un paese o nell’altro, questo “sarebbe diventato non solo un problema per il popolo di quel paese, bensì un problema comune, una preoccupazione di tutti i paesi socialisti”. Terminando il suo discorso, Brežnev dichiarò: “Che sappiano coloro che sono inclini a dimenticare le lezioni della storia e che vorrebbero dedicarsi al ridisegnare le carte dell’Europa che i confini della Polonia, della RDT, della Cecoslovacchia, così come di qualsiasi altro paese che faccia parte del Patto di Varsavia, sono immutabili ed inviolabili. Questi confini sono protetti da tutta la forza armata della comunità socialista”. Le parole del leader sovietico furono accolte con vibrante soddisfazione. La nuova concezione delle relazioni tra l’URSS e gli alleati fu ribattezzata dai *media* occidentali “dottrina Brežnev” o altrimenti “dottrina della sovranità limitata dei paesi socialisti”).¹⁷².

L’insubordinazione alla dottrina dimostrata dalle spinte riformiste dello slovacco Dubček (decentramento parziale dell’economia e democratizzazione) venne punita con l’invasione della Cecoslovacchia da parte delle truppe del Patto di Varsavia (eccettuata la Romania). La repressione violenta della primavera di Praga impressionò tutto il mondo comunista. In Italia il PCI, accusato dall’opinione pubblica di collusione con il regime sovietico dopo gli eventi ungheresi¹⁷³, con un viaggio dell’allora segretario Longo in Cecoslovacchia dimostrò la propria solidarietà agli insorti,

¹⁷² “Sovetskij lider otkrovenno predupreždal, čto, v slučae pojavlenija “slabych zven’ev” v edinoj cepi gosudarstv “socialističeskogo fronta” i vzniknovenija “ugrozy delu socializma” v toj ili inoj strane, “eto uže stanovitsja ne tol’ko problemoj naroda dannoj strany, no i obščei problemoj, zabotoj vseh socialističeskich stran”. Zaveršaja svoë vystuplenie, Brežnev zajavil: “Pust’ znajut te, kto sklonen zabyvat’ uroki istorii i kto chotel by vnov’ zanjat’sja perekrojkoy karty Evropy, čto granicy Pol’ši, GDR, Čechoslovakii, kak i ljuboj drugoj strany – učastnicy Varšavskogo Dogovora, nezyblemy i neprikosnovenny. Eti granicy zaščiščajutsja vsej vooružennoj mošč’ju socialističeskogo sodružestva”. Slova sovestkogo lidera byli vstrečeny burnym odobreniem. Novaja koncepcija vzaimootnoščenijs SSSR s sojuznikami zapadnoj pressoj byla nazvana “doktriny Brežneva” ili inače “doktrinoj organičenno go suverniteta socialističeskich stran””, tratto da <<http://www.portal-slovo.ru/history/41345.php>>, accesso del 20/01/14.

¹⁷³ V. Zaslavskij, *La primavera di Praga: resistenza e resa dei comunisti italiani*, disponibile al sito <<http://www.loccidentale.it/publicfile/VZ.pdf>>, accesso del 02/02/2014.

appoggiando il corso riformista nel paese, interpretato come una ventata di rinnovamento che non costituiva una minaccia per il socialismo reale¹⁷⁴.

Nel frattempo in Unione Sovietica la libertà di stampa aveva subito una nuova battuta d'arresto: è del 1964 il processo per parassitismo a Iosif Brodskij, dell'anno successivo quello per l'accusa di "agitazione e propaganda antisovietica" sulla base della quale furono condannati gli scrittori Andreij Sinjavskij e Julij Daniel'¹⁷⁵. La mobilitazione in favore di Sinjavskij e Daniel' si esprime nella pubblicazione di *Belaja kniga* [Libro bianco], resoconto del processo. L'autore, Alik Ginzburg, ne consegnò una copia al Kgb "in nome di quel rispetto della legalità che una parte dei futuri dissidenti aveva deciso di usare come un'arma"¹⁷⁶. I tentativi di diffusione delle pubblicazioni proibite diedero vita ad un originale fenomeno di contrasto alla censura, il *samizdat*¹⁷⁷. Contrazione di *samsebjazdat*¹⁷⁸ (pubblicare se stesso), il *samizdat* fu una diffusa pratica di stampa clandestina in Unione Sovietica tra la metà degli anni Cinquanta e la metà degli anni Ottanta. Un dattiloscritto veniva ribattuto a macchina con fogli di carta carbone, quindi diffuso. Il lettore tratteneva la propria copia solo il tempo necessario a leggerla, dopodiché la passava ad altri, sia per l'elevato rischio connesso all'averla con sé, sia per la notevole domanda del mercato. Così sopravvissero opere altrimenti impubblicabili come i *Kolymskie rasskazy* [Racconti della Kolyma] di Šalamov. Un'altra modalità di preservazione delle opere era la memorizzazione: parenti o amici degli autori

¹⁷⁴ A. Höbel, *Il Pci, il '68 cecoslovacco e il rapporto col PCUS*, "Studi Storici", n. 4, 2001, p. 1447. Per un'indagine accurata delle implicazioni della Primavera di Praga in Italia ed in Europa cfr. *Primavera di Praga, risveglio europeo*, F. Caccamo, [a cura di P. Helan e M. Tria], Firenze University Press, Firenze, 2011.

¹⁷⁵ M. Zalambani, *Le istituzioni...*, cit., p. 167.

¹⁷⁶ A. Graziosi, *L'URSS...*, cit., p. 317.

¹⁷⁷ Per una descrizione più diffusa cfr. M. Caramitti, *Letteratura russa contemporanea. La scrittura come resistenza*, Laterza, Bari, 2010, pp. 13-26.

¹⁷⁸ Il popolare termine *samizdat* fu coniato negli anni Quaranta dal poeta sovietico Nikolaj Glazkov: definiva la pratica della stampa e della diffusione clandestina delle opere in una sarcastica contrapposizione nominale con la casa editrice governativa, il Gosizdat. Cfr. V. Parisi, *Samizdat: problemi di definizione*, in "Il samizdat tra memoria e utopia. L'editoria clandestina in Cecoslovacchia e Unione Sovietica nella seconda metà del XX secolo", eSamizdat, 2010-2011, p. 29, disponibile al sito <[http://www.esamizdat.it/rivista/2010-2011/pdf/eSamizdat_2010-2011_\(VIII\).pdf](http://www.esamizdat.it/rivista/2010-2011/pdf/eSamizdat_2010-2011_(VIII).pdf)>, accesso del 14/11/2013.

imparavano a memoria testi altrimenti destinati all'oblio¹⁷⁹ (un caso fra tutti quello della moglie di Mandelštam, Nadežda, che riuscì così e in altro modo a trafugare l'intera opera del marito).¹⁸⁰ Nella distribuzione del circuito clandestino circolavano, “a cavallo tra gli anni Cinquanta e i primi anni Sessanta [...] anche le opere “di scrittori in vita ma non repressi, che contenevano riflessioni e accenni relativi alla repressione, come, ad esempio, il già citato *Il dottor Živago* di Boris Pasternak.”¹⁸¹

Il dissenso non si limitò tuttavia ad azioni clandestine. In difesa della Costituzione e per la trasparenza nel processo Sinjavskij-Daniel', Esenin-Volpin', poeta-matematico e condottiero della dissidenza, raccolse a Mosca sotto la statua di Puškin il 5 dicembre 1965 circa duecento dimostranti.¹⁸² La petizione di Solženicyn all'Unione degli Scrittori per la riabilitazione di scrittori repressi e per la fine della censura fu sottoscritta da un'ottantina di membri dell'Unione e da svariati singoli.¹⁸³ Nel 1968 centinaia di migliaia di persone si mobilitarono per assistere alle udienze di Gincburg, Galanskov, Dobrovol'skij e Laškova, condannati per propaganda anti-sovietica: Gincburg era il compilatore del *Libro bianco*, Galanskov il redattore dell'almanacco letterario-pubblicistico illegale "Feniks" (1966); Dobrovol'skij, il “pentito” del gruppo, era accusato di essere l'autore di uno dei testi pubblicati su "Feniks", mentre la Laškova era responsabile di aver trascritto entrambe le raccolte.¹⁸⁴ Il “processo dei quattro” fu la scintilla che innescò le pubblicazioni, nell'aprile dello stesso anno, del bollettino “Chronika tekučich sobytij” (Cronaca degli avvenimenti correnti), il cui nome derivava da una rubrica delle trasmissioni in russo della Bbc: “nei soli tre anni successivi ne uscirono clandestinamente diciassette numeri, che registravano arresti, processi politici, condanne,

¹⁷⁹ A. Gullotta, *Il samizdat e il tema della repressione sovietica: una ricostruzione storica tra criticità e punti di domanda*, in eSamizdat 2010-2011 (VIII), pp. 239-246 disponibile al sito <[http://www.esamizdat.it/rivista/2010-2011/pdf/eSamizdat_2010-2011_\(VIII\).pdf](http://www.esamizdat.it/rivista/2010-2011/pdf/eSamizdat_2010-2011_(VIII).pdf)>, accesso del 14/11/2013.

¹⁸⁰ <<http://magazines.russ.ru/znamia/1998/2/germ.html>>, accesso del 28/11/2013.

¹⁸¹ A. Gullotta, *Il samizdat e il tema della...*, cit., p. 242.

¹⁸² A. Graziosi, *L'Urss...*, cit., Graziosi, p. 316.

¹⁸³ Ivi, p. 337.

¹⁸⁴ <http://www.memorialitalia.it/archivio_mem/gulag/w2d3/v3/view/feltrinelli/gulag/cronologia/cronache--179/dettaglioc743.html?from_crono=true&pagina=19>; per una descrizione più diffusa cfr. [a cura di Peter Reddaway], *Process čtyřech. Sb. materialov po delu A. Ginzburga, Ju. Galanskova, A. Dobrovol'skogo i V. Laškova*, Viking press, New York, 1971.

persecuzioni a gruppi nazionali e religiosi, reclusioni involontarie in ospedali psichiatrici ecc., provocando forti malumori al vertice, che non riusciva a impedirne la pubblicazione”¹⁸⁵. La svolta in senso conservatore fu segnata dalla politica anti-intellettuale di Brežnev degli anni '70¹⁸⁶, che permetteva al governo per decreto costituzionale di controllare le élite culturali.

Un altro afflato di libertà di espressione fu il tentativo del 1979 di poeti e scrittori russi (tra loro Vasilij Aksënov, Fazil Iskander, Evgenij Popov, Andrej Bitov, Bella Achmadulina) di pubblicare un'opera collettiva di testi inediti che non trovavano collocazione nella stampa di epoca brežneviana. Gli scritti, nell'intenzione dei letterati, dovevano dare un quadro autentico della letteratura sovietica del tempo, degli aspetti multiformi della cultura non ufficiale degli anni '70. La presentazione non autorizzata dell'almanacco letterario indipendente “Metropol” presso il caffè moscovita *Ritm* fu scongiurata dalle autorità e gli artisti coinvolti furono convocati dall'Unione degli Scrittori per una seduta d'accusa. L'almanacco fu ritenuto impubblicabile in URSS, tuttavia “Metropol” aveva già raggiunto gli Stati Uniti dov'era stato stampato in russo ed inglese.¹⁸⁷ L'esito della vicenda vide l'arresto da parte del KGB di alcuni partecipanti alla rivista (Iskander, Bitov, Achmadulina, Šapgir, Lipkin e Lismanskaja), l'espulsione dall'Unione degli Scrittori (e dunque la fine della carriera letteraria) degli autori più giovani (Viktor Erofeev ed Evgenij Popov) e la revoca della cittadinanza sovietica¹⁸⁸ per chi si trovava all'estero (Aksënov).¹⁸⁹ “Metropol” volle esprimere un dissenso estetico e creativo piuttosto che ideologico-politico¹⁹⁰: fu la prima crepa nel processo di demolizione del muro censorio. L'eco da esso diffusa portò all'emigrazione negli anni

¹⁸⁵ A. Graziosi, *L'URSS...*, cit., p. 345.

¹⁸⁶ V. Šljapentoch, *Soviet intellectuals and political power: the Post-Stalin Era*, I.B.Tauris & Co. Ltd., London, 1990, pp. 177-178.

¹⁸⁷ M. Zalambani, *Il caso Metropol'. Stenogramma della riunione allargata della Segreteria dell'Unione degli Scrittori di Mosca del 22 gennaio 1979. (Dall'archivio privato di Evgenij Popov)*, “Russica Romana”, XI, Fabrizio Serra, Roma, 2004.

¹⁸⁸ M. Balina e M. Lipoveckij, *Introduction*, cit., p. XVII.

¹⁸⁹ Ivi, p. XVIII.

¹⁹⁰ *Ibidem*.

'80 di esponenti illustri dell'*intelligencija* sovietica (Voinovič, Gorenštejn, Aleškovskij, Tarkovskij, Vladimov, Liubimov)¹⁹¹.

Un nuovo segno d'apertura venne dato tra il 1982 ed il 1984 con il lancio sulle riviste letterarie "Literaturnaja gazeta" [Il giornale letterario] e "Literaturnaja učeba" [Lo studio letterario] di un dibattito sulla poesia della nuova generazione, che permise a giovani scrittori il contatto con riviste e case editrici e la possibilità di letture pubbliche, - evento che non aveva luogo dai tempi del disgelo - creando un clima fertile per lo sviluppo della cultura *andegraund*.¹⁹² Le dichiarazioni di Gorbačëv al XXVII ed ultimo Congresso del Partito Comunista dell'URSS diedero inizio alla politica della *glasnost*' (chiarezza). Sei anni dopo, il fallito tentativo di colpo di stato guidato dal capo del KGB Vladimir Krjučkov, dal ministro degli Interni Boris Pugo, dal ministro della Difesa Dmitrij Jazov, dal vicepresidente Gennadij Janaev, dal primo ministro Valentin Pavlov e dal capo della segreteria di Gorbačëv, Valerij Boldin fu l'episodio finale che preludeva l'irreparabile fine dell'URSS. L'eccessivo ritardo nell'affrontare le questioni nazionali, soprattutto in campo economico, esacerbò le spinte secessionistiche; scelte impopolari di Gorbačëv (una fra tutte la "*suhoj zakon*", la cosiddetta "legge secca" che vietava la vendita di alcolici prima delle 6 e puniva chi veniva sorpreso in stato di ubriachezza sul posto di lavoro¹⁹³) resero la *perestrojka* fallimentare, lasciandole tuttavia il merito di aver dato inizio ad una nuova era nel campo delle relazioni internazionali, non più impostate bipolarmente.

Quegli anni furono caratterizzati da una libertà pubblicistica senza precedenti in Russia, anni in cui sia gli autori *andegraund* sia gli emigrati riuscirono a vedere pubblicate le proprie opere sui principali almanacchi letterari, con una diffusione che raggiunse i tre milioni di copie, anche grazie

¹⁹¹ *Ibidem*. Per approfondire il caso Metropol' cfr. M. Zalambani, *Delo "Metropolja": Stenogramma rassirennogo zasedanija sekretariata MO SP SSSR ot 22 janvarja 1979 goda*, disponibile al sito <<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/de14.html>>, accesso del 10/01/2014.

¹⁹² Ivi, p. XIX. Per una definizione esaustiva del termine *andegraund* cfr. S. A. Savickij, *Andegraund. Istorija i mify leningradskoj neoficial'noj literatury*, NLO, Mosca, 2002.

¹⁹³ "Suhoj zakon v SSSR: kak eto bylo?", disponibile al sito <<http://www.diletant.ru/articles/10520585/>>, accesso del 13/02/2014.

alla popolarità della cosiddetta “letteratura restituita” (*vozvraščennaja literatura*), quella che non aveva trovato spazio di pubblicazione in precedenza¹⁹⁴. Videro allora la luce anche i lavori di Achmatova, Bulgakov, Gumilëv, Mandelštam, Nabokov, Platonov, Zamjatin, Rybakov, Grossman. La libertà di dibattito diede luogo a dispute tra le testate sovietiche, divise in fazione nazionalista-conservatrice (così “Naš sovremmenik” [Il nostro contemporaneo], “Molodaja gvardija” [La giovane guardia], “Literaturnaja Rossija” [Russia letteraria], “Moskva” [Mosca] e “Pravda” [La verità]) e liberale-occidentalista (rappresentata da pubblicazioni come “Literaturnaja gazeta” [La rivista letteraria], “Ogonëk” [La fiamma], “Izvestija” [Le novità], “Znamja” [La bandiera], “Novyj mir” [Il nuovo mondo], “Iunost” [La gioventù], “Oktjabr” [Ottobre], “Knižnoe obozrenie” [La rassegna dei libri], “Daugava” [Riga], “Ural” e “Volga”¹⁹⁵).

“Naš sovremmenik”, “Molodaja gvardija” auspicavano un ritorno alla Russia contadina ed ai suoi valori nazionali contrapposti a quelli dell’Occidente consumista ed individualista: nelle pagine di “Molodaja gvardija”, rivista del Komsomol, si discusse anche della riabilitazione della Chiesa ortodossa.¹⁹⁶ Le tendenze nazionaliste della rivista la resero bersaglio di attacchi del partito, spalleggiato dalle riviste “Oktjabr” e “Novyj mir”¹⁹⁷.

Nel ventennio degli anni ’70 e ’80 si inserisce la rinascita della pubblicistica russo-ebraica.

Il *samizdat* ebraico

Il *samizdat* ci ha permesso di sopravvivere al rifiuto; è stato una boccata d’aria pura nell’atmosfera intrisa di miasmi velenosi dell’Unione Sovietica. Per molti di noi è stato una finestra per il mondo più ampio che si stendeva oltre i confini della “cortina di ferro”. Per i nostri amici e sostenitori all’estero, è stata la voce del movimento combattente, che facilitava la loro comprensione del perché combattessimo e delle condizioni in cui

¹⁹⁴ Ivi, p. XXI.

¹⁹⁵ Ivi, p. XXII.

¹⁹⁶ A. Graziosi, *L’URSS...*, cit., p. 333.

¹⁹⁷ D. Krečmar, *Politika i kul’tura pri Brežneve, Andropove, Černenko 1970-1985 gg.*, AIRO-XX, Moskva, 1997 ed in particolare circa il dibattito sul nazionalismo russo nella pubblicistica cfr. Y. M. Brudny, *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991*, Harvard University Press, Boston, 2000, pp. 93–120.

combattevamo. Il fondamento ideologico del movimento è stato forgiato sulle pagine del *samizdat*.¹⁹⁸

Il *samizdat* ridiede voce anche alla comunità ebraica dell'Unione Sovietica. La storia delle pubblicazioni clandestine di matrice ebraica tra gli anni '60 del Novecento e la caduta del muro di Berlino riflette i destini del movimento dissidente che si batteva per il diritto all'emigrazione in Israele.

All'inizio degli anni '60 fecero la loro comparsa a Leningrado i primi *ulpan* illegali, scuole per lo studio della lingua e della storia ebraiche. La guerra dei Sei giorni creò il pretesto per la rinascita della stampa, poiché instillò nell'ebreo sovietico maggiore consapevolezza circa la propria identità. Le vittorie conseguite sul campo furono motivo di orgoglio. Secondo Stefani Hoffman questi fattori accrebbero l'*audience* interessata a sviluppi ed evoluzioni della guerra, dando così nuova vita alla pubblicistica russo-ebraica.¹⁹⁹

Tra il 1970 ed il 1973 petizioni e lettere individuali e collettive per promuovere l'emigrazione vennero copiate e riprodotte.

I primi periodici iniziarono ad apparire nel '69 e '70, quando il movimento della dissidenza russa aveva già fondato le proprie pubblicazioni ("Sintaksis", 1960; "Feniks", 1961, "Chronika tekuščich sobytij", 1968). Il primo periodico ad essere distribuito fu "Iton" ([Giornale] in ebraico): nella redazione lavoravano da Leningrado l'editore Lev Korenblit ed il giornalista Viktor Boguslavskij: contributi nella copiatura e nella distribuzione venivano forniti da altri da Riga e Mosca. La terza edizione del giornale fu confiscata ed i suoi partecipanti arrestati. Mosca si sostituì a Leningrado come centro dell'attività di stampa: furono pubblicati e distribuiti da qui quattordici

¹⁹⁸ "Samizdat" pomog nam vyžit v otkaze, on byl glotkom čistogo vozducha v zatchloj i pronizannoj jadovitymi miazmami atmosfere Sovetskogo Sojuza. Dlja mnogich iz nas on stal oknom v bolšoj mir, prostiravšijsja za predelami "železnogo zanavesa". Dlja našich družej i storonnikov za rubežom on stal golosom borjuščegosja dviženija, pomogavšim lučše ponjat', za čto i v kakich uslovijach my boremsja. Na stranicah "samizdata" vykovyvalas' ideologičeskaja baza dviženija", cfr. <<http://kosharovsky.com/>>, accesso del 04/03/2014.

¹⁹⁹ S. Hoffman, "Jewish Samizdat and the Rise of Jewish National Consciousness," in Y. Ro'i e A. Beker, *Jewish Culture and Identity in the Soviet Union*, pp. 88–111, New York University, New York, 1991.

dei venti periodici che apparvero in Unione Sovietica tra il 1970 ed il 1987.²⁰⁰ Qualche settimana dopo la comparsa di “Iton” aveva visto la luce anche “Ischod” [Esodo], una rivista “a conduzione familiare”: l’editore era Viktor Fedoseev, la madre, Dora Koliadnitskaja, finanziava il progetto e la moglie scriveva a macchina. Come “Iton”, “Ischod” voleva essere un supporto per quanti si battevano per il diritto all’emigrazione: pubblicava lettere ed appelli di attivisti sionisti e materiale dai processi. Ebbe quattro edizioni di circa 30/40 pagine ciascuna tra la primavera del 1970 fino all’inizio del 1971.²⁰¹

Tra il 1971 e il 1972 iniziò le sue pubblicazioni “Vestnik Ischoda” [Il messaggero dell’Esodo]: raccoglieva i lavori di Vadim Meniker, Jurij Breitbart, Boris Orlov, Il’ja Rubin, Eitan Finkelštein, Feliks Dektor, Rafael Nudel’man, Emma Sotnikova, Vladimir Lazaris, Michail Zand e Viktor Brailovskij, che ne fu l’ultimo editore. Da un’intervista all’editore contenuta nel libro di memorie *My snova evrei* [Siamo di nuovo ebrei] di Julij Košarovskij (egli stesso attivista *otkaznik* e giornalista) sappiamo che l’idea alla base del giornale era di “far conoscere alla gente i fondamenti della filosofia ebraica, con i punti di vista di ebrei noti in Russia e con quanto gli altri pensavano (di noi). Traducevamo molto. C’erano interviste piuttosto interessanti con Padre Men’, con Sacharov. Inoltre pubblicavamo anche semplicemente letteratura d’autore, filosofia e persino letteratura religiosa”.²⁰²

La battaglia sulle pagine di queste pubblicazioni tuttavia riguardava principalmente i diritti civili ed il problema dell’auto-identificazione del popolo russo-ebraico, senza inserirsi nel più ampio dibattito per i diritti umani che stava avendo luogo in Russia in quegli anni.

²⁰⁰ <http://kosharovsky.com/home-page/books/we-are-jews-again-vol-1/part-iv-the-struggle-for-aliya-and-survival-as-refuseniks/chapter-25-samizdat/#_ftn5>, accesso del 05/03/2014.

²⁰¹ *Ibidem*.

²⁰² “znakomit’ ljudej s osnovami evrejskoj filosofii, s točkami zrenija izvestnych evreev Rossii, s tem, što o nas dumajut drugie. My mnogo perevodili. Byli dovol’no interesnye interv’ju s ocom Menem, s Sacharovym. Pečatali my i prosto chudožestvennuju prozy, filosofiju i daže religioznuju literaturu.” Tratto da <<http://kosharovsky.com>>, accesso del 07/03/2014.

L'accusa mossa dal KGB a quanti partecipavano a pubblicazioni clandestine era quella di violare gli articoli 70 e 190/1, che punivano in fasi diverse²⁰³ la propaganda e l'agitazione anti-sovietiche. Il destino di molte riviste fu compromesso dall'azione repressiva dei servizi segreti: "Vestnik Ischoda" non fece eccezione. Nonostante gli autori scrivessero spesso sotto pseudonimo, la loro reale identità era nota. Sviziati arresti dell'editore e di suoi collaboratori (Rubin, Sotnikova, Azbel, Lazaris) per l'articolo 190-1 insieme ad un progressivo deterioramento della situazione dei diritti umani in URSS a seguito dell'invasione sovietica dell'Afghanistan, portarono la rivista a chiudere: la ventunesima ed ultima edizione uscì nell'agosto del 1979.

Altre riviste ebbero una vocazione meno politica e più letteraria: fra di esse si distinguono "Evrei v SSSR" ([Ebrei in URSS], 1972–1979), "Tarbut" ([Cultura] in ebraico, 1975–1979), ed il "Leningradskij Evrejskij Al'manach" ([L'almanacco ebraico di Leningrado], 1982–1987).

"Evrei v SSSR" nacque nell'ottobre del 1972 e con le sue venti uscite fu la rivista *samizdat* che sopravvisse più a lungo. Gli editori, i famosi attivisti Aleksandr Voronel' e Viktor Jachot, dichiaravano nell'articolo redazionale della prima edizione: "abbiamo deciso di iniziare uno studio sistematico della questione, adottando durante l'indagine i criteri della scrupolosità scientifica a cui ci siamo abituati nella nostra attività professionale."²⁰⁴ I giornalisti dovevano dunque essere degli esperti degli argomenti che decidevano di affrontare; la scelta dei temi evitava motivi politici che potessero condurre ad accuse di diffamazione. Il giornale, come enunciato già dal suo sottotitolo era

²⁰³ Un'analisi del codice penale del 1961 è fornita da S. De Luca in "La libertà in Unione Sovietica – Il diritto di classe". Gli articoli 70 e 190-1 erano indirizzati alla repressione delle pubblicazioni clandestine. Si enuncia nel 70: "«(...) L'agitazione o la propaganda, condotte allo scopo di sovvertire o indebolire il potere sovietico, o di provocare la commissione di delitti contro lo Stato particolarmente pericolosi; la diffusione, ai fini sovraindicati, di basse invenzioni denigratorie del regime statale o la detenzione, agli stessi fini, di letteratura dal contenuto sovraindicato: sono punite con la privazione della libertà da sei mesi a sette anni, con o senza il confino da due a cinque anni. (...)»". Gli articoli 190/1 furono introdotti con un *Ukaz* nel 1966 per risolvere un'*impasse* giuridica nata a seguito del processo Sinjavskij-Daniel: gli scrittori imputati erano stati condannati l'anno precedente nonostante l'impossibilità di dimostrare che "l'aver inviato le loro opere letterarie all'estero celasse la volontà di sovvertire l'ordine sovietico". Così si recita negli articoli 190/1: "«Divulgazione di fatti inventati di cui è manifesta la falsità, che denigrano il regime statale e sociale sovietico»: «La sistematica divulgazione in forma orale di invenzioni di cui è manifesta la falsità, che denigrano il regime statale e sociale sovietico, e parimenti la preparazione o la divulgazione per iscritto, a mezzo di stampa o in altra forma, di opere di tale contenuto: Sono punite con la privazione della libertà fino a tre anni o coi lavori correzionali fino ad un anno o con la multa fino a cento rubli»". Cfr. <http://www.instoria.it/home/liberta_unione_sovietica.htm>, accesso del 05/03/2014.

²⁰⁴ "My rešili načat' sistematičeskoe izučenie problemy, primenjaja pri issledovanii kriterii naučnoj dobrosovetnosti, k kotorym privykli v našej professional'noj deatel'nosti".

“una raccolta di materiale sulla storia, la cultura ed i problemi degli ebrei in URSS”²⁰⁵: conteneva testimonianze circa l’emigrazione e l’assimilazione, così come racconti, poesie, articoli di storia, religione e cultura ebraiche. La maggior parte degli articolisti non si nascondeva dietro a pseudonimi: manifestare apertamente la propria identità portava a correre il rischio di essere inquisiti, d’altra parte accresceva le possibilità degli autori di ricevere un visto di uscita. La sottoscrizione degli accordi di Helsinki nel 1975, con l’attenzione posta durante la loro discussione alla tutela dei diritti umani nel processo di distensione della guerra fredda, fu una ventata di speranza per la comunità ebraica in URSS. Il giornale “Tarbut”, dedicato all’approfondimento di temi storici, religiosi e culturali ebraici, nacque in quell’anno come supplemento a “Evrei v SSSR”, per timore che la comparsa di un altro periodico potesse allarmare le autorità. La firma degli accordi alimentò la fiducia negli *otkazniki*: l’anno seguente “Tarbut” uscì in edizione autonoma, seguito da molti altri periodici: “Naš Ivrit” [Il nostro ebraico], “Evrei v sovremennom mire” [Gli ebrei nel mondo contemporaneo], una miscellanea di traduzioni di autori stranieri, sei edizioni tra il 1978 e il 1981), “Magid” ([Il messaggero] in ebraico, dal 1979), Haim ([Vita] in ebraico, rivista letterario-pubblicistica dal ’79 al ’86), il “Leningradskij Evrejskij Al’manach”, “Evrejskaja mysl” ([Il pensiero ebraico], rivista religioso-filosofica dal 1979)²⁰⁶. L’idea del fondatore di “Tarbut”, Vladimir Prestin e dei primi editori della rivista, Ven’jamin Fajn e Feliks Dektor, implicati nel *samizdat* già dagli anni ’60, era di contribuire alla costruzione di una consapevolezza culturale nell’ebreo sovietico che l’avrebbe portato a scegliere la via dell’emigrazione, pur senza parlare apertamente di temi sionisti, che avrebbero potuto creare problemi oltre ad intimidire il lettore. Nell’ottava edizione di “Tarbut” si incitava: “Lettore, non avere paura! Questa è la tua rivista ebraica, la tua cultura; non c’è nulla di proibito in essa. Non nascondere la rivista nello scrittoio,

²⁰⁵ “Sbornik materialov po istorii, kul’ture i problemam evreev SSSR”.

²⁰⁶ Cfr. M. Chlenov, *Samizdat. Sbornik materialov Pervoj moloděžnoi konferencii SNG po judaïke*, Mosca, 1997.

sotto il cuscino, dietro allo scaffale. Leggi liberamente, leggi in maniera aperta. La cultura di un popolo non può essere sotterranea!”²⁰⁷.

Anche il *samizdat* ebraico ebbe la propria *vozvraščennaja literatura*: furono pubblicati i versi di Chodasevič, Bagrickij, Brodskij, le ricerche storiche di Melamedov, Rivoš, Vagner, Romanovskij e Prajsman, i lavori di Erenburg e di Žabotinskij, studi sull'Olocausto e sul processo di Eichmann. Fu incoraggiata e consentita dal governo la distribuzione della serie di libri in russo *Biblioteka Aliyah* prodotta in Israele, resi noti al popolo russo-ebraico i poeti nazionali, Bialik e Frug. Il *samizdat* promosse e facilitò la distribuzione di libri di testo per lo studio della lingua ebraica. Nei circoli dei *refusniki* erano inoltre popolari musicassette con canzoni registrate in ebraico e materiale audio d'ausilio nello studio della lingua.

Gli anni '80 videro il moltiplicarsi degli arresti e delle condanne.²⁰⁸ Negli anni di maggiore persecuzione comparve il “Leningradskij evrejskij almanach”. Iniziò dal 1982 a stampare opere e critiche letterarie, articoli di religione e di storia, riuscendo a pubblicare diciannove edizioni. *Tolstoj žurnal* di 70-80 pagine, ebbe una distribuzione incredibile per il periodo, giungendo al centinaio di copie. Tra i suoi partecipanti vi furono Erlich, Vasserman, Frumkin e Beizer. Il “Leningradskij evrejskij almanach” si distinse per la qualità delle sue pubblicazioni ed ebbe un epilogo simbolico. Il suo ultimo editore, Semen Frumkin, trasferì il materiale per la ventesima edizione nel portfolio editoriale della rivista “Vek” ([Il secolo] di Riga), rendendo circolare il percorso del *samizdat* ebraico: nato a Riga nel febbraio del 1970, finì per fondersi con la stampa ebraica ormai divenuta legale.²⁰⁹

Con l'inizio della *perestrojka* il regime allentò il controllo: uscirono a Mosca tre edizioni dell’“Evrejskij ežegodnik” [L'annuale ebraico] tra il 1986 ed il 1988, altrettanti numeri

²⁰⁷ “Čitatel', ne bojsja! Eto tvoj evrejskij žurnal, eto tvoja kul'tura, v nej net ničego zapretnogo. Ne prjač' žurnal v stol, pod podušku, za škaf. Čitaj svobodno, čitaj otkryto. Kul'tura naroda ne možet byt' podpol'noj!”.

²⁰⁸ Cfr. M. Margulis, *Evrejskaia kamera Lubjanki*, Gesharim, Gerusalemme, 1996, pp. 134-135.

²⁰⁹ Cfr. Chlenov, *Samizdat*, cit.

dell'“Evrejskij istoričeskij almanach” [L'almanacco storico ebraico] furono pubblicati tra l'87 e l'89 dalla Società Storica Ebraica fondata da Valerij Engel. Tra l'87 ed il '90 uscirono 45 edizioni dalle 60 alle 140 pagine ciascuna dell'“Informacionnyj bjulleten' po problemam repatriacii i evrejskoi kultury” [Bollettino informativo sui problemi del rimpatrio e della cultura ebraica]; dalle conclusioni del seminario legale di Mosca nell'88-89 nacque la rivista “Problemy otkaza” [Problemi del rifiuto].

Buona parte del materiale prodotto dal *samizdat* ebraico nei due decenni che abbiamo sommariamente illustrato è stato raccolto in 28 volumi dal Centre for the Study and Documentation of East European Jewry della Hebrew University: con essi sono conservati in otto volumi appelli, petizioni e lettere degli ebrei sovietici. La storia del *samizdat* ebraico illustra la formazione culturale e nazionale del movimento per l'emigrazione in Israele e la sua maturazione da un coacervo di gruppi isolati negli anni '50 e '60 ad un'organizzazione strutturata e consapevole a dispetto della repressione nei due anni successivi.

Nell'ultima decade prima del collasso dell'Unione Sovietica, il compito del *samizdat* ebraico fu di alimentare la consapevolezza instillata negli anni precedenti in quanti non si erano ancora risolti a partire, aiutandoli a scegliere la loro nazione di destinazione. Il suo obiettivo finale era ovviamente “di eliminare la propria *raison d'être*, di ottenere uno status legale ed aperto per l'attività ebraica nell'Unione Sovietica con accesso libero al mondo ebraico all'esterno”.²¹⁰

È in questa temperie letteraria e pubblicistica che si verifica la grande ondata migratoria verso Israele.

²¹⁰ <http://kosharovsky.com/home-page/books/we-are-jews-again-vol-1/part-iv-the-struggle-for-aliya-and-survival-as-refuseniks/chapter-25-samizdat/#_ftn5>, accesso del 07/03/2014.

Capitolo 3 – La pubblicistica in lingua russa in Israele

Il boom della pubblicistica in lingua russa in Israele negli anni '90

La comparsa della stampa in lingua russa in Israele risale agli anni '50 e '60 del Novecento: già allora esistevano pubblicazioni varie rivolte a diverse tipologie di lettori. Edith Rogovin-Frankel, in un saggio della fine degli anni '70, afferma che “in questi giornali l'immigrato sovietico conosce, probabilmente per la prima volta nella sua vita, una stampa libera”²¹¹. Nei due decenni successivi²¹², gli anni '70 ed '80, la diffusione scemò. Venne a mancare una fetta di pubblico che, appreso l'ebraico, non aveva più necessità della stampa in lingua madre: per questa stessa ragione si assottigliò il sostegno economico²¹³ fornito alle pubblicazioni, che si fecero così sempre più rade. La cifra di lettura del periodo, la ricerca dell'identità, si esprime in giornali in buona parte affiliati a partiti politici. La crisi e la decadenza degli anni '80 risparmiarono solo il giornale del partito laburista, “Naša strana” [La nostra nazione]²¹⁴ ed una rivista elitaria per intellettuali, “22”.

La rinascita della stampa in lingua russa in Israele dopo la breve decadenza è da ricollegarsi all'immigrazione degli anni '90²¹⁵. Fu l'ultimo decennio del Novecento ad essere testimone di una proliferazione senza precedenti di testate, che giunse a superare i 130 titoli nel 1998. L'immigrato sovietico, abituato a trovare sugli scaffali dell'edicola un quotidiano, due settimanali, due bisettimanali, tre mensili ed altri tre periodici in lingua russa²¹⁶, li vide in meno d'una decina d'anni affollati di 66 nuovi titoli, un numero tale da surclassare persino la pubblicistica nazionale in lingua ebraica: all'inizio del decennio nacquero quattro nuovi quotidiani, quasi 60 settimanali, 40 mensili e bimensili. Così mentre arrivavano decine di migliaia di *olim* in Israele, comparivano nuove testate: nel 1991, con l'*aliyah* di 185000 immigrati russi, nacquero 26 titoli (dedicati a soddisfare le

²¹¹ E. Rogovin-Frankel, *The Russian Press in Israel*, “Soviet Jewish Affairs”, vol. 7, no. 1, pp. 47-68, 1977.

²¹² N. Elias e D. Caspi, *From Pravda to Vesti: The Russian media renaissance in Israel*, “Every seventh Israeli: Patterns of social and cultural integration of the Russian-speaking immigrants”, Alek Epstein & Ze'ev Khanin Editions, Ramat-Gan, Bar-Ilan University Press, 2007, p. 175.

²¹³ *Ibidem*.

²¹⁴ N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press...*, cit., pp. 175-176.

²¹⁵ N. Elias e D. Caspi, *From Pravda...*, cit., p. 175.

²¹⁶ *Ibidem*.

esigenze di pubblici diversi, come il quotidiano “Vremja” [Il tempo], il mensile femminile “Portrait” [Il ritratto], il settimanale erotico “Cavalier” [Il cavaliere]; nel 1992 ne apparvero altri 13 (tra questi il quotidiano “Vesti” [Le novità], il settimanale d’opinione “Globus” [Il globo], il settimanale erotico “Cupidon” [Cupido]) per un pubblico arricchito da altri 147000 immigrati; il 1994 portò 18 nuove pubblicazioni (il settimanale generico “24 Časa” [24 ore], quello di giallo/fantascienza “Sekret” [Il segreto])²¹⁷.

Il vero e proprio anno d’inizio di questo boom fu il 1989²¹⁸: la ragione è da ricercarsi nell’impellente necessità per i neo-immigrati di acquisire informazioni circa le evoluzioni della situazione politica in Medio Oriente che di lì a poco si aggravò con la prima guerra del Golfo. Nell’agosto del 1991 Saddam Hussein invase il Kuwait con l’accusa di sfruttare i giacimenti di petrolio iracheni al confine, con un *dumping* dei prezzi petroliferi. Contemporaneamente Saddam prese a minacciare Israele, cercando di guadagnare consensi tra i paesi arabi in vista del previsto scontro con l’Occidente. Nei mesi successivi, mentre una coalizione ampia di paesi, guidata dagli Stati Uniti, minacciava un intervento, anche armato, contro il persistente rifiuto di Saddam Hussein di ritirarsi dal Kuwait, Israele si manteneva volutamente estranea al conflitto. Nel gennaio del 1992 l’attacco della coalizione contro l’esercito iracheno vedeva una ritorsione da parte di Saddam Hussein, con il lancio di missili Scud verso il territorio israeliano²¹⁹. L’azione missilistica fu imprecisa e colpì prevalentemente le città di Haifa e Tel Aviv, con danni alle cose (3.300 case distrutte), sfollati e perdite umane (due morti ed alcuni feriti per l’azione diretta, 74 per gli effetti collaterali²²⁰). Vi furono morti da soffocamento per l’uso delle maschere anti-gas e numerosi morti per eventi cardio-vascolari. Se le perdite israeliane furono limitate, enorme fu l’impatto

²¹⁷ D. Caspi, H. Adoni, A. Cohen e N. Elias, *The red, the white and the blue: the Russian media in Israel*, in “International Communication Gazette”, vol. 64, n.6, Sage Publications, London, 2002, disponibile anche al sito <<http://gaz.sagepub.com/content/64/6/537>>, accesso del 3/11/2013, pp. 546-547.

²¹⁸ N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press...*, cit., p.177.

²¹⁹ Cfr. S. Beltrame, *La prima guerra del Golfo. Perché non fu presa Baghdad. Dalla cronaca all’analisi di un conflitto ancora aperto*, Adnkronos libri, Roma, 2003.

²²⁰ M. Bard, *Israel’s contribution to the Gulf War*, disponibile al sito <http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/US-Israel/gulf_war_&_Israel.html>, accesso del 17/11/2013.

psicologico²²¹ causato dal timore di una guerra chimica e dalle misure preventive adottate con la distribuzione capillare delle maschere anti-gas. In un contesto di incertezza e pericolo era vitale poter accedere a fonti d'informazione nella propria lingua madre²²². Avvenne per iniziativa di *Kol Israel*, il servizio radiofonico nazionale israeliano, il lancio, nel 1991, di un *network* di assimilazione dell'immigrato chiamato “*Reka*” (in ebraico sia “*background*”, sia acronimo delle iniziali di *Network for Immigrant Absorption*, in russo “fiume”), il cui obiettivo doveva essere la comunicazione di massa indirizzata ad *olim* di provenienze nazionali e linguistiche diverse: nella realtà finì per essere orientato principalmente verso il pubblico russo²²³. Tra i risultati di questo progetto, che coinvolse oltre alle radio anche la televisione e la stampa, vi fu che nel 1991 e nell'anno successivo, diversi settimanali in lingua russa divennero quotidiani²²⁴.

L'esplosione della stampa in lingua russa rifletteva non solo una necessità pragmatica di accesso a *news* altrimenti difficilmente comprensibili: era anche specchio di una progressiva frammentazione della società israeliana negli anni '90²²⁵, i cui risultati si videro anche nella creazione di *network* associativi di ebrei russi.

La studiosa russo-israeliana di *media* Nelli Elias individua tre fasi nella periodizzazione della stampa in lingua russa negli anni '90. In una prima fase si ritiene che supplementi in lingua russa ai quotidiani nazionali in ebraico siano sufficienti; si rende tuttavia rapidamente evidente quanto questo non possa soddisfare il pubblico. La seconda fase vede quindi la pubblicazione di giornali indipendenti in russo: le *media corporations* israeliane, acquisendo consapevolezza circa le esigenze dei lettori, iniziano a pubblicare settimanali. L'ultima fase è di sviluppo autonomo ed ha il

²²¹ Bleich et al., *Psychiatric implications of missile attacks on a civilian population. Israeli lessons from the Persian Gulf War*, Medical Corps, Israel Defence Force, “*JAMA*”, Tel Aviv Israel University, Agosto 1992, Vol. 5; No. 268, pp. 613-615, disponibile al sito <<http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/1629988>>, accesso del 17/11/2013.

²²² *Ibidem*.

²²³ N. Elias e D. Caspi, *From Pravda...*, cit., p. 179.

²²⁴ N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press...*, cit., p. 178.

²²⁵ N. Elias e D. Caspi, *From Pravda...*, cit., p. 178.

suo apice negli anni '90²²⁶. Un aspetto di cambiamento che caratterizzò la pubblicistica in questo decennio fu la sua progressiva privatizzazione: grazie alle ampie possibilità d'investimento di singoli o gruppi, la proprietà, nei decenni precedenti legata ai partiti, divenne in larga parte privata²²⁷. La pubblicistica in lingua russa ebbe i medesimi fondamenti economici di quella israeliana: a tre grandi corporazioni, *Yedioth Communications*, il *Novosty Group* e l'*ESR Russian Press*, di proprietà di famiglie di *vatikim*, facevano capo quasi tutte le testate giornalistiche. Il Gruppo *Novosty* era responsabile di tre quotidiani, "Novosti Nedeli" ([Le novità della settimana] vide la luce nel 1989), "Vremja" ([Il tempo] fondato nel '91) e "Naša Strana", cinque settimanali, nonché di una rete di giornali e *media* locali.²²⁸ *Yedioth Communications*, la più potente tra le *media corporations* della società israeliana, gestiva il più solido tra i quotidiani, "Vesti", così come un settimanale indipendente ed una rete di giornali locali. Il terzo gruppo controllava il settimanale più popolare, "Panorama" ed altri due settimanali, nonché buona parte dei giornali locali.²²⁹ Erano i proprietari a dettare la politica editoriale: laddove un atteggiamento critico nei confronti della società ospitante non fruttava economicamente, veniva modificato. La strategia adottata dai proprietari israeliani, che "consideravano i giornali in lingua russa un rapido percorso verso la prosperità finanziaria ed i giornalisti appena arrivati una forza lavoro a basso costo"²³⁰, era sfruttare questi ultimi.

L'orientamento verso la destra politica era il più diffuso²³¹. La singola testata non riusciva ad essere competitiva al di fuori dell'organizzazione fornita dalle corporazioni: la forza del meccanismo consisteva nel fornire, come in un centro commerciale, una sola infrastruttura logistica i cui servizi (parcheggio, manutenzione, pulizia, ecc.) fossero fruibili da tutti i negozi. Il piccolo

²²⁶ N. Elias e D. Caspi, *From Pravda...*, cit., p. 183-184.

²²⁷ *Ibidem*.

²²⁸ D. Caspi, H. Adoni, A. Cohen e N. Elias, *The red, the white...*, cit., p. 545.

²²⁹ *Ibidem*.

²³⁰ N. Elias e J. Lerner, *Narrating the Double Helix: The Immigrant-Professional Biography of a Russian Journalist in Israel*, "Forum: Qualitative Social Research", 13(1), Art. 15, 2011, disponibile al sito <<http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1201155>>, accesso del 01/11/2013.

²³¹ *Ivi*, p. 185 – 190.

esercizio sopravviveva grazie al risparmio nelle spese essenziali perché poteva appoggiarsi ai servizi forniti dall'ipermercato²³². All'interno di questo macro-schema, la pubblicistica in lingua russa si divideva in cinque tipologie, riconducibili al *target* di riferimento: v'era la stampa di carattere istituzionale, quotidiani o settimanali d'informazione, settimanali d'intrattenimento, riviste specialistiche-professionali e stampa locale²³³. La maggior parte dei giornali veniva realizzata da uno staff compreso tra le 4 e le 10 persone²³⁴. “Novosti Nedeli”, uno dei giornali più acquistati, aveva nel 1998 40 impiegati, “Naša Strana” solo 28. Redazioni composte da pochi elementi erano maggiormente soggette al rischio di scomparire da un giorno all'altro o di dover ridurre la frequenza delle edizioni. I supplementi potevano essere demandati ad una sola persona per contenere i costi²³⁵. Buona parte dei giornalisti erano *freelancers* cui veniva corrisposta una paga base. Il lavoro fisso era raro. Molti dei giornalisti non erano professionisti: per questa ragione potevano rilevarsi *standard* giornalistici bassi²³⁶. Il contenuto delle notizie derivava spesso da giornali in lingua ebraica, agenzie di stampa o direttamente da fonti russe: questo garantiva da una parte un risparmio nei costi di traduzione, dall'altra aumentava la probabilità che il tema fosse d'interesse per il lettore. L'immediatezza della pubblicazione delle *news* non era considerata particolarmente rilevante dal pubblico²³⁷.

Secondo Narspy Zilberg, antropologa ed esperta di *media* russo-israeliani, ad ogni testata corrispondeva un tipo di approccio di integrazione²³⁸ della comunità alla società ospitante²³⁹. “Naša Strana”, il più antico giornale russo d'Israele (fu fondato nel 1970 dalla casa editrice partito laburista sotto la direzione di Shabtai Himmelfarb con una circolazione di circa trentacinquemila

²³² Ivi, pp. 190-191.

²³³ N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press...*, cit., pp. 178-180.

²³⁴ N. Elias e D. Caspi, *From Pravda...*, cit., p. 191.

²³⁵ *Ibidem*.

²³⁶ Ivi, p. 194.

²³⁷ Ivi, p. 195.

²³⁸ D. Storper Peretz, «*Intelligent*» en Israël: *L'intelligentsia russe aujourd'hui, entre repli et ouverture*, in «*Revue européenne de migrations internationales*», Anno 1996, Volume 12, Numero 12-3, Nouveaux visages de l'immigration en Israël, pp. 153-172, <http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/remi_0765-0752_1996_num_12_3_1521>, accesso del 14/8/2012.

²³⁹ N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press...*, cit., p. 181.

copie²⁴⁰), teneva una posizione assimilazionista: la politica della testata era infatti di non dare eccessivo spazio alle *news* riguardanti la vita della comunità russa in Israele o agli eventi nei paesi del blocco sovietico, quanto piuttosto alla realtà israeliana contemporanea. I giornali “Vremja”²⁴¹ e “Vesti”²⁴², fondati rispettivamente nel 1991 e nel 1992, vengono ricondotti dalla studiosa ad un identico modello, l'integrazionista, poiché la loro storia vedeva un filo conduttore stilistico ed ideologico comune: quasi tutti i giornalisti che prima lavoravano in “Vremja”, nel 1991-1992, cambiata la dirigenza del gruppo editoriale (divenne parte del gruppo “Maariv” [La sera], acquisito dalla famiglia Nimrodi e comprendente l'omonimo quotidiano, i suoi supplementi ed una catena di giornali locali), con un peggioramento delle loro condizioni lavorative, abbandonarono la redazione nel settembre '92 preferendole quella di “Yedioth Aharonot” [Le ultime novità]²⁴³, dando così vita al settimanale “Vesti” che divenne un quotidiano nell'ottobre del '93²⁴⁴. L'idea integrazionista incoraggiava l'immigrato ad integrarsi nella società ospitante, cercando di comprendere eventi, nomi e fatti che la caratterizzavano grazie a giornalisti che, più che esperti della loro professione, dovevano essere profondi conoscitori della realtà sociale, politica e linguistica israeliana.²⁴⁵ I giornali locali ed insieme a loro la testata a tiratura nazionale “Novosti Nedeli”, infine, tenevano una linea isolazionalista. Tra le funzioni che “Novosti Nedeli” assolse vi fu quella di protettore degli immigrati e dei loro diritti, nonché di promotore delle organizzazioni volontarie che svolgevano gli stessi compiti. La sua politica editoriale era di trattare temi d'attualità solo se connessi con le problematiche quotidiane dei suoi lettori. Il giornale fungeva da spazio di

²⁴⁰ J. Maher, [a cura di] *The Europa world year book 2004 vol. 1*, Europa Publications, Londra, 2004, p. 2260.

²⁴¹ “Vremja” fu lanciato dal magnate Robert Maxwell dopo la sua acquisizione del 50% del quotidiano israeliano centrista “Maariv”. Su quest'ultimo veniva pubblicata inizialmente una pagina in russo dal titolo “Vremja”, che riprendeva il nome del più celebre programma televisivo d'informazione della tv sovietica, cui seguì dal marzo del '91 il quotidiano indipendente. A capo della redazione fu messo Natan Šaranskij. Cfr. <<http://www.jta.org/1991/03/29/archive/israeli-russian-paper-launched-another-robert-maxwell-venture>> e <<http://articles.latimes.com/keyword/vremya-newspaper>>, accesso del 14/04/2014.

²⁴² “Vesti” nacque da “Yedioth Aharonot” sotto la redazione di Eduard Kuznecov: è storicamente orientato a destra. La circolazione nel 1996 è attestata sulle duecentomila copie. Arian e Shamir lo ritengono responsabile della vittoria di Netanyahu nelle elezioni del '96. Cfr. A. Arian e M. Shamir, *The elections in Israel, 1996*, SUNY Press, New York, 1999, p. 126.

²⁴³ Uno dei quotidiani più letti in Israele, viene pubblicato dal 1930.

²⁴⁴ N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press...*, cit., p. 183.

²⁴⁵ *Ibidem*.

discussione e stimolava l'orgoglio degli ebrei sovietici circa il loro retaggio culturale di eredi di una tra le più grandi comunità ebraiche del mondo.²⁴⁶

Secondo le statistiche, nel 1993 il 32.2% degli *olim* giunti in Israele tra il 1989 ed il 1993 leggevano “Novosti Nedeli” (nel '92 il 52% leggeva l'edizione “domenicale”), contro il 37.0 % di “Vesti” ed il 16.7 % di “Naša Strana” [La nostra nazione].

È indubbio, ad opinione di Nelli Elias, che esista una componente di convenienza per i politici nel mantenimento della segregazione etnico-culturale degli *olim* russi: in assenza di questa, il loro ruolo perderebbe di significato. La soluzione a questa *impasse*, secondo la studiosa, sarebbe la segregazione culturale unita all'integrazione politica²⁴⁷. Il ruolo della pubblicistica in lingua russa in Israele, al contrario, fu di unire solidaristicamente gruppi socio-culturali ed organizzazioni potenzialmente diversi ed in conflitto all'interno della comunità. Questo avvenne anche grazie al ruolo attivo dei giornalisti nella vita politica della comunità russa, sia tramite la partecipazione a partiti politici o la candidatura ad elezioni municipali, sia grazie a campagne di sensibilizzazione a favore dei soggetti più deboli.²⁴⁸

Il più celebre tra i *refusnik*, Eduard Kuznetsov, fu tra i fondatori del giornale in lingua russa più diffuso, “Vesti” e suo caporedattore fino al 1999²⁴⁹. È ora membro del consiglio di supporto ai dissidenti sovietici *The Gratitude Fund*. Julija Šamalov-Berkovič, deputata alla Knesset per il partito di destra *Kadima*, fu tra i fondatori del principale canale televisivo in lingua russa, *Israel*

²⁴⁶ Ivi, p. 184.

²⁴⁷ N. Elias e D. Caspi, *From Pravda...*, cit., p. 198.

²⁴⁸ N. Zilberg e E. Leshem, *Russian-language press...*, cit., p. 187.

²⁴⁹ Il licenziamento di Kuznetsov ebbe eco anche nella stampa israeliana: "Several sources said last night that he and a young reporter were fired because they were too critical of the *Yisrael Ba'aliya* Party. The paper's general manager, Yulia Shamalov Berkovitch, denied that Kuznetsov was fired, saying that he and Vesti had agreed it was time for him to move on. She denied his departure was politically motivated, saying that various political sources were merely trying to take advantage of it....Sources said the two were very critical of the leaders of *Yisrael Ba'aliya* and suggested that they were removed from the paper, following a long power struggle between Berkovitch and Kuznetsov, in order to help push Berkovitch's political ambitions forward. One source said the two were removed at the request of *Yisrael Ba'aliya*. MK Yuli Edelstein (*Yisrael Ba aliya*) said last night that the changes at Vesti are an internal matter that has no connection to his party.", cfr. H. J. Gleit, *Kuznetsov fired as editor of 'Vesti'*, "The Jerusalem Post", 12/09/1999, p. 2.

Plus, e del quotidiano “Vesti”. Il moscovita Jurij Štern, *repatriant* nel 1981²⁵⁰, scrisse molti articoli per “The Jerusalem Post” e “Maariv”, che gli valsero certamente da tribuna per la sua elezione alla Knesset nelle fila del partito *Israel ba aliyah* (Israele nell’*aliyah*). Persino Avigdor Lieberman, la figura di provenienza sovietica più di spicco nel panorama della politica israeliana, fondatore e leader del partito di destra *Israel Beitenu*²⁵¹ ed ex ministro degli Esteri, fu capo redattore dal 1999 della rivista “Yoman Israeli” [Il diario di Israele]. Una delle giornaliste da me intervistate, Marina Koncevaja, ha contribuito, anche attraverso mezzi moderni come il *social network Facebook*, alla rielezione del sindaco di Gerusalemme Nir Barkat, tramite un *tam tam* mediatico di persuasione dei suoi “amici” sul sito web condotto rigorosamente in lingua russa²⁵².

Il giornale assunse così un ruolo attivo nella creazione di una comunità con un sentire comune, anche in risposta ad atteggiamenti negativi registrati nella stampa nazionale israeliana²⁵³ (i russi identificati come mafiosi e prostitute), diventando difensore e psicologo dei nuovi immigrati nella nuova realtà, dando loro uno spazio in cui confrontarsi e nel quale ritrovare un legame con la cultura russa.

La vicenda dei giornalisti protagonisti della stampa in lingua russa in Israele, i loro successi professionali, le difficoltà con cui si sono confrontati, fino al declino degli anni più recenti, è bene illustrata nella testimonianza raccolta ed analizzata da Nelli Elias e Julija Lerner²⁵⁴. La protagonista dal nome fittizio di Aleksandra è una giovane *ola*, già giornalista nella ex Unione Sovietica. Aleksandra ripercorre la sua traiettoria professionale, dal precoce inserimento in “Vremja” (poi “Vesti”), dove apprende, con una dura esperienza sul campo, il mestiere di professionista della stampa occidentale, assai diverso rispetto all’esperienza sovietica. Aleksandra apprende con difficoltà ma soddisfazione ed orgoglio nel successo raggiunto cosa significhi essere giornalista di

²⁵⁰ <<http://www.yurishtern.org.il/ru/content.php?id=18>>, accesso del 14/04/2014.

²⁵¹ <<http://www.cairn.info/revue-outrre-terre-2004-4-page-227.htm>>, accesso del 04/11/2013.

²⁵² <<https://www.facebook.com/marina.kontsevaya?fref=ts>>, accesso del 04/11/2013.

²⁵³ <<http://www.haaretz.com/print-edition/features/an-angel-in-the-russian-ghetto-1.64185>>, accesso del 12/11/2013.

²⁵⁴ N. Elias e J. Lerner, *Narrating the Double Helix*, cit., accesso del 01/11/2013.

investigazione alla scuola dei colleghi israeliani. I suoi primi dieci anni di vita da recente immigrato vedono la scoperta non solo della professione di giornalista occidentale, ma la condivisione con i suoi lettori, attraverso il suo lavoro, delle difficoltà e dei successi nel faticoso percorso di integrazione nella società israeliana. Dopo il licenziamento di un carismatico capo-redattore (si allude qui al discusso allontanamento di Kuznecov da “Vesti” nel 1999), inizia per Aleksandra, che si dimise insieme ad altri per solidarietà, un percorso in discesa. Dapprima il lavoro presso “Novosti nedeli”, dove non è più possibile praticare il giornalismo d’inchiesta di “Vesti” e le condizioni contrattuali sono nettamente sfavorevoli; sei anni dopo, con l’accentuarsi della crisi delle pubblicazioni in lingua russa, il licenziamento. Aleksandra, costretta oggi ad un avvilito lavoro di traduttrice presso il portale di un’agenzia di notizie, vede specchiarsi nel suo personale fallimento professionale l’agonia della stampa in lingua russa in Israele, che sta terminando la sua funzione di socializzazione.

La rivista “Beseder?” come psicologo sociale degli immigrati russi

È in questo panorama storico-culturale che si inserisce la nascita della rivista oggetto della nostra ricerca, “Beseder?” (in ebraico letteralmente “in ordine”, ha il significato più generico di “ok?”, “tutto bene?”).

“Beseder?” nacque come supplemento umoristico del venerdì al quotidiano “Naša Strana” nel 1991 con una circolazione di 12-15000 copie²⁵⁵. Nello stesso anno aveva visto la luce un altro *magazine* con lo stesso taglio stilistico, “Balagan” (“confusione” sia in russo sia in ebraico); è dell’anno successivo, invece, il lancio di una rivista umoristica per bambini, “Balagasha”²⁵⁶. La nascita di testate consacrate allo *humour* con dignità autonoma era stata preceduta da sezioni dedicate nei principali giornali israeliani in lingua russa.

²⁵⁵ N. Zilberg, *In -Group Humor of Immigrants from the Former Soviet Union to Israel*, “Israel Social Science Research”, Vol.10, No.1, 1995, p.5. Materiale di questa rivista è stato usato nel mensile “Okay!!” pubblicato negli Stati Uniti dal 1994, *ivi*, p. 24.

²⁵⁶ *Ibidem*.

Una linea editoriale unica caratterizzò “Beseder?” fin dalle sue origini. A differenza di altre testate con lo stesso obiettivo di intrattenimento (come il già citato “Balagan”), “Beseder?” non si limitò ad offrire al proprio lettore traduzioni o ristampe di aneddoti stranieri o sovietici avulsi dal contesto. Scelse piuttosto di farsi interprete in prima linea della peculiare condizione dell’immigrato sovietico. La composizione della sua redazione facilitò la naturalezza di questo slancio verso l’*ole hadash* (il nuovo immigrato) sovietico. Secondo le parole dell’articolaista Anatolij Livšic, intervistato da Narspy Zilberg, i giornalisti di “Beseder?” descrivevano e scoprivano Israele nello stesso modo²⁵⁷ in cui lo faceva un qualsiasi altro immigrato, in quanto lo erano loro stessi. Solo tre persone erano a completo servizio della rivista oltre al capo-redattore Mark Galesnik. Il contributo restante derivava da *freelancers*, buona parte dei quali non erano umoristi di professione, bensì provenivano da ambiti accademici affatto diversi ed eterogenei²⁵⁸, come Anatolij Livšic, ingegnere di professione²⁵⁹. Per il caricaturista Oleg Schwartzburg, ora militante nelle fila del “Jerusalem Post”, “Beseder?” fu il trampolino di lancio per una carriera nel giornalismo israeliano²⁶⁰. Per molti altri rappresentò un’occupazione di prestigio, un riscatto culturale rispetto ad una condizione di *handicap* linguistico e sociale²⁶¹. La grande *aliyah* degli anni '90 aveva visto l’arrivo in Israele di un vasto numero di professionisti, provenienti soprattutto dalle professioni scientifiche, che non erano riusciti a trovare nella società ospitante un ruolo pari a quello che ricoprivano nella madrepatria²⁶².

Il ruolo ricoperto da “Beseder?” in questo contesto socio-culturale, è, dunque, eminentemente psicologico. La funzione dello *humour* nella creazione di legami comunitari è analizzata, tra gli altri²⁶³, da Cristina Flesher Fominaya:

²⁵⁷ N. Zilberg, *In –Group...*, cit., p. 8.

²⁵⁸ *Ibidem*.

²⁵⁹ Cfr. Intervista ad Anatolij Livšic, Appendice.

²⁶⁰ *Ibidem*.

²⁶¹ N. Elias e J. Lerner, *Narrating the Double...*, cit., accesso del 10/10/2013.

²⁶² Cfr. A. S. Galper., *From Bolshoi to Be'er Sheva, Scientists to streetsweepers. Cultural dislocation among Soviet immigrants in Israel*, University Press of America, Lanham, 1995.

²⁶³ Più nello specifico in ambito umoristico russo-ebraico cfr. E. Draitser, *Sociological aspects of the Russian Jewish jokes of the exodus*, in “Humor - International Journal of Humor Research”, Volume 7, Issue 3, pp. 245–268, luglio 2009.

lo *humour* può giocare un ruolo importante nello sviluppo di legami affettivi di maggiore durata tra membri di un gruppo, incoraggiando (un sentimento) di identità collettiva [...] e proiettando all'esterno un'identità politica alternativa. [...] Il processo di formazione di un'identità collettiva implica ed origina sia un senso di coesione o di “chi siamo”, sia, come suo necessario corollario, un senso di alterità o di “chi non siamo”. [...] Lo *humour* può giocare un ruolo significativo nella creazione di un sentimento di comune identificazione e solidarietà, definendo e criticando l’“opposizione”, integrando membri del gruppo nuovi e marginali, allentando tensioni e negoziando conflitti. [...] Può fungere da risorsa cruciale nel processo di formazione di un'identità collettiva.²⁶⁴

“Beseder?” si fece carico della sfida di trovare un'identità comune a fronte di passati diversi fra gli immigrati dell'ultima generazione ed oltre a ciò di stabilire un dialogo con la generazione precedente, i *vatikim*. È significativo che lo strumento scelto sia stato lo *humour*, in quanto “simultaneamente produce un forte impulso di cameratismo fra i partecipanti ed insieme aggressività nei confronti degli estranei”²⁶⁵.

La struttura della rivista ricalcava modelli familiari al lettore sovietico. Come evidenzia l'immagine sottostante, tratta da uno dei quotidiani russi di più antica fondazione, “Izvestija” (Pietrogrado, 1917), “Beseder?” si presentava visivamente come un giornale ufficiale. Gli *slogan* e le frasi edificanti, ripetute a scopo educativo sui quotidiani sovietici, furono imitate nel frontespizio della rivista. Il sottotitolo definiva formalmente i destinatari della pubblicazione. Non si trattava dell'organo di stampa del Consiglio dei Deputati dei lavoratori dell'URSS (come nel caso qui sotto di “Izvestija”), bensì del settimanale “per chi ha ancora voglia di ridere”. La frase “onore al grande Ottobre!” (“*slava velikomu oktjabrju!*”) è sostituita da un demenziale “purtroppo il giorno dell'Indipendenza è solo una volta all'anno” (“*k sožalen'ju, Den' Nezavisimosti tol'ko raz v godu!*”), calco storpiato di una tra le più popolari canzoni per gli auguri di compleanno russe, “*K*

²⁶⁴ C. Flesher Fominaya, *The Role of Humour in the Process of Collective identity Formation in Autonomous Social Movement Groups in Contemporary Madrid*, in <http://www.academia.edu/615466/The_Role_of_Humour_in_the_Process_of_Collective_identity_Formation_in_Autonomous_Social_Movement_Groups_in_Contemporary_Madrid>, accesso del 05/11/2013.

²⁶⁵ J. Lowe, *Theories of Ethnic Humor: How To Enter Laughing*, in *American Quarterly*, Vol. 38, No.3, 1986, p.440.

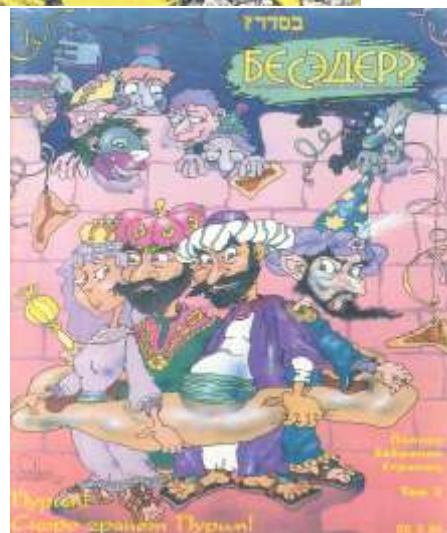
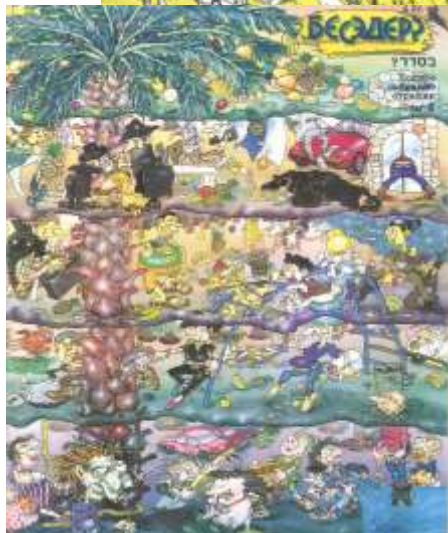
sožalen'ju, Den' Roždenija tol'ko raz v godu" ("Purtroppo il compleanno è solo una volta all'anno").²⁶⁶

La prima pagina della rivista ospitava tutte le settimane un editoriale firmato da Pograncon (il cognome combinava il russo “*granica*” e un tipico suffisso del cognome ebraico, “*zon*” ed alludeva ai famigerati controlli delle guardie di frontiera sovietiche²⁶⁷), notizie d’agenzia sintetiche ed essenziali nel riquadro “*Assošiejted stress*” (parodia della celeberrima *news agency* americana *Associated Press*) e vignette ed interventi circa gli eventi più recenti.

Le edizioni date alle stampe una volta ogni tre mesi, invece, assomigliavano alle copertine della più popolare tra le riviste satiriche sovietiche, “*Krokodil*”.

²⁶⁶ La canzone fa parte della cultura di ogni bambino russo di ieri e di oggi: è interpretata dal cocodrillo *Krokodil Gena* protagonista, insieme all’orsetto *Čeburaška*, di un popolarissimo “*multik*”, cartone animato sovietico .
²⁶⁷ N. Zilberg, *In-Group Humor...*, cit., p. 9; cfr. anche Intervista a Galesnik in Appendice.

La seconda pagina era dedicata ad interviste e rubriche fisse come “*Ugoloк redaktora*” [Angolo del redattore] e “*Aktual'naja beseda*” [Conversazione d'attualità], a parodie

dei commenti settimanali alla Torah della tradizione ebraica o dei “consigli degli esperti” tanto frequenti nei giornali israeliani destinati ai nuovi immigrati.²⁶⁸

La terza pagina era adibita a sezione culturale in cui venivano ripresi i classici della letteratura russa, opportunamente trasposti nella realtà israeliana:

un espediente caratteristico trasferisce personaggi familiari e trame nella realtà israeliana e l'apprezzamento della battuta richiede quindi al lettore di padroneggiare un'ampia gamma di allusioni simboliche ed allegoriche. Come spiega Freud nel suo tentativo di giustificare il potere di questo tipo di humour, “Nella scoperta del familiare, il riconoscimento è vissuto come piacere”.²⁶⁹

La romanza russa “Io vi ho incontrato” di Tjutčev, convegno lirico-nostalgico del poeta con la donna amata, diventa, con la sostituzione di una consonante “Ho incontrato il vaso”²⁷⁰. Vengono forniti suggerimenti utili come “se di notte per strada vi appare un fanale, andate in farmacia”, consiglio razionale a compensazione del mistico simbolismo blokiano.²⁷¹

La quarta pagina era infine dedicata a vignette, indovinelli, barzellette, cruciverba, oroscopi ed annunci pubblicitari, tutti, ovviamente, in chiave umoristica.

Ci riesce difficile disgiungere i contributi della rivista in differenti sezioni tematiche, in quanto, come sottolinea Narspy Zilberg “molti dei pezzi più divertenti affrontano insieme questi interessi intrecciati”: “commenti circa lo *status* sociale, relazioni infra – gruppo, scetticismo nei confronti dell'ideologia e ricerca di una nuova identità”²⁷². Divideremo dunque gli interventi secondo il criterio di appartenenza tematica che ci pare prevalente. La scelta dei temi - le elezioni politiche del 1992, il conflitto generazionale tra *sabra*, *vatikim* ed *olim hadashim* e il rapporto con la religione nella sua relazione con l'autoidentificazione - è stata dettata dalla

²⁶⁸ *Ibidem*.

²⁶⁹ *Ibidem*. “A characteristic device transfers familiar personages and plots into Israeli reality, and appreciation to the joke therefore requires the reader to master a wide range of symbolic and allegorical allusions. As Freud explains in his attempt to account for the power of this kind of humor, «In discovery of the familiar, recognition is experienced as pleasure».”

²⁷⁰ “Beseder?”, Tom I, n° 16 (54), 23.04.92. “Ja vstretil Vas” diventa “ja vstretil Vaz”. L'accordanza dei casi è sacrificata per mantenere l'assonanza.

²⁷¹ “Beseder?”, Tom IV, n° 1 (90), 01.01.93. Parodia di “Noč', ulica, fonar', apteka” di Aleksandr Blok. Nel testo: “Esli vam noč'ju na ulice postavili fonar' – idite v apteku”.

²⁷² Ivi, p. 20, “many of the funniest pieces addresses these interlocking concerns [...], commentary on social status, inter-group relationships, skepticism toward ideology and search for a new identity”.

Labour privandolo del proprio dominio incontrastato dalla fondazione dello Stato, vide la propria coalizione, capeggiata da Shamir, ridotta dai 40 ai 32 seggi nel Parlamento israeliano, la Knesset. Il blocco di centro sinistra, che oltre al Partito Laburista comprendeva il liberale Meretz, il Partito Democratico Arabo ed il comunista Hadash, guadagnò la maggioranza²⁷³. Sondaggi elettorali condotti tra gli ebrei sovietici avevano riconosciuto, nel periodo precedente gli scrutini, un'identificazione dei votanti con le idee della destra²⁷⁴, promotrice della conservazione dei territori di Gaza e della Cisgiordania. L'attenzione maggiore posta dalla sinistra alla questione dell'inserimento occupazionale dei nuovi immigrati, tuttavia, si rilevò essere più significativa per gli *olim*. L'opinione pubblica israeliana vide i "russi" come responsabili di questo brusco cambiamento di rotta, che segnò la nascita della "Terza Repubblica Israeliana".²⁷⁵

Le elezioni costituirono così il primo banco di prova per gli esperimenti di satira politica della rivista. Fedele alle intenzioni del proprio redattore²⁷⁶, nei mesi pre – elettorali "*Beseder?*" si mantenne *super – partes* e non assecondò né sostenne alcuna fazione. Scelse piuttosto di combattere nell'arena politica israeliana formando un proprio partito. Facendo il verso al movimento pacifista non-governativo "*Shalom Achšav*" ("Pace Adesso") ed al partito degli immigrati D. A., "*Demokratia ba Aliyah*" ("Democrazia nell'*aliyah*", le iniziali significano "sì" in russo), "*Beseder?*" dichiarò nell'edizione del 4 aprile 1992 la propria entrata in politica con lo schieramento B. A., "*Beseder Achšav*" (Ordine adesso). La dichiarazione programmatica ridicolizzava il lessico da campagna elettorale in chiave demenziale:

Nella Knesset ci sarà ordine! B.A. Movimento non dipendente da nessuno "*Beseder – Achšav!*" È bella vita al prezzo di una modesta! Se ti costa tutto caro, vota per B.A. – Sarà più economico! I nostri candidati rubano meno di tutti. Ma meglio! La nostra soddisfazione è più profonda! Da ciascuno secondo le proprie possibilità, a ciascuno – qualcosa. Tutti danzano! Solo "*Beseder*" può ora! Votate nelle nostre urne! Darai un generale taglio

²⁷³ L.T. Hadar, *The 1992 Electoral Earthquake and the Fall of the 'Second Israeli Republic*, Routledge, New York, 2013, p. 594.

²⁷⁴ Cfr. A. Fein., *Voting Trends of Recent Immigrants from the Former Soviet Union*, in [a cura di A. Arian e M. Shamir] *The Election in Israel*, State University of New York Press, Albany, 1995.

²⁷⁵ C. A. Jones, *Soviet Jewish Aliyah, 1989-92: Impact and Implications for Israel and the Middle East*, Routledge, New York, 2013, pp. 183-186 e L.T. Hadar, *The 1992 Electoral Earthquake*, cit., *ibidem*.

²⁷⁶ Cfr. Intervista a Mark Galesnik, Appendice.

centrale! Ad ogni ragazza – un accompagnamento! Chi non è con noi è uno scemo.”²⁷⁷

È necessario soffermarsi ad analizzare il pezzo succitato per capire quali siano i vari livelli in cui opera l'effetto umoristico. Come abbiamo già anticipato, “*beseder*” in ebraico significa letteralmente “in ordine”: in senso lato assume quindi anche il significato di “sotto controllo, a posto, ok”. L'*incipit* quindi ha la funzione di “rassicurare” l'elettore: il nuovo partito avrà una funzione normalizzante e regolativa del marasma politico, come ogni compagine innovativa che si rispetti. I motti che seguono sono meramente illogico – propagandistici. La dichiarazione “Da ciascuno secondo le proprie possibilità, a ciascuno - qualcosa”, satireggia la massima “Da ognuno secondo le sue capacità; a ognuno secondo i suoi bisogni”, ideata da Louis Blanc e resa celebre da Marx ne *La critica del Programma di Gotha* (da alcuni fatta risalire addirittura agli *Atti degli apostoli*), che propugnava l'idea che con il pieno sviluppo del socialismo vi sarà anche la soddisfazione dei bisogni dell'individuo²⁷⁸. L'aforisma, arcinoto al lettore sovietico della rivista, viene dissacrato e martoriato: diventerà persino il titolo di una rubrica permanente di indovinelli.

L'incitazione “darai un taglio centrale” rimanda al concetto, tanto caro ad ogni politicante, di cambiamento, di cesura con una situazione precedente che ci lasciava insoddisfatti. L'ambiguità e il *calembour* qui sono dati dall'assenza di accentazione. In russo la parola *obrezanie* significa, a seconda della posizione dell'accento, sia taglio, sia circoncisione (*obrezànie* il primo, *obrèzanie* la seconda). Superfluo sottolineare la differenza abissale tra i due concetti.

La propaganda continua nell'edizione successiva e troverà spazio ogni settimana sulla rivista fino al termine delle elezioni: “Nella Knesset ci sarà Beseder! Se non Beseder? – chi? Se non ora –

²⁷⁷ “Beseder?”, Tom I, n° 14 (52), 10.04.92, “Budet v Knesset Beseder! B.A. Ni ot kogo ne zavisimoe dviženie “Beseder – Achšav!” Eto – krasivaja žizn po cene nekrasivoj! Esli tebe vsë dorogo, golosuj za B.A. Deševle budet! Naši kandidaty kradut men'še vsech. Da lučše! Naše udovletvorenje glubže! Ot každygo – po vozmožnosti, každygo – čto nibud'. Tancujut vse! Tol'ko “Beseder” možet achšav! Golosujte v naši urny! Daeš' vseobšee srednee obrezanie! Každyj devuške – po soprovodzeniju! Kto ne s nami – tot durak!”.

²⁷⁸ In russo “Ot každygo po sposobnostjam/vozmožnostjam, každygo po potrebnostjam”, cfr. M. Berman, *Adventures in Marxism*, Verso, Londra/New York, 1999, p. 151 e K. Marx e F. Engels, *Opere scelte*, Editori Riuniti, Roma, 1969, p. 962.

quando? [...] Chi non è con noi – non è con noi! E ho detto tutto.²⁷⁹ La vacuità degli slogan, ridotti ad una cantilena pubblicitaria priva di senso, è enfatizzata dal calco dell’adagio della prima propaganda rivoluzionaria sovietica (anche questo, peraltro, d’origine evangelica)²⁸⁰, “Chi non è con noi è contro di noi”. La vita politica in URSS è imitata pedissequamente da “*Beseder Achšav*”. L’edizione dell’8 maggio 1992 testimonia, con un resoconto stenografico fedele alla tradizione, la riunione del Plenum del Comitato Centrale del Partito. Il sottotitolo specifica l’origine delle fonti. Non sono tratte, come in Unione Sovietica, dall’Organo di stampa ufficiale del Comitato centrale del Partito Comunista, “*Partijnaja žizn*” [Vita di partito], bensì “dal liquame partitico”. La comicità qui deriva dalla manomissione di due lettere nel mantenimento dell’assonanza: il genitivo di “vita”, “*žizni*”, è sostituito con quello di “liquame”, “*žiži*”.²⁸¹ Il resoconto annuncia che il candidato prescelto è il cosmonauta Pupyrcatyj (in russo “il brufoloso”): malelingue accusano Mark Galesnik, fondatore del partito, di averlo scelto “per segno etnico” (“*po etničeskomu priznaku*”). L’astronauta invierà dal suo “*štetle*” (mescolanza di *shtetl*, il villaggio ebraico e *shuttle*, navicella spaziale) una nota attestante i propri “eroici sforzi di sionizzare la Terra adiacente allo spazio e spazializzare la Terra adiacente al Sionismo”: com’è illustrato da Narspy Zilberg, il messaggio ridicolizza il “partito russo, gli eccessi ideologici del Sionismo e le pretese di Israele di assumersi un ruolo di nazione di primo piano che lancia una navicella spaziale”.²⁸² Persino l’odiosa quanto obbligata pratica delle confessioni è mantenuta dagli immigrati sovietici nell’*aliyah*:

Io, Galesnik M. I., classe 1956, ebreo, senza partito, sono rimpatriato nello stato di Israele a scopo domicilio permanente nel 1990 con l’intento di portare al potere il partito “Avoda” e trovandomi con esso in accordo segreto. Essendo in una condizione di immaturità politica e di incapacità di intendere e di volere dal punto di vista sociale, ho dato il mio voto al partito succitato. Riconosco che ho compiuto quanto menzionato inebriato dalle canzoni irresponsabili del cittadino Leonidov M.,

²⁷⁹ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 15 (53), 17.04.92, “Esli ne “Beseder”? – to kto? Esli ne achšav – to kogda?”.

²⁸⁰ <<http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/193.htm>>, “Kto ne s nami, tot protiv nas”, accesso del 12/05/2014.

²⁸¹ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 18 (56), 08.05.92, “Ne iz partijnoj žiži, a iz narodnoj guši”. Un ulteriore gioco semantico è dato dalla seconda parte della frase. “Guš” è sia “folto” sia “feccia”: anche qui dunque una doppia lettura possibile, “dal folto della nazione” o “dalla feccia della nazione”.

²⁸² N. Zilberg, *In-Group Humor...*, cit., p. 18-19, “Russian’ party, [...] the ideological excesses of Zionism and Israel’s pretensions toward first world status by launching a space ship”.

sotto l'influsso della cattiva abitudine al totalitarismo ed alle bandiere rosse acquisita nell'infanzia, ed inoltre per danneggiare la popolazione indigena di Israele.²⁸³

Il partito allettò i propri elettori promettendo loro dei *benefits*: “A tutti coloro che intendono votare per altri partiti, B. A. mette a disposizione delle urne.”²⁸⁴ L'effetto comico in questa offerta è dato dal doppio significato in russo di “urna”, che è sia “*izbiratel'naja urna*”, urna elettorale, sia “pattumiera”. Su questo doppio senso si gioca l'intervista ad un'urna elettorale²⁸⁵. Quest'ultima svolge la doppia funzione di pattumiera e di urna elettorale, ricettacolo di immondizia di ogni tipo (parte della spazzatura sono giornali in lingua russa). Il corrispondente obietta che “in Israele c'è l'idea che tutta la sporcizia venga dalla grande *aliyah*”; l'urna, che vede in maniera ambivalente un futuro alla Knesset o all'angolo fra le vie gerosolimitane King George e Yaffo, risponde che invece “intere famiglie [di *olim*] vivono secondo la tecnologia della piena utilizzazione dei rifiuti”, in maniera assolutamente ecologica.²⁸⁶ Il pezzo, oltre ad esercitare la tecnica del paradosso, ironizza sui pregiudizi israeliani nei confronti dei nuovi immigrati. Un'altra “*Aktual'naja beseda*” vede protagonista la sedia del primo ministro. Il genere è sempre quello dell'assurdo e della commedia degli equivoci: principale oggetto di conversazione è il deretano dei diversi *premier* che hanno calcato la sedia del primo ministro.²⁸⁷

La *par condicio* fu comunque garantita. Venne concesso spazio alle posizioni del partito che era stato ispiratore nel nome, D. A. Quest'ultimo voleva essere interprete delle preoccupazioni degli immigrati: sosteneva la deregolamentazione dell'economia per promuovere la creazione di nuovi posti di lavoro, la laicizzazione dello stato ed un'attenzione maggiore ai diritti dei cittadini, con

²⁸³ “Beseder?”, Tom II, 1992, n° 26 (63), 03.07.92, “Ja, Galesnik M. I., 1956 g.r. [god roždenija], evrej, bespartijnyj, v 1990 godu repatriirovalsja v gosudarstvo Israil' na P. M. Ž. [postojannoje mesto žitelstva], imeja pri sebe umysel privesti k vlasti partiju “Avoda” i nahodjas' s nej v tajnom sgovore. Prebyvaja v sostojanii političeskoj nezrelosti i social'noj nevmenjamosti, ja otdal svoj golos vyšenazvannoj partii. Priznaju, što soveršil upomjanutoe odurmanennyj bezotvetstvennymi pensjami gr-na Leonidova, M., pod vlijaniem priobretënnj množu v detstve durnoj privyčki k totalitarizmu i krasnym flagam, a takže čtoby navredit' korennomy naseleniju Izrailja.” Maksim Leonidov è leader del gruppo russo anni '90 *Sekret*.

²⁸⁴ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 16 (54), 24.04.92, “Golosuajte za “Beseder – Achšav! Vsem, kto sobiraetsja golosovat' za drugie partii, B.A. predostavit urny”.

²⁸⁵ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 21 (58), 29.05.92, “Iz grjazi – v Knesset”.

²⁸⁶ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 21 (58), 29.05.92,

²⁸⁷ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 24/25 (61/62), 26.06.92.

l'obbligo per tutti, indipendentemente dalla posizione religiosa, di servire nell'esercito²⁸⁸. L'opinione del deputato di D. A. Sem Zil'berg che sia "importante che la voce della nostra *alijah* sia il più forte possibile"²⁸⁹ fu imparzialmente trascritta e rappresentata in maniera dissacrante nella vignetta sottostante.

La rivalità tra Rabin e Peres è derisa nella vignetta sottostante: difficile per un immigrato identificare quale sia la differenza che intercorre tra i due, sono gemelli separati alla nascita la cui madre "ha gettato la spugna"²⁹⁰.

²⁸⁸ C. A. Jones, *Soviet Jewish Aliyah...*, cit., p.191. I cittadini ultra-ortodossi in Israele sono esentati dalla leva militare.

²⁸⁹ "Beseder?", Tom I, 1992, n° 21 (58), 29.05.92, "...важно, чтобы голос наш Алии был максимал'но громким".

²⁹⁰ "Beseder?", Tom I, 1992, n° 14 (52), 10.04.92, "Rabin i Peres – bliznecy-brat'ja. Deti Izrailija s obščej sud'boju. Mat', ne sumev, kto cennej, razobrat'sja, S gorja machnula rukoj. Na oboich.".

Non è poi così sostanziale nemmeno la differenza tra esponenti di partiti opposti. Shamir e Peres sono uniti indissolubilmente come l'operaio e la colcosiana della scultura di Vera Muchina.

David Zilber' è convinto che i partiti politici abbiano facilitato l'imparzialità della rivista:

quando una persona è religiosa non può guardare le belle donne, ma se non ci sono belle donne per strada è facile rispettare questo comandamento. Quando ci sono belle donne, lì diventa un problema. Ecco, è lo stesso con i partiti israeliani, ci risultò molto semplice, perché era davvero difficile farsi tentare da qualcuno.²⁹¹

²⁹¹ Cfr. Intervista a David Zilber', Appendice.

Nelle foto pubblicitarie qui sopra, l’indecisione del voto è rappresentata da una donna che potrebbe essere una pornodiva. È seminuda ed ha uno sguardo ammiccante. La didascalia testimonia un suo continuo cambio di posizione: decide, ci ripensa, si decide nuovamente. L’appuntamento elettorale e l’ironia sulla proverbiale incoerenza femminile sono occasione per attaccare i pregiudizi israeliani nei confronti delle “biondine” russe, tacciate in quegli anni – e negli ambienti più reazionari ancora oggi – di essere delle prostitute²⁹².

La vignetta di sinistra rappresenta delle volgari donne di strada che, avvistando una fumatrice vestita in maniera ricercata e provocante sull’altro lato della strada, si domandano: “che ci trovano in queste russe?”. Nella vignetta di destra Stalin, accomiatandosi da Trockij, si domanda se sia diretto in Israele, dove, legge sul quotidiano “Naša strana”, è stata legalizzata la prostituzione.

²⁹²Cfr. < <http://jwa.org/encyclopedia/article/russian-immigrants-in-israel>>, accesso del 14/05/2014.

A fugare ogni dubbio circa le incertezze di voto compare Raskol'nikov, protagonista di *Prestuplenie i nakazanie* [Delitto e castigo], presentato come un comune studente pietroburghese che “ha già deciso”²⁹³.

Ci pare che “Beseder?” abbia superato brillantemente la sua prima prova.

“Beseder?” e il confronto tra *sabra, vatikim ed olim hadashim*

Faites l’humour, pas la guerre²⁹⁴

L’umorismo va distinto dall’ironia. Quando si fa dell’ironia si ride degli altri. Quando si fa dell’umorismo si ride con gli altri. L’ironia ingenera tensioni e conflitti. L’umorismo quando usato nella misura giusta e nel momento giusto (e se non è usato nella misura giusta e nel momento giusto non è umorismo) è il solvente per eccellenza per sgonfiare tensioni, risolvere situazioni altrimenti penose, facilitare rapporti e relazioni umane.²⁹⁵

In questo paragrafo vorremmo muovere dalle considerazioni di Carlo Maria Cipolla per sottolineare, come già rilevato da Zilberg, il ruolo assunto da “Beseder?” nella gestione dei conflitti etnico-generazionali all’interno della società israeliana. A partire dal *plakat* che fu suo vero manifesto, “*Kama zman ata ba-arec?*”, diretta imitazione, come evidente dalle immagini qui sotto, del *plakat* d’incitamento alla leva dei tempi sovietici “*Ty zapisalsja dobrovol’cem?*” [Ti sei iscritto volontario?], “Beseder?” utilizzò l’umorismo come mediatore di conflitti sociali.

²⁹³ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 18 (56), 08.05.92.

²⁹⁴ M. A. Ouaknin e D. Rotnemer, *Così giovane e già ebreo – Umoreismo Yiddish*, Edizioni Piemme Pocket, Trebaseleghe, 2000, p. 13.

²⁹⁵ C. M. Cipolla, *Allegra ma non troppo*, il Mulino, Bologna, 1988, p. 7.

Il significato della domanda ebraica, traslitterata in caratteri cirillici, è “da quanto tempo sei nel paese”, ma assume per i lettori, emigranti degli anni '90, un significato più ampio. A parlarla infatti, con atteggiamento aggressivo (come quello del soldato dell'Armata Rossa del manifesto, o dell'ancor più popolare zio Sam della tradizione americana), sono i *sabra*. “*Kama zman ata baarec?*” diventa così un interrogativo emblematico degli shock culturali sperimentati dagli *olim* giunti negli anni '90, traumatizzati dalla disinibita libertà dei *sabra* nel porre domande personali circa provenienza, vita privata, reddito ed occupazione. Il pezzo a seguire spiega le sensazioni di un *ole hadash* in maniera più circostanziata:

“Vy davno v strane? Neuželi? Otkuda rodom? Pravda? Čto za special'nost'? Kak vy skazali? Sem'ja est'? Počemu? Gde živete? Začem? Kak s ivritom? Kogda? Rabotaete? Vy ser'ezno? Skol'ko platjat? A vy ne šutite? Šalom-šalom-baj...” Posle pervogo takogo interv'ju ja ulybalsja, posle vtorogo – tože, posle čto devjanosto vtorogo – pobežal uznavat', počëm bilet do Pitera.

(Siete da molto nel paese? Davvero? Da dove? Ah sì? Che professione? Come avete detto? Avete famiglia? Perché? Dove vivete? Perché? Come va con l'ebraico? Quando? Lavorate? Ma davvero? Quanto pagano? Non state scherzando? Shalom-shalom-bye...” Dopo la prima intervista di questo genere ho riso, dopo la seconda, pure, dopo la centonovantaduesima sono corso ad informarmi quanto costasse un biglietto fino a Pietroburgo.)²⁹⁶

Un'ulteriore sfumatura linguistica, spiegata dalla vignetta qui sotto, è data dal doppio significato in ebraico di “*ha aretz*”, sia “paese, nazione”, sia “terra”: nell'immagine una tomba domanda all'altra da quanto tempo sia in terra – o nel paese.

²⁹⁶ “Beseder?”, Tom IV, 1993, n° 6 (95), 05.02.93.

Una sezione speciale viene dedicata ai *sabra*, “*Dlja vas, sabry!*” (“Per voi, *sabra!*”) e contiene indicazioni, suggerimenti o insegnamenti che potrebbero essere rivolti ad un bambino (è, d'altronde, ai bambini che si attribuisce la mancanza di pudore e la perdonabile incapacità di discernere fra cosa vada detto/non detto, chiesto/non chiesto), come “Questa è una pattumiera, ci gettano la spazzatura”²⁹⁷ o “ $3 \times 4 = 12$; $3 \times 5 = 15$; $3 \times 6 = 18$; $3 \times 7 = 21$ (segue continuazione)”²⁹⁸. Il tono dei consigli non è tuttavia né sarcastico né caustico: lo definiremmo, piuttosto, condiscendente. Mira quindi, in accordo con quanto definito da Cipolla, alla mediazione dei conflitti interni alla società. Così nel pezzo Dottor Spock analizzato nel dettaglio da Zilberg²⁹⁹.

Sabry – oni kak deti... mnogie sprašivajut: kak sebja vesti s sabrami? Čitajte doktora Spoka. [...] Vosprijatje sabry otlišaetsja iz vosprijatija zrelogo čeloveka. On žizneradosten, vesel, ozoren. Emu neznakomy naši vzroslye zaboty: žil'ë, rabota, bank. [...] Kak vsjakie deti, sabry mogut inogda prosnut'sja sredi noči. [...] V etom slučae laskovo, no tvrdo pogovorite s nimi, ob''jasnite, čto zavtra Vam na rabotu, i čto esli Vy ne pojdëte tuda, to im nečego budet kušat'. Poglad'te, pokačajte ich na rukach, i oni snova zasnut. Odnako imejte v vidu, čto sabru očen' trudno otučit' ot grudi. Otnimat' ego ot neč nado postepenno. Mnogie olim žalujutsja, čto sabry chodjat po-malen'komu tam, gde zachotjat. I tut – glavnoe takt, terpenie. Ni v koem slučae ne nakazyvajte sabru! Postepenno priučajte ego delat' eto v special'no otvedëennyh mestach, ob''jasnite emu, čto on uže bol'soj i čto eto stydno. Mnogim sabram eščë ne vseгда udaëtsja pravil'no zastëgivat' pugovicy molnii, bretel'ki. Terpelivo pokažite im kak eto delaetsja, no ne stoit zastëgivat' samim. Inače oni k etomu privyknut, i u Vas v buduščem načnutsja problemy. Kak i u vsjakich normal'nych, ljubjaščich olim, bol'saja čast' zarabotannyh deneg uchodit u nas na našich sabr: nado ich odet', obut',

²⁹⁷ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 26 (63), 03.07.92.

²⁹⁸ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 15 (53), 17.04.92.

²⁹⁹ N. Zilberg, *In-Group Humor...*, cit., pp.21-22.

nakormit', otpravit' otдохnut' k babuške v N'ju-Jork. A sami my i nedoedim i nedospim, i ponosim čto-nibud' staren'koe. I eto soveršenno estestvenno i ponjatno. [...] Sabry očen' čutki. O ini prinimajut blizko k serdцу Vaši neudači, trudnosti v absorbcii. Vaše nastroenie im nemedlenno peredačtsja. Oni načinajut nervničat' i v takom sostojanii daže mogut upreknut' Vas v tom, čto Vy sjuda priechali, sdelav nesčastnymi ich i sebja. V takie minuty u nich mogut sorvat'sja s ust slova, uslyšannye ot vzroslych ili družej. Ne odnosites' k etomu vsjer'ěz – oni často sami ne vedajut, čto govorjat. Sabry očen' ljuboznatel'ny. Každye pjat' minut oni Vas o čem-nibud' sprašivajut i terpelivo ždut otveta na postavlenyj vopros. Vsě im interesno i važno: "Meajn ata?", "Lama bata?", "Kama zman ata po?". Ni v koem slučae ne pytajtes' otdeľyvat'sja dežurnymi otvetami tipa: "Menja prinēs aist", "Tak nado". [...] Rasskažite, čto evrei v strane pojavljajutsja blagodarja deduške Gerclju; ego oni, kak pravilo, bojatsja i uvažjut. [...]³⁰⁰

(I *sabra* sono come i bambini. Molti chiedono: come comportarsi con i *sabra*? Leggete il dottor Spock. [...] La percezione di un *sabra* è diversa da quella di un adulto. È esuberante, gioioso, sbarazzino. Gli sono sconosciute le nostre preoccupazioni da adulti: l'alloggio, il lavoro, la banca [...]. Come tutti i bambini, i *sabra* possono svegliarsi a volte nel cuore della notte. [...] In questo caso spiegate loro in maniera affettuosa ma ferma che domani dovete andare al lavoro e che se non ci andaste, non ci sarebbe nulla da mangiare per loro. Accarezzateli, cullateli e si riaddormenteranno. Tuttavia tenete a mente che per il *sabra* è difficile perdere l'abitudine al seno. Bisogna cercare di slattarlo gradualmente. Molti *olim* si lamentano del fatto che i *sabra* piscino un po' dove pare a loro. E qui è importante avere tatto e pazienza. Non comandate mai un *sabra*. Insegnategli a poco a poco che bisogna farlo in posti dedicati, spiegategli che è ormai è grande e che non sta bene. Molti *sabra* non riescono ancora ad abbottonarsi correttamente, a chiudere la lampo, a mettersi le bretelle. Mostrate loro con pazienza come si fa ma non fatelo al posto loro. Altrimenti ci si abitueranno e sarà un problema per voi in futuro. Come per ogni normale, amorevole immigrato, spendiamo una buona parte del denaro guadagnato per i nostri *sabra*: bisogna vestirli, provvederli di scarpe, nutrirli, portarli in villeggiatura dalla nonna a New York. Mentre noi stessi non mangiamo né dormiamo abbastanza, e ci vestiamo con qualcosa di vecchio. E questo è assolutamente legittimo e comprensibile. [...] I *sabra* sono molto sensibili. Si prendono a cuore i vostri insuccessi, le vostre difficoltà nell'assorbimento. Il vostro umore si trasmette loro immediatamente. Iniziano ad innervosirsi ed in una condizione simile possono persino rinfacciarvi il fatto di essere venuti qui, rendendo infelici loro e voi stessi. In quei minuti possono uscire dalla loro bocca parole sentite dagli adulti o da amici. Non prendetela sul serio; spesso non sanno loro stessi quel che stanno dicendo. I *sabra* sono molto curiosi. Ogni cinque minuti vi chiedono qualcosa e pazientemente attendono una risposta alla domanda rivolta. Per loro tutto è interessante ed importante: "Da dove vieni? Perché sei venuto? Da quanto tempo sei qui?". Non provate mai a cavarvela con risposte evasive tipo "mi ha portato la cicogna", "doveva essere così". Raccontate loro che gli ebrei nel paese appaiono grazie a nonno Herzl; di norma hanno timore di lui e lo rispettano.

³⁰⁰ "Beseder?", Tom III, 1992 n° 39 (76), 02.10.92."Vsě lučšee – sabram! Bud' Spok".

Abbiamo deciso di riportare questo articolo quasi per intero perché rappresenta una *summa* dei pregiudizi degli *olim* nei confronti dei *sabra*, opportunamente riletti in chiave satirica. Il manuale di consigli alle madri del pediatra statunitense Spock è il testo ispiratore. Tutto il pezzo è costruito sul gioco *sabra* - bambino ed *ole* – genitore. Il *sabra*, come un bambino, è privo di freni inibitori: fa domande inopportune (come nell'”età dei perché”), non si veste in maniera adeguata (forte la contrapposizione tra la *casualness* di cui gli israeliani fanno vanto e l'attenzione dei russi all'abbigliamento, specialmente in occasioni di festa), ricerca il contatto fisico e non è in grado di trattenere i propri bisogni fisiologici. L'*ole* è invece il genitore che giustamente deve sacrificarsi per provvedere ai bisogni della propria prole. Il *sabra* ignora quali siano le preoccupazioni della vita adulta (dell'*ole*), fa capricci e se percepisce tensione, si sfoga sputando cattiverie senza filtro.

Sabra e *vatikim* sono i “co-protagonisti umani” del difficile percorso di assimilazione dell'*ole*. Sono svariate tuttavia le difficoltà cui ques'ultimo è sottoposto: la sistemazione in un alloggio, l'adattamento ad un paese estraneo, la ricerca di un lavoro (che raramente ha attinenza con la propria professionalità). L'orientamento nella nuova realtà è visto attraverso il prisma dell'entusiasmo da questo *ole* che, infatti, si firma come “un ottimista”:

Ljubljua ja Cfat, Ejlat i Chajfu / I vse čto sprava, sleva, meždu. / Absorbicija – predvestnik kajfa./Misrad klita – ego odežda. / Mne nraivitsja Geula Koen,/Sud'boj spasennaja v Adasse / Ta, čto v politike – Betchoven, a v poselen'jach – Sten'ka Razin. [...] Ja slyšu golos našej voli / Skvoz' krjakan'e partijnych kličej / I mne nebezrazličien Ol'mert / I Perek mne nebezrazličien. / Mne v celom nraivitsja “Beseder?” / On, ja skazal by, epochalen; Ved' znali, ot č my edem, / A vot k čemu/Eščë ne znali. / Mne nraivitsja ljuboe mesto / V strane moej – a ich nemalo. / No kak segodnja s manifestom, / Kogda sidim bez kapitala?³⁰¹

(Io amo Tsfat, Eilat e Haifa / E tutto ciò che è in a destra, a sinistra e in mezzo. / L'assimilazione è il precursore del piacere / Misrad HaKlita il suo vestito. / Mi piace Geulah Cohen, / salvata dal destino all'Hadassah / Quella che in politica fu Beethoven / E nelle colonie Sten'ka Razin. [...] / Sento la voce del nostro volere / Attraverso il quaquereggiare delle grida partitiche / E non mi è indifferente Olmert, / e Peres non mi è indifferente. / Mi piace nel complesso “Beseder?” / È, direi, epocale: / dopotutto sapevamo da dove ce ne andavamo / ma verso chi, non lo sapevamo ancora. / Mi piace ogni luogo /

³⁰¹ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 22 (59), 05.06.92.

Nel mio paese – e ce ne sono molti. / Ma com'è oggi col manifesto, / se rimaniamo senza capitale?).

La poesia in rima – le cui musicalità e piacevolezza sono sfortunatamente perse nella traduzione – è indirizzata peculiarmente all'immigrato sovietico in Israele. Misrad HaKlita è il nome ebraico del Ministero dell'assimilazione degli immigrati: gli esiti non sempre eccelsi delle sue politiche sono bersaglio del sarcasmo dell'autore. Geulah Cohen è una politica e giornalista israeliana che fu militante nell'Irgun, formazione paramilitare e in Lehi, gruppo sionista, attivi nella Palestina del mandato. Ebbe una vita rocambolesca. Per il proprio attivismo (paragonabile a quello di Sten'ka Razin, leader cosacco che capeggiò la rivolta dei cosacchi del Don del 1670), fu imprigionata a Betlemme nel 1946 dalle autorità britanniche ed evase l'anno seguente: si allude verosimilmente a queste vicende citando la sua miracolosa salvezza, in quanto l'Hadassah è una tra le più celebri cliniche mediche di Gerusalemme. Negli anni '80 e '90 fu attiva in politica nel partito di destra Tehiya: fu aggressiva come Sten'ka Razin sulla questione delle colonie, ma non abbastanza da guadagnare un seggio alla Knesset nelle elezioni del '92. La quartina dedicata ai politici ribadisce il concetto della loro equivalenza. *Il Manifesto* ed *Il Capitale*, opere fondamentali della dottrina comunista, sono l'espedito per la battuta finale. Le allusioni a realtà o soggetti presenti in Israele negli anni '90 o facenti parte di un bagaglio di conoscenze comune a qualunque sovietico alfabetizzato rendono questo frammento un esempio di humour etnico. Allusioni a fenomeni sociali della Russia di quegli anni (ad esempio la popolarità del “santone” Allan Čumak, “Rasputin degli anni '90” che si attribuiva capacità taumaturgiche, bersaglio della derisione della vignetta sottostante insieme alle figure politiche di maggior spicco degli anni in nostro esame: Peres, Rabin, Sharon e Shamir, schiacciato nella boccia)³⁰², comprensibili solo ad un pubblico

³⁰² Čumak conduceva un programma televisivo mattutino: i suoi seguaci credevano che la sua immagine potesse purificare l'acqua anche attraverso lo schermo. Cfr. < <http://www.highbeam.com/doc/1P2-1210005.html> >, accesso del 22/05/2014. La vignetta rappresenta Čumak insieme alle figure politiche di maggior spicco degli anni in nostro esame: Peres, Rabin, Sharon e Shamir, schiacciato nella boccia di acqua benedetta ed è contenuta in “Beseder?”, Tom I, n° 24/25 (61/62), 26.06.92. “V sledujuščem nomere, esli budem živy, opublikuem fotografiju A. Čumaka so spiskom isceljaemych boleznej”. “Nel prossimo numero, se saremo vivi, pubblicheremo la fotografia di A. Čumak con una lista di tutte le malattie curabili”.

russo-israeliano degli anni Novanta, risvegliavano il piacere del riconoscimento identificato da Freud.

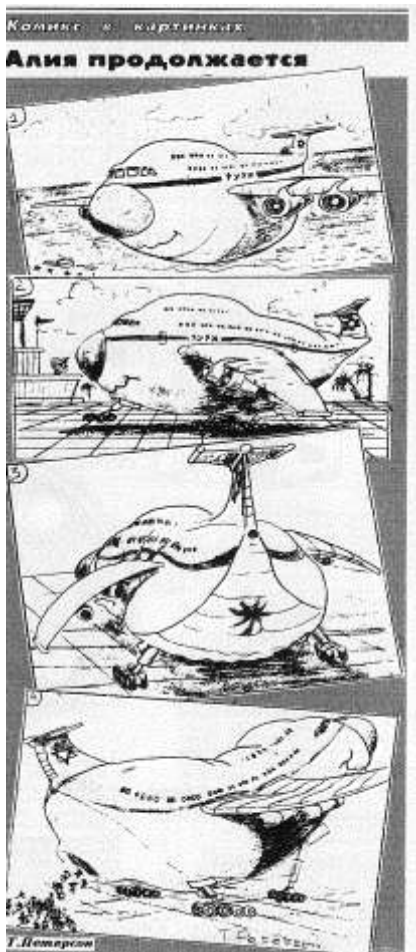
La già citata rubrica “A ciascuno secondo le sue possibilità” propone un indovinello: chi delle figure rappresentate nella pagina seguente è il *sabra*, chi il *vatik* e chi l’*ole hadash*? Nel riquadro di sinistra è raffigurato un soggetto spaesato che si gratta la nuca; in quello centrale un individuo si massaggia una natica, in quello di destra, infine, un uomo che si tiene significativamente gli attributi.

Nel paragrafo “*Gordost vatika*” [L’orgoglio del vatic] si chiariscono le idee agli incerti nella soluzione dell’indovinello: un “veterano”, mostrando Gerusalemme ed i boschi, rivendica il merito di aver costruito l’una e piantato gli altri. Il suo delirio d’onnipotenza giunge infine al parossismo: indicando il Mar Morto, afferma di averlo ucciso lui.³⁰³

L’immagine “*Aliya prodolžaetsja*” [L’alijah continua] rende la percezione avuta dagli *olim* al loro arrivo in Israele.

³⁰³ “Beseder?”, Tom I, n° 23 (60), 12.06.92.

A conferma della vignetta, le statistiche attestano che “il 30% degli ebrei espatriati dall’URSS vivono negli USA, il 10% in Germania, l’8% in Canada, i restanti, in povertà.”³⁰⁴

L’ebraico definisce la malattia come *pesantezza* dell’essere e la salute come *leggerezza*. Volendone derivare una formula, potremmo dire che “ridere è guarire” anche se, per mantenersi sani, non si può certo trasformare la vita in una grande farsa: vivere è difficile e vivere con humour lo è ancora di più.³⁰⁵

Creando una solidaristica sensazione di gruppo tra i *repatrianty*, “Beseder” è riuscito a stemperare le tensioni interne alla società, mediando tra generazioni e *background* culturali diversi.

³⁰⁴ “Beseder?”, Tom IV, 1993, n° 13 (102), 26.03.93. “30% evreev, vyechavšich iz SSSR, život v SŠA, 10% v Germanii, 8% v Kanade, ostal’nye – v bednosti.”

³⁰⁵ M. A. Ouaknin e D. Rotnemer, *Così giovane e già...*, p. 11.

“Beseder?” ed il rapporto con la religione

Come mai con tanti rabbini e filosofi, voi ebrei perdetevi tempo in cose così poco serie?³⁰⁶

L'ebreo è qualcuno che si interroga permanentemente sul senso dell'essere ebreo.³⁰⁷

Obiettivo di quest'ultimo paragrafo è fare luce, grazie all'ausilio di battute e vignette contenute in “Beseder?”, sul tema del rapporto degli *olim* russi degli anni '90 con la religione ebraica. Come abbiamo già illustrato nei capitoli precedenti, la questione di chi sia “compiutamente” ebreo per i dettami dell'*halakha*, cioè figlio di madre ebrea, fu una materia di importanza non secondaria per il sentimento d'integrazione dei *repatrianty* russi nella società israeliana. Per molti di loro la familiarizzazione con la religione ebraica rappresentò un percorso altrettanto enigmatico e periglioso che quello dell'apprendimento della lingua. “Beseder?”, anche in questo caso, corse in loro aiuto. L'umorismo, tramite immagini e motti di spirito pubblicati sulla rivista, assolse una funzione desacralizzante e sdrammatizzante, partendo “dal senso per approdare al nonsenso” ed essendo così “demolizione, esplosione e rimessa in questione del senso”³⁰⁸.

Molti ebrei russi trasferitisi in Israele potevano considerarsi tali in senso compiuto; tuttavia, una tra le *mitzvot* (i precetti) fondamentali per considerarsi a pieno titolo parte della comunità, la circoncisione, da praticarsi a tutti i maschi all'età di otto giorni, era stata subita da pochi.³⁰⁹ Diventa così argomento di satira.

La vignetta nella pagina seguente interpreta differenti modalità d'esercizio della pratica della circoncisione, il *berìth milà*, per diverse categorie professionali ed umane: i *gentlemen*, i *kibbutzniki*, i muratori, i militari e i terroristi. Il rito di passaggio è qui ridicolizzato.

³⁰⁶ M. A. Ouaknin e D. Rotnemer, *Così giovane e già...*, cit., p. 11.

³⁰⁷ Ivi, p. 33.

³⁰⁸ Ivi, p. 11.

³⁰⁹ E. Gugenheim, *L'ebraismo nella vita quotidiana*, Giuntina, Firenze, 2007, p. 147.

Per molti *olim* il compimento del processo di *aliyah* coincide con una conversione completa all'ebraismo attraverso la circoncisione, realizzata, con deroga ai dettami del precetto, in età adulta. Il rischio che si poteva correre non sottoponendosi al rito era di essere tacciati, come nell'immagine qui sotto, di essere dei gentili. Nella vignetta due salsicce incise esclamano con disappunto “goj!” (gentile) alla vista di una terza, priva di tagli, dall'aria imbarazzata e colpevole.

Uno spazio intitolato “*Est' vopros*” (“C'è una domanda”) pone quesiti di controversa interpretazione, che rabbini e filosofi sono incaricati di dirimere con un'attenta esegesi talmudica, spesso riguardanti le severissime norme della *kasherut*, la legge alimentare. “Si può mangiare la carne con i denti da latte?”³¹⁰ rilegge un chiave demenziale il divieto di mischiare carne e latte. “*Košerna li figa s maslom?*”³¹¹ gioca invece sul doppio senso dato dall'espressione idiomatica “*figa*

³¹⁰ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 13 (51), 03.04.92. “Možno li est' mjaso moločnymi zubami?”.

³¹¹ “Beseder?”, Tom II, 1992, n° 26 (63), 03.07.92.

s maslom” (significa “un bel niente, un accidente, nulla di nulla”) e l’accoppiata gastronomica fico e burro (in russo *fig* è l’albero di fico, *maslo* il burro). L’immediato effetto comico prodotto dalla domanda, se sia autorizzato mangiare il fico con il burro, pur se difficilmente traducibile, è evidente ed opera sul doppio livello della comprensione, possibile solo ad un pubblico “eletto”, delle leggi alimentari e delle espressioni idiomatiche russe. Nello stesso spazio vengono poste domande meramente insensate, come “Un ortodosso può sedersi in autobus accanto ad un uomo se sono entrambi omosessuali?”³¹², oppure “Quando un ebreo si segna in una moschea, si deve togliere la *kippah*?”³¹³. Il rito dell’accensione delle candele dello *shabbat* è occasione di parafrasi della celeberrima *Poslušajte!* [Ascoltate!] di Majakovskij, dove il poeta domandava: “se accendono le stelle, vuol dire che qualcuno ne ha bisogno?”. Zil’ber si interroga allo stesso modo: “se accendono le candele del sabato, vuol dire che qualcuno ne ha bisogno?”³¹⁴.

L’inoppugnabile sacralità della religione non viene quindi risparmiata dalla satira di “Beseder?”, che “rispetta i sentimenti dei lettori religiosi ma si riserva il diritto di ridere di ciò che le pare essere ridicolo”³¹⁵. La religione diviene nondimeno, con il passare degli anni e delle edizioni, bersaglio di una satira sempre meno caustica, forse anche a causa di percorsi di vita nel solco dell’ortodossia di importanti membri della redazione.³¹⁶

Ricorriamo nuovamente alle parole di Carlo Mario Cipolla nell’intento di tirare le somme circa le nostre impressioni sui contenuti di “Beseder?”:

L’umorismo è così intimamente legato alla scelta accurata e specifica dell’espressione verbale in cui viene prodotto che difficilmente si riesce a tradurlo da una lingua in un’altra. Il che anche significa che è così permeato dei caratteri della cultura in cui viene prodotto che riesce sovente del tutto incomprensibile quando travasato in un ambiente culturale diverso.

³¹² “Beseder?”, Tom II, 1992, n° 35 (72), 04.09.92. “Možet li haredi sidet’ v avtobuse rjadom s mužčinoj, esli oba – gomoseksualisty?”.

³¹³ “Beseder?”, Tom I, 1992, n° 24/25 (61/62), 26.06.92. “Kogda evrej krestitsja v mečeti, dolžen li on snimat’ kipu?”.

³¹⁴ “Beseder?”, Tom IV, 1993, n° 5 (94), 28.01.1993. La traduzione dei versi di Majakovskij è di Angelo Maria Ripellino.

³¹⁵ “Beseder?”, Tom II, 1992, n° 27 (64), 10.06.92. “Redakcija s uvaženiem odnositsja k čuvstvam religioznych čitatelej, odnako ostavljaet za soboj pravo smejat’ sja nad tem, čto kažetsja smešnym”.

³¹⁶ Cfr. Interviste a Galesnik e Zil’ber, Appendice.

Un'analisi attenta dei rimandi extra-testuali sottesi consente tuttavia l'apprezzamento della fitta rete di doppi sensi e *calembours*, patrimonio esclusivo della comunità russo-ebraica di Israele.

Verso una conclusione?

Possiamo affermare senza timore di essere esagerati che la nascita di “Beseder?” ed il biennio 1992-1994 furono un momento epocale per la comunità russofona israeliana. La memoria che di articoli e vignette di quegli anni serbano *repatrianty* in un *range* d’età compreso tra i trenta e i settant’anni ci ha rafforzato nella nostra convinzione. Senza voler sovradimensionare il ruolo di una rivista, concordiamo dunque appieno con Zilberg nel riconoscere la funzione di “Beseder?” come agente ri-socializzante per gli ebrei sovietici che hanno scelto la via dell’*aliyah*.

Giunti alla conclusione del nostro lavoro, riconosciamo che ancora molto resta da fare. Nella scelta dei macrotemi che abbiamo deciso di analizzare, abbiamo sacrificato un ambito tanto vasto quanto interessante: il rapporto degli immigrati russi con il mondo arabo. La complessa dinamica del conflitto israelo-palestinese, le implicazioni politico-strategiche delle posizioni “*hawkish*” della destra russo-israeliana - riflesso dell’atteggiamento imperialista connaturato, secondo l’opinione di molti, alla mentalità del cittadino russo - ed i riflessi di questo tema nella pubblicistica in lingua russa in Israele, o, nelle sue declinazioni satiriche, nel solo “Beseder?”, potrebbero costituire il tema di una nuova ricerca. Nella prospettiva di mantenere “una porta aperta” in tal senso, abbiamo sollevato quesiti inerenti a questo problema nel corso delle conversazioni con i giornalisti da noi intervistati: le impressioni raccolte potranno costituire uno spunto di riflessione da cui muovere un’analisi che, per la vastità del soggetto, potrebbe essere circoscritta ad una sola testata o ad anni di pubblicazione specifici nel confronto tra pubblicazioni diverse.

Nell’ambito dei fenomeni della letteratura e dell’arte russe contemporanee, il controverso post-modernismo russo³¹⁷ e la *soc-art* – con la loro decostruzione dell’ideologia sovietica - potrebbero essere comparati nei procedimenti di riduzione a simulacro di immagini, *slogan* e personaggi storici ai metodi di parodizzazione di “Beseder?”. Un’indagine a parte meriterebbe il solo ambito

³¹⁷ Per una definizione di post-modernismo russo cfr. D. Possamai, *Che cos’è il postmodernismo russo? Cinque percorsi interpretativi*, Il Poligrafo, Padova, 2000.

iconografico. Ugualmente potrebbe essere analizzata una rubrica fissa della rivista, che venne mantenuta viva, a guisa di Enciclopedia ebraica, durante tutta la vita della pubblicazione: *Kratkaja, naskol'ko eto vosmožno v dannom slučae, Evrejskaja enciclopedija* [Breve, per quanto questo possa essere possibile nel caso presente, enciclopedia ebraica]. Non è da dimenticare, valutando il solo biennio che abbiamo preso in considerazione, che per l'immigrato sovietico la ricerca di senso non si limitava alla sua nuova condizione in Israele. Era allo stesso modo necessario dare significato a quanto stava avvenendo nella CSI.

Le strade per future indagini sono dunque molteplici. Vogliamo tuttavia concentrarci ora sul destino di “Beseder?”. La rivista continuò ad essere pubblicata come inserto all'interno di giornali diversi: con “Naša strana” fino al 1993, poi con “24 časa” e “Vremja”, infine, dal 1996, con “Vesti”. L'ultimo numero, il 1013, uscì il 2 dicembre del 2010. La perdita di collaboratori significativi come Dima Zil'ber, Anatolij Livšic ed Oleg Švarcberg determinò una flessione nell'originalità dei contenuti della rivista, rendendo profetica la ragione d'abbandono di Livšic, che aveva percepito come i testi iniziassero ad essere ripetitivi. Si verificò quanto teorizzato dal rabbino Ouaknin:

Chi troppo ride, piangerà! L'umorismo che diventa abitudine, uccide l'umorismo e distrugge i suoi effetti. L'umorismo divenuto così sistematico, si trasforma: diventa un segno, un'etichetta come un'altra, un'immagine prefabbricata, uno stereotipo, e l'umorista deviato diventa una statua pietrificata.³¹⁸

La difficoltà nel mantenere una costanza creativa e l'esaurimento dei temi, problematiche congenite per ogni rivista satirica, segnarono il declino di “Beseder?”. È significativa la spiegazione del redattore, Mark Galesnik:

Ja napisal istoriju celogo pokolenija. Eto takoj konspekt celogo pokolenija, 20 let, ne tol'ko dlja Izrailja, dlja Rossii, dlja vsego mira oni očen' važye. Za 20 let proizošli sobytija, kotorye mir peremenil, prosto, drugoj mir. V 90-e gody ne bylo kom'pjuterov eščë, ne bylo Ben Ladena, mobil'nikov ne bylo, ne bylo vsego togo, čto našu žizn' sejščas sostavljaet, nu procentov na 80. Za 20 let ja napisal po suti dela celuju istoriju, nu v šutkach konečno, 100000 šutok, no

³¹⁸ Ouaknin, *Così giovane e già...*, cit, pp.12-13.

po suti eto bylo istorija celogo istoričeskogo kuska vremena, kotoryj zakončilsja. [...] Ja dumaju, čto missija končilas'. Naslednika tože net, ja pytalsja prodat' gazetu, ujti iz "Vestej" i prodat'. Potomu čto "Vesti" oni tože, každyj god vse men'se i men'se tratili deneg, i u nich vsë men'se i men'se čitatelej, ljudi uežžajut, umirajut, perechodjat na ivritskuju literaturu.

(Ho scritto la storia di una generazione. Vent'anni sono il riassunto di tutta una generazione, poiché sono stati vent'anni importanti non solo per Israele, per la Russia, ma per il mondo intero. In vent'anni si sono verificati eventi che hanno cambiato il mondo, [l'hanno reso] un altro mondo. Negli anni '90 non c'erano ancora i computer, non c'era Bin Laden, non c'erano i cellulari, non c'era tutto ciò che costituisce la nostra vita ora, beh, diciamo all'80 per cento. Per 20 anni ho scritto in sostanza tutta la storia, in scherzi ovviamente, 100000 scherzi, ma in ogni caso la storia di un'intera lunga porzione di tempo che si è conclusa. Penso che la missione sia finita. Non c'è un erede, [...] ho provato a vendere il giornale in un certo periodo, uscire da "Vesti" e vendere. Perché anche loro ogni anno avevano sempre meno denaro da spendere ed hanno sempre meno lettori, la gente si trasferisce, muore, passa alla letteratura ebraica.)

I destini di "Beseder?" ci portano ad una riflessione sul futuro della pubblicistica in lingua russa in Israele. È indubbio che l'assottigliarsi, per ragioni meramente anagrafiche, del pubblico dei lettori della carta stampata, porterà nel corso dei prossimi decenni alla sua scomparsa. È ragionevole tuttavia pensare che le testate *online* in lingua russa dedicate alla realtà israeliana sopravvivranno, resistendo alla predominanza della stampa in lingua ebraica grazie alla tendenza degli immigrati russi di diverse generazioni, incluse le più giovani, a conservare un legame con il proprio idioma e la propria cultura.

Per quel che riguarda "Beseder?", dopo vent'anni di "missione" ha chiuso i battenti nel dicembre del 2010 con il numero 1013. Fonti ufficiose tuttavia suggeriscono che il numero 1014 uscirà all'indirizzo web <beseder.ru> a fine giugno 2014.

Harry Golden, autore dell'antologia *The Golden book of Jewish humor*, afferma che "lo humour è stato così tanto parte della cultura ebraica che ogni tipo di attività è impossibile senza di

esso. Gli ebrei sono uniti dalla condivisione dello humour del loro passato. Più una questione è disperata, più humour è rivolto a descriverlo.”³¹⁹

È ben noto come lo humour yiddish abbia profondamente influenzato la letteratura ed il cinema degli Stati Uniti. Sarà interessante verificare nei prossimi anni se lo humour degli ebrei russi avrà un impatto significativo sul mondo israeliano.

³¹⁹ H. Golden, *The Golden Book...*, cit., p. 12. “Humor has been so much a part of the Jewish culture that any kind of activity at all is impossibile without it. The Jews are brought together by sharing humor of their past. The more desperate the problem the more humor is directed to describe it.”

Appendice

Интервью - Марк Галесник (10/05/2012)

Прозаик, сатирик, драматург, поэт, главный редактор юмористического издания «Бесэдер? Для тех, кому ещё смешно», выходившего в Израиле в 1991—2010 годах. Репатриповался в 1990 году. Окончил факультет драматургии Литературного института, долгое время жил в Ленинграде. Автор 15 пьес, в том числе пьесы «Одержимая» и ряда других произведений, поставленных в различных театрах России, Германии, Израиля; девяти книг: «Зря в корень» (Сборник фельетонов о политических реалиях Израиля 2006—2007 годов), «В Куще событий. Не дельный комментарий Торы», «Уголок редактора. Избранные стихи из одноимённой рубрики в сатирическом еженедельнике «Бесэдер?»», сатирического романа «Пророков 48» и др.³²⁰ Женат, имеет сына и дочь. Живет в Иерусалиме.

- Вы сказали что вы приехали в Рождество?

Mark: Да, я приехал в Рождество, а первый номер «Беседера?» вышел 22ого февраля, от газеты «Наша страна». Её закрыли, в 93ем году продали, поэтому шутили, газета «Наша страна» будут издаваться на арабском языке и называть «Не наша страна».

- А дальше вы работали с «Вестями». Всегда надо было иметь спонсора, чтобы существовать?

Mark: Не совсем спонсор. Вы видели же «Беседер», это четыре страницы. В России выходили газеты четырёх страниц, я в одной работал, «Вечерний Ленинград», было газета четырёх страниц. Четыре уже много. Цензура же была.

- А «Вечерний Ленинград», это тоже юмористическая газета?

Mark: «Вечерний Ленинград»? Нет, это было серьёзная газета, партийная такая. Я в ней вел сатиру, отдел сатиры. Фельетон в России был сатирический жанр. Во Франции фельетон это что-то забавное. Здесь это называется колумнист. Колонка значит, это что-то сатирическое.

- Поэтому Вы уже знали очень хорошо, как это делать?

Mark: Я уже знал, что буду делать здесь газету. Это может быть юмор, сатира. Я приехал, здесь был такой магнат, Берлускони израильский.

- Израильский Берлускони? Новый русский может быть?

³²⁰ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Галесник_Марк_Иозифович>, accesso del 15/04/2014.

Mark: Нет-нет, он был старый еврейский. И он выпускал газеты на других языках, не иврит: идиш, венгерский, польский, румынский, ну и русский тоже, это был один из важных языков. Я к нему пришел, сказал, давайте делать газету, я решил тогда, что это наглость просто.

- И как его зовут?

Mark: Шабтай Гимельфарб. Он умер уже, он старый был. Он говорит, да, конечно, нужна газета, ну сколько ты за это хочешь. Я сказал сколько. Он такой, это в год? А я говорю, нет, в час. Я просто спутал. На иврите шанат это год, а шарат – это час. В общем, я как мог, все известные мне слова на иврите путал, ну в общем, он согласился попробовать, ну а потом тираж вырос так, что он больше не заикался, лишь бы я больше не просил. В этом смысле, конечно, все было очень удачно, вот. Ну, я может преувеличиваю конечно.

- А почему если все было в порядке у вас, возникла идея записывать «Вести»?

Mark: Ну, сначала закрыли «Нашу страну», ее закрыли просто. Потом мы перешли в другую газету, которая тоже развалилась. Была газета «24 часа». Она всего раз в год выходила. Мы перешли еще в одну газету, которая выходила, несколько лет она выходила, мы выходили при ней. «Бесэдер?» был приложением к «Нашей стране» до 1993 г., потом год выходил с газетой «24 часа», потом был приложением к газете «Время», и только с 1996 года стал выходить в составе газеты «Вести». Первый номер я делал один, и второй почти весь - сам. А с 3-го присоединились Дима Зильбер, Анатолий Лившиц и Олег Шварцбург, карикатурист. Это был основной состав редакции до 1992 года. Резник пришел в конце 90-х. Последний номер «Бесэдера?» №1013 – вышел в газете 2 декабря 2010 г., а в интернете 13.01.2011 г. Это было приложение, самостоятельно она не выходила еженедельно. Она выходила там раз в месяц, дайджест. Лучшее, что было, это сборник дайджестов, которые выходили по одной брошюрке, а потом их все вместе собрал в рекламу. И еженедельно, раз в неделю, газета выходила при другой солидной газете. Там где приложения, и среди них 4 страницы.

- Всегда 4 страницы?

Mark: В конце стали уменьшать. Уменьшили бюджет, мы вышли на три страницы, на две, а последние два года на одной странице выходили. Но половина тиража, ну, по разным опросам, я опросы проводил... Ну вот та газета, которая была до «Вестей», я с ними поспорил и от них ушел, когда я ушел, у них тираж упал в два раза. В «Вестях» это было не 50%, но не больше трети. Было около трети людей, которые читали только из-за нас.³²¹ Там 200 страниц, но они читали его из за «Бесэдера». Ко мне однажды подошла одна женщина на встрече читателей, и говорит, знаете, я шесть дней в неделю плачу и один смеюсь. Действительно, есть люди, которые только из-за этого читали русскую прессу, которые очень любили, очень смеялись, которым надо было отвлекаться.

- А сейчас?

Mark: Я закончил писать, я больше не писал. В интернете... нет, за 10 лет 1000 номеров выпустили, уже нет. Книги я тоже пишу, свои тоже, ну вот есть такая антология, лучшее за 20 лет.

- Первый номер Вы были без команды. А как собирали команду?

Mark: Это стало настолько неожиданно, что мне начали писать письма. И я нашел двух своих самых талантливых авторов – Анатолий Лившиц и Дима Зильбер. Дима стал иудеем правоверным, помел имя, стал религиозным.

- Он стал? Или был?

Mark: Он стал. Он был такой ультралевый человек, революционер. А потом припал к религии.

- Говорят, это случается. Я видела замечательного актера Саша Демидова, он был на том же пути, он был ультралевый, а сейчас Хасид.

³²¹ См. свидетельство Виктора Лихта: "Этот «сатирический еженедельник на чисто русском языке» по-прежнему готовится в Израиле. Правда, мне не совсем понятно, почему в правом нижнем углу заглавной страницы нас уверяют, что оно издается с 1991 года в Иерусалиме. Мне всегда казалось, что я ежедневно езжу на работу в Тель-Авив, где и издаются "Вести" с приложенным к ним "Бесэдером" (или наоборот, как полагают некоторые)", < <http://berkovich-zametki.com/Nomer30/Licht1.htm> >, вход на сайт 17/05/2014.

Mark: Ну и Дима стал таким. Верным, в черном костюме, вот. Я нашел двух своим самых лучших-лучших, вот с ними как раз очень хорошо работал....

- Цель мой работы - узнать историю этой газеты и понимать какая у вас линия, как сказать, была ли у Вас сначала идея еврейского юмора? Классики, как Шолом Алейхем, например... почему Вы такой разный по сравнению с другими приложениями как «Абзац» и «Балаган»?

Mark: Аня, скажите, вы пишете докторат, диссертацию что ли пишете? Вы очень глубоко знаете историю журналистики израильской. Ну «Абзац», даже те, кто живут в Израиле не знают «Абзац».

- Я ничего не знаю об израильских газетах, потому что не знаю иврита, но была в Национальной библиотеке, там микрофильмы газет. Это казалось как два разных мира. Я помню много историй о национальной самоидентификации евреев здесь в вашей газете, а там просто шуты.

Mark: Смотрите, Аня, «Беседэр» - это не первая юмористическая газета, которую я издаю. Я в России тоже выпускал две юмористические газеты, там уже перестройка была, цензуры не было. Мне не очень хочется сравнивать, с «Абзацем», с «Балаганом», «Балаган» я честно говоря вообще не считаю изданием, потому что там не было идеи, ни идеи, так сказать, философской, но и художественной, формы не было. «Абзац» была интересная попытка, они пытались сделать нечто снобистское. Им в свое время это удавалось, там были очень хорошие тексты. Что делал я: с самого начала, «Беседэр» задумывался как пародия на серьезную газету. У нас не было слово «шутка», «юмор».

- Такой традиции не было в СССР?

Mark: Там и сейчас нет такого издания.

- Нет понятия юмор, пародия?

Mark: Нет, пародисты были, и очень хорошие, но сама газета как пародия. Что такое пародия? Вот берется, например, Илиада, и делается пародия. Так и здесь, то есть это не

пародия на чей-то стиль, или на чей-то жанр. Это все было глобально, где были разные рубрики, разные жанры, но это все была пародия на серьезную газету. Мы не писали “ха-ха” давайте смеяться.

- Это и сейчас? В «Вестях» или других газетах. Это чуть-чуть даже как английские шутки.

Mark: Ближе всего нам близок английский юмор, конечно, да. Есть вещи, они по определению смешные. Сейчас я расскажу поподробней что это. Но по форме это была в чистом виде пародия. Показать? Вот в таком виде три месяца я выпускал все страницы, вот то, что было собирал. Вот, например, заголовок, анонсы, все анонсы с иллюстрациями, вот картинки, передовая статья, новости “Ассошиэйтед стресс”. Вторая страница: уголок редактора, интервью, то есть вторая страница комментариев, первая новости, вторая комментариев. Раз в три месяца я собирал, все страницы собирал, и под общей обложкой выпускал. Вот обратите внимание на это. Я делю историю на три периода. Вот первые пять лет с 1991 года по 1996 год, мы смотрели немножко снизу вверх на Израиль, потом с 96-го года по 2003 на равных, а после 2003 сверху. Я объясню почему. Вот первые пять лет, все, кто с нами работал, одновременно с нами приехали, и все были в равном состоянии, в одинаковом примерно. Общение с действительностью, чужой, естественно оно шло по двум направлениям, во-первых смотрели на то, что похоже на ту нашу прошлую жизнь, а во-вторых что иначе. Вот эта карикатура как раз про это. Вот так в голове, а вот как ведут себя израильтяне. Вот эта попытка, какой там язык звучит, как там слова звучат, похожи, какие непохожи, какие смешно звучат для русского уха, как мы с вами смешно выглядим для израильтян, какие институты здесь похожи на российские, вот это все то, над чем мы смеялись первые пять лет. А потом почувствовали себя настоящими израильтянами, на другом языке, кто тут директор, сейчас мы ему расскажем, как надо работать.

- А Вы думаете, что юмор «Бесэдера», он связан с юмором Шолома Алейхема например, с еврейской традицией юмора?

Mark: Я не считаю это еврейским юмором. Мы-то это видим, чувствуем, это наша тема, это то, что происходит в Израиле, если мы были бы в Венеции, мы бы точно также были бы итальянские фамилии, и мы бы смеялись над чиновниками, которые не могут дамбу построить и прекратить наводнение. То есть материал был весь такой, материал был местный, еврейский, связан с ассимиляцией, ассорцией. Он просто не такой...

- И сейчас нельзя сказать, что это просто еврейский, русский или что-то другое.

Mark: Нельзя, я думаю, два источника есть у этого юмора: один из них это еврейская действительность, а второй – русская культура.

- И это причина гордости?

Mark: Ну конечно. Для меня даже двойная гордость, потому что я родился в тот же день, что Лев Толстой.

- Ну может быть и сейчас люди чувствуют, что они на Востоке, что здесь литература плохая, не знаю, в таких местах, как Гешер, все люди едут, потому что это русская культура, русская традиция.

Mark: Да, это снобизм. Оправданный, в большинстве случаев оправданный, в новом Израиле нет такой литературы, как в России. Но в Израиле есть Тора, и Евангелие. Есть еще Талмуд, есть еще три тысячи лет литературы.

- Ну может быть, русские не считают, что Бабель, Шолом Алайхем принадлежат к израильской литературе.

Mark: Ну, на мой взгляд, конечно, это еврейское мышление, еврейская литература, но в той же степени, которой Пикассо француз, или Аполинер вообще поляк. Конечно, у них было еврейское сознание, но спор о том, чего там у нас было больше или меньше.. Есть израильская культура, интересное кино, литература, театр не знаю... Я думаю, любой снобизм хромает, снобизм это снобизм. Извините, среди русских евреев есть столько быдла, это грубое слово, это не мат, грубое слово, это толпа, чернь, вот чернь по-русски быдло, такая неграмотная чернь.

- Вы очень часто смеетесь над религиозными людьми? Может быть, для Вас это было странно изначально, как для меня, я думаю?

Mark: Вы знаете, я вообще не люблю идеологию. Я не атеист, но я смеюсь не над религиозными людьми, а над тем, как люди торгуют идеями. Понимаете, когда религия становится инструментом политики, идеологии, выкачивания денег, для меня это тема, это смешно. Смеяться над человеком, который... у меня из трех сотрудников последние годы два были ультрарелигиозными, они до сих пор пользуются посудой одноразовой, если в гости придут, кошерная посуда, я сам очень уважаю все это, хотя сам не настолько религиозен. Те, над чем мы смеялись, это всегда была попытка использовать религию в корыстных целях.

- Но для русских религиозный вопрос был очень большой?

Mark: Не думаю.

- Потому что вы даже в газете говорите об этом. Когда я был в России, я был еврей, а сейчас в Израиле я русский, а другой человек говорит, когда я был в России я был русский, а сейчас я еврей.

Mark: Это пожалуй единственная причина настоящего конфликта. Вот те, кто ультрарелигиозные евреи, они присвоили себе право решать, кто еврей, а кто нет. Вот в этом была единственная причина конфликта. Они мне говорят: ты куришь в субботу, значит ты не еврей. Почему? И много-много другого. Если поглубже посмотреть, то все это направлено только на одну цель, что вот те деньги, которые выдаются, скажем, на какие-то нужды, они вот, я издатель, я выпустил очень много книг.

- Вы сам?

Mark: Да, штук двести книг. Не моих, других тоже. Я почти ничего не получал от государства. А вот религиозные издатели получали сотни тысяч, огромные деньги, миллионы, всегда. Для того, чтобы получать эти деньги, им нужно было убедить все правительство и все власти в том, что они евреи, они делают то, что надо, а я... У меня был

случай очень смешной. Я был на книжной выставке, ну, как издатель, в Кельне, в Кельнской синагоге. Ну и лежит там книжка на прилавке. В общем, подходит девочка, в синагоге, религиозная там вся, открывает книжку и говорит: «Некошерная..». Вообще-то, говорю я девочке, а девочке лет двенадцать, по канонам еврейским вообще нельзя животных изображать, это запрещено. Нет, говорит, кошерных животных можно, а некошерных нельзя. Это, говорит, нельзя в синагоге держать, так ядовито-ядовито. Дальше было совсем интересно: вдруг подошел папа этой девочки, раввин. Подошел, говорит, господин Галесник, как я рад вас видеть, я из Израиля приехал, русский, на русском языке говорит, я приехал из Израиля, здесь очень хорошо, единственного, чего мне здесь не хватает, это «Беседэра». И купил все книги, тут же купил. Я посмотрел на девочку... Вот, поэтому, что касается религии, не было прямого конфликта. Одна из тем – корыстное использование религии, корыстное использование власти. Вот то, что позавчера произошло.. В понедельник вечером Таниаба объявил досрочные выборы, все, кризис. А во вторник утром никаких выборов, он вступил в коалицию с оппозицией, пригласил Шауля Махаза вступить в коалицию, и сегодня самое большое в истории Израиля правительство, мощная коалиция, правая такая. Я про это написал месяц назад. У меня есть колонка в интернете, я написал месяц назад про это, что мол так оно и будет, он продаст. Ну и вот теперь он продался, наконец. Как тут уже пошутили по телевизору, по ценам конца сезона.

- Потому что говорят о таких вещах в газетах. Например, у нас в Италии, кажется, иногда, что существует цензура. И здесь тоже?

Mark: В Израиле? Конечно. Здесь есть два вида цензуры, даже три. Одна военная цензура, понятно, военная цензура должна быть в стране, которая воюет.

- Потому что это секреты, нельзя говорить об этом.

Mark: Конечно, конечно. Вот, скажем, когда у нас была какая-то военная операция, хисбала корректировала огонь по сообщениям прессы, вот по телевизору он слушает, вот, упала ракета туда-то. Вот, это одна. Вторая это цензура рекламодателя. Ты можешь все что угодно

про Берлускони писать, но про его концерн ты ничего не можешь писать, потому что ему и за рекламу платят. Это везде есть власть рекламодателя, она везде очень жесткая. И третья это самоцензура. Человек себя всегда ограничивает, он хочет что-то сказать, но не может это говорить, это будет некорректно. Или наоборот, он хочет сказать, что у него есть знакомый арабский интеллигент, но не пишет, потому что будут смеяться, что это за арабский интеллигент.

- И вы говорите тоже об этом? О Ваших отношениях с арабами?

Mark: Очень много, мы все время про это пишем, постоянно. Это она из главных тем, естественно, в Израиле. Поскольку у арабов точно такая же ситуация, как и у всех остальных, и есть там действительно люди, которые борются за независимость, а есть те, которые ни за что не борются. Был, например, замечательный случай, мы тоже про это писали. Хоронили шахида. Он погиб в бою с сирийскими оккупантами и его застрелили. Телевидение, снимают все это. И вдруг уронили его с носилок. Демонстрация, идут все, и вот уронили покойника. Он быстренько вскочил и обратно в носилки. И эту фотографию мы наблюдали со спутника. Три спутниковые фотографии: на одной его несут, на второй он упал, на третьей он вскочил и бежит за носилками. Или вот другой случай, несколько лет назад, вдруг очередное обострение из Газа, вдруг обстреливают Израиль. Все начинают писать, вот, вспышка террора, то, другое, третье, и вдруг я нахожу сообщение, что какой-то торговец семечками в Газе узнал, что должны привести в Газу целый контейнер с семечками, конкурент. Тогда он пошел к террористам, заплатил, чтобы они обстреляли Израиль, сектор Газа закрыли сразу и конкурент не приехал. Ну вы же понимаете, где война, а где семечки. Я же не мог такого упустить.

- А почему вы сейчас решили заниматься только литературой и ничем больше?

Mark: По нескольким причинам. Во-первых, я считаю, что я свою миссию закончил. Я написал историю целого поколения. Это такой конспект целого поколения, 20 лет, причем это 20 лет не только для Израиля, для России, для всего мира они очень важные. За 20 лет

произошли события, которые мир переменял, просто, другой мир. В 90-е годы не было компьютеров еще, не было Бен Ладена, мобильных не было, не было всего того, что нашу жизнь сейчас составляет, ну, процентов на 80. За 20 лет я написал по сути дела целую историю, ну в шутках конечно, 100000 шуток, но по сути это была история целого исторического куска времени, который закончился. Это одна из причин.

- Если был бы наследник, который мог бы продолжать эту миссию?

Mark: Я думаю, что миссия кончилась. Наследника тоже нет, я пытался продать, в какой-то период, я пытался продать газету, уйти из «Вестей» и продать. Потому что «Вести» они тоже, каждый год все меньше и меньше тратили денег, и у них все меньше и меньше читателей, люди уезжают, умирают, переходят на ивритскую литературу. Я с ними не воевал, но они мне говорили, мы уже не можем четыре страницы оплачивать, мы оплачиваем две страницы, одну.

- Цена за страницу?

Mark: Общий бюджет. Раз в месяц я получал оплату, которая позволяла мне платить зарплатой и себе, и двум сотрудникам, корректору, художнику. Все работало. Но потом у них это уже не окупалось. Это по-прежнему им приносило треть тиража, но тираж-то ведь маленький, тираж маленький-маленький. Поэтому, с одной стороны, кончились деньги, с другой стороны, миссия закончилась, и наследнику нечего наследовать, вот этот период закончился. С третьей стороны, наследника нет, мне неловко говорить самому про себя, но я не уверен, что кто-то, кроме меня, мог бы это сделать и может сейчас.

- И какое Вы думаете будет будущее русской прессы в Израиле вообще?

Mark: Умрет. Она никому не нужна. Вот через пять лет вряд ли что-то будет.

- Потому что даже люди, которые будут приезжать в будущем, они будут говорить, понимать и читать на иврите?

Mark: На иврите, и сейчас открыт доступ в интернете. Сейчас вся информация приходит из интернета. Какие проблемы? Это те, которые приехали 40 лет назад, у них была только

газета «Наша страна», ну может быть, по радио еще что-то слушали. А, последние годы, пожалуйста, вот мой сын больше читает в России, чем здесь, в диаспоре, в России. Я приехал в Калифорнию, меня пригласили на встречу с читателями, ну я думал, ну, сколько человек будет, ну 40 человек. Пришло 250 человек. Я знал про этот город.

- Они попробовали имитировать «Беседэр» в Америке? Я думала, они пытались делать что-то похожее.

Mark: Ну, они пробовали делать какие-то издания, только «Абзац» делали по-своему. Все остальные делали так же, как и мы примерно. Все это были пародии на обычные газетные жанры. Главный заголовок, анонсы, передовая статья редакционная, новости, и все было похоже на обычную газету. Везде, где это было...

- Но 250 – это гордость.

Mark: Конечно. Это люди, которые читали в интернете, которые в Израиле бывали, это те, которые читали газету. Для которых она была, 6 дней в неделю... Я думаю, что самым главным, это была, конечно, форма, форма газеты, пародия на газету, делать так, как делают серьезную газету, это позволяло всегда держаться. Мы не можем каждый раз придумывать над чем ха-ха-ха. А второе, это позиция, мы старались смотреть на все сверху. Не левое, не правое, один принцип – это должно быть смешно. Если это смешно, это может пойти в газету. Если это правильное, неправильное, левое, правое, это меня не интересовало никогда. Мы ни на чьей стороне никогда не стояли. Если евреи, значит евреи, если религиозные, значит религиозные.

Интервью - Марина Концевая (12/05/2012)

Журналист, редактор. Репатрировалась в Израиль в 1985 году. Работала редактором новостей на радио РЭКА, на 1-м канале израильского телевидения (программа "Калейдоскоп"), внештатным корреспондентом газеты "Вести", была первым директором Общинного дома в Иерусалиме, посланником по алии от Еврейского агентства в Санкт-Петербурге, редактором актуальной телепрограммы 2-го канала израильского ТВ "Политический роман" (по заказу 9-го канала). В настоящее время - ответственный редактор газеты "Эпоха" и корреспондент газеты "Наш Иерусалим". Замужем, двое сыновей. Живет в Иерусалиме.³²²

Marina: По фамилии я Концевая. Сейчас я работаю в газете «Эпоха» и пишу на сайте.

- Я сама не журналистка, я пишу исследовательскую работу. Мне интересна русско-израильская пресса, я хочу, чтобы Вы мне рассказали о «Бесэдере».

Marina: Ну, Марк Галесник он придумал там очень интересные персонажи, там был такой юмористической план. С одной стороны так забавно, спародировано, в юмористическом плане написано, так сказать, о наших горящих темах, обо всех. Я не знаю, рассказывали ли Вам, все оформление «Бесэдера?» с этими карикатурами сделал Михаил Альхов, который, к сожалению, погиб. Он разбился на мотоцикле, здесь, в Израиле. Очень талантливый был парень. Он и Арсен Даниэль, который сейчас, по-моему, в Москве... Вот, сначала они были вместе, потом Миша открыл студию дизайна. Он стал заниматься коммерцией. Он придумал много смешных карикатур, там у него была рубрика... У него были очень хорошие вещи, очень смешно. Но сам по себе «Бесэдер» был первым мировым, в начале. “Кама зман ата баарец”, “схема метро”... Но потом это все уже более или менее, вошло в привычку, так случиться с журналами, им надо держать всё время, их надо обновлять все время когда шутки в юмористическом журнале становятся постоянными, он себя исчерпал просто. Но Марк, Марк это все держал и всё что он делал просто невероятный. Он собирал команду, он всё делал.

- Он сам сказал, что он хотел закончить проект, потому что это эпоха русскоязычной прессы кончилась. Вы так тоже считаете?

Marina: Нет, нет, пока есть люди, которые читают на русском языке, сегодня интернет дает такую огромную работу, умеющий писать, не умеющий писать...

³²² <<http://9tv.co.il/authors/189.html>>, accesso del 07/05/2014

- Потому что это все просто потому, что будущая пресса будет в интернете. Но это не значит, что не будет русско-израильской прессы.

Marina: Более того, я могу Вам сказать. Я училась на специальности русского языка и литературы. Я начала с того, что давала уроки здесь семьям русскоязычным, которые хотели сохранить русский язык. И я приезжала, один ученик у меня был, помню, как сейчас, Марик Штерн, он мне позвонил на днях и сказал: «Марина, мы вот хотим собрать группу ребят, таких как мыб им уже по 30 лет, и мы хотим заниматься там, чтобы можно было общаться, разговаривать на русском языке». Здесь есть всё ровно огромная община русско-язычная.

- Какие были в 90х годов отношения с религиозными людьми или арабами - горячие темы?

Marina: Очень острые темы, надо сказать, что русское общество очень правое, это правда, я здесь 26 лет, и я тоже начинала с того, что, может быть, я была сильно правой, сейчас я ближе к церкви в своих взглядах... Более того, я поддерживала партия Кадима, которая расставался от партии Ликуда и Тципи Ливни. Тогда мне показалась очень интересной, очень сильной женщиной, и я думала, что если будет еще одна женщина в правительстве, то это, надо сказать, что ее падение, вот падение, произошло не из-за политических причин, а в израильском обществе очень сильны предубеждения. Она человек, в общем-то, гордый, и ей трудно идти на компромиссы. Она сталкивалась с предубеждениями восточного склада и характера, и воспитания, и культуры, в общем-то такой.

- Вы сказали, что существует какая-то восточная тенденция, а, когда Вы приехали, Вам оказалось по-другому?

Marina: Я по-другому воспринимала. Я приехала как бы с идеологией сионизма.

- Откуда?

Marina: Из Москвы. И я была там в кругах, я учила там иврит, потом там в Москве была создана интересная очень вещь: про нас даже написали в главу о молодежи, соответственно 25 лет назад, я была моложе, в главу о молодежи, которая соответственно, которая начала играть в квартире спектакли, которая была, кстати, чистая сатира. То есть сюжет, это всегда перенос событий каких-то... В общине еврейской, это игра... Понятно, что советские власти нас очень не любили, преследовали, и спектакли шли в квартирах... Тема была одна: как

уехать из Советского Союза, получить разрешение, и все это в таких, были же очень смешные истории. Например, там был спектакль, внутри истории, где сюжет примерно тот же самый, царь, власти, которые там... и так далее. И вот история, когда евреи собираются, 13, начинается питье, евреи хотят уехать, спастись... Это сцена из нашей жизни. Человек приходит, там офицер персидской армии, и просит у него разрешение, и в это время в квартиру, в которой мы играем, входит милиция. И мы-то знаем, что это не по спектаклю, а публика решили, что это все правильно, что это люди в форме, вот так и надо. И все смеются весело, такие сцены у нас были в Москве, очень хорошо понимали, что такое юмор. Обратите внимания, для меня юмор, это все-таки разное, и сейчас, все эти российские Комеди Клуб, это всегда было не очень связано с политикой, то есть главной темой, над которой, то есть то, что было запрещено в Советском Союзе, когда появилась возможность, делать это открыто, это приобрело огромную популярность. Сейчас становится немножко реже. И это влияет... в России другие темы сейчас. Сейчас в России опять поднялись протестные акции против Путина и так далее, потому что с одной стороны это ужасно, что нет демократии, издеваются просто над публикой, нет свободного выбора, Путин полностью, так сказать, подмял под себя, вот, но тем не менее, на эту тему очень много шуток, сейчас выставлено карикатур, со всеми известными личностями российскими, Путин и Медведев, и эти карикатуры были сняты, это говорит о многом, это начинается то, что по-русски называется «закручивание гаек», не слышали? Гайки – это шурупы такие, то есть начинается усиление такое. А в Израиле по другому, можно смеяться надо всем.

- И над религиозными?

Marina: И над религиозными, и над арабами, и над евреями, и над русскими евреями, которые иногда выглядят очень смешно. Все может быть смешно. Вот мы с моим приятелем, израильтянином, я когда-то делала журнал, журнал для переселенцев, и они сделали страничку на русском языке, 90-й год, большая алия и этот журнал назывался «Ожилиод», это был детский журнал, ее выпускала... я забыла фамилию. Меня пригласили сделать две странички на русском языке, которые я назвала «Мозаика». «Мозаика», то есть все вместе, там был кусочек об истории Израиля, урок иврита, и был комикс. Комикс рисовал Ириунг и был про собачку, который вот приехал в Израиль, ну, и значит пытается здесь устроиться. 4 картинки, я придумывала текст, и он это рисовал.

- Вы много занимались юмором?

Marina: Я знаю здесь одного юмориста очень хорошего, который живет здесь, и он ортодокс, в прошлом он был, он играл в КВН, зовут его Рюбен Пятигорский, он раввин, и он писал фельетоны здесь одно время, в израильские газеты. Фельетон – это жанр более такой, сатирический, в нем больше сатиры, и сейчас он пишет в одном журнале под именем Павел Зак. У него есть такие вот заметки, но он, по-моему, в «Бесэдере» не работал.

- А Вы думаете русско-еврейские юмористы думают о традиции еврейского юмора?

Marina: Вообще традиция еврейского юмора – это то, что евреи не боялись смеяться над собой, то, что больше всего привлекает, то, что вызывает уважение. Но была такая замечательная публицист, она и писатель, и автор очень многих книг, я бы сказала, одна из самых важных интеллектуалов русской алии, приехавшей сюда в 70-е годы, Мая Каганская. Она приехала из Киева, ее книги переведены на иврит. Она литературовед, писатель, и некоторые ее книги изучают студенты, она известна в Израиле. Она умерла буквально год тому назад. И именно от нее я слышала такую фразу: «Я не люблю Шолом Алейхема. Он сделал евреев именно такими, какими их хотят видеть антисемиты». Так что тут можно сказать о эквивалентном таком восприятии юмора, тогда меня тоже это немножко резало... но очень часто анекдоты про евреев звучат как анекдоты антисемитов.

- А некоторые люди просто не хотят согласиться с этой традицией. Например, Марк Галесник, он говорил, что еврейская традиция юмора не влияла на «Бесэдер», а источник - отношение русской культуры с еврейской реальностью.

Marina: Я больше скажу: есть, безусловно, еврейский юмор, так же как есть русский юмор, английский юмор, и так далее. [...] То, что делал Марк, это связано с русской культурой, русской культурой масс... ну, еврейская есть какая-то генетическая память, безусловно.

- А Вы думаете что из-за факта что Вы были русские евреи было проблема для Вас привыкать к ситуаций в Израиле? Много русских считают - это Восток.

Marina: Сказать что здесь безкультурные люди конечно нельзя, но... мы, русские люди, абсолютно не образованы в плане истории религии, здесь это очень важно... Для нас это было закрытая книга, мы этого не знали. С другой стороны, мировая культура в России гораздо более широка, у нас было больше возможности, у нас есть, в Англии, наверное, есть, во Франции, думаю, нет, круг переводчиков, переводчиков, которые делали иногда книги

лучше, чем они были в оригинале. Для нас открылся в чтении огромный мир, мы узнали французскую, английскую литературу...

- А это была для вас причина гордости, когда Вы приехали?

Marina: Ну, конечно, это интересно, причем, это мировая культура. И не всегда они предстают национальными героями, потому что они понятны становятся всему человечеству. То, что они продолжают быть необыкновенно популярными во всем мире, они читают в оригинале. Это не то, что гордость, это просто то, что есть.... Писатели 60-х годов, прекрасные писатели, замечательные... Ну как бы, если мы сравниваем с тем, что мы знаем, это уровень хороший, интересный.

- А Вы не чувствовали плохое отношение израильтян?

Marina: Израильтян по отношению к нам? Ну, зависит, от того, кто с кем общается. У меня полно друзей, с кем я свободно говорю, могу разговаривать и общаться, с людьми, которые не знают иврита, например, по-английски мне трудно говорить. Есть много людей, которые говорят по-русски, как Вы. То, что Вы меня позвали, мне было интересно, потому что мы с мужем решили писать историю русско-еврейской журналистики, из-за того, что он источник русской журналистики здесь, он работал в газете «Время», «Вести» и так далее. Более того, он работал в газете «Наша страна», а потом появилась газета «Спутник». Мы были на встрече и он начал рассказать об этом, поэтому мы решили писать историю русско-еврейскую прессу. Был такой человек по фамилии Сидоров, с рыжими волосами, ну в общем это было как бизнес, какие-то румынские евреи решили восстановить телевизионные антенны, чтобы можно было начать смотреть российские каналы. Это было в 80-е годы, середина 80-х. Потом они поняли, что так просто они не смогут продать это, нужно попасть в программу передач. Стали выпускать листочек с программой передач. Но потом и этого стало мало, и так появилась газета, которая называется газета «Спутник» и он начал работать там главным редактором этой газеты. После чего, из этой газеты появился вот этот проект, газета «Время», который сделал Максвелл, это был его проект, потом параллельно с газетой «Европеец», которая тоже по-моему перестался... Газета «Время», они 9 месяцев выпускали газету, были приглашены журналисты «Джерузалем Пост», чтобы они обучали русских, как работать журналистами, как делать в свободной журналистике задания и так далее. Газета «Время» была при газете «Маарив». Надо сказать, что весь состав газеты «Время», которая потом перешла и стала газетой «Вести»... там больше половины людей не имели

образования в журналистике, но были грамотные, интересные люди, были интеллектуалы. Например Носик: писатель, ведущий, переводчик... Последний проект был здесь на телевидении «Вес», у них есть программа «Радуга» на русском языке, там был цикл культурных передач о Израиле, который назывался «Парк Культуры»: прекрасная была передача. Закончился этот проект, он ехал в Россию. Антон Носик, известная фамилия, один из самых известных блоггеров в России, это все газета «Время - Вести», они все вышли из этой газеты. В каком-то году в 2000-х, человек года в России в интернете. Его статьи о том, что нельзя брать Вест Бэнк из-за экономических причин... знаете, что это такое? Он дал экономический анализ...но в результате журналистского успеха... ну, многие люди отказались...

- Все благодаря статьям?

Marina: Все благодаря статьям. В принципе, идея была такая, что в течение года они учатся, а потом война в Персидском заливе, и они начали выходить, сначала было только несколько страниц на русском языке в газете «Маарив», потом стала выходить газета «Время», и все будет хорошо, объединение Иерусалима... но уже начинаются проблемы. Кузнецов, большой артист, он был главным редактором, и он сказал, что мы русские должны быть оплачены как все другие, и вся команда, вся команда «Вестей» уволился: это было первое, по-моему, надо проверить, увольнение коллективное, трудовой конфликт...

- Какая была причина увольнения?

Marina: Неуважение к условию! Он предложил оперные статьи и они им платили меньше: это ужасная была история. И тут начинается невероятное, потому что газета «Вести» идёт из газеты «Идиот Аронот», вообще с точки зрения авторства, тиража газеты, газета продавалась, тираж был выше, чем израильская газета, очень популярная.

- И сейчас какая публика есть?

Marina: Сейчас газета «Вести» это такая газета что все в Израиле её знают. Раньше там была блестящая команда, там были авторы, там были рубрики, там были горячие темы, аналитика, она была очень популярная: её влияние – она была очень правая - на публику было уже чересчур. Потом они заставили Кузнецову уйти и все следили за него. Газета умерла в 2000 году, то, что сегодня выходит, просто одно название. Там ни одного автора нет. Раньше люди ходили покупать газету, чтобы прочитать статью Носика, посмотреть, что написано, какие

новости. Там остался один в газете Дов Конторер, вот он остался в газете, продолжает писать. И его рубрика называется «Ultima Thule», вот, он, это единственная политическая тема, которая там вот, единственный журналист, который на сегодня остался, это он. Ну, там бывают, какие-то интересные, пустяшные статьи, но это уже совсем не та газета, которая была в 90-е годы, причем ее стали читать люди, которые уже давно перешли и на иврит, и на английский, они читали «Вести», потому что это было интересное издание. И вот в эти годы появляется «Бесэдер». Во всех отношениях это была очень интересная газета.

- Какое ваше мнение об отношениях с арабами?

Marina: Это очень разные миры. Есть два решения: либо постоянный конфликт, либо попытка переговоров. Значит, когда переговоры, начинается разговор: с кем? Тем более, когда сейчас есть Абу Мазен и Хамас: две силы внутри. С другой стороны попытка соединения, они пытаются договориться, если они договорятся, то будет целый блок. С другой стороны, еще одна тема, которая, мне кажется, совершенно себя не оправдывает, территория. Если Вы изучаете юмор, то есть известный анекдот, когда солдат в армии, и ему командир говорит: будешь копать отсюда и до обеда. То есть, какая связь: что значит отсюда и до обеда, время и пространство. То же самое, территория в обмен на мир, все равно, что отсюда и до обеда, я не понимаю, какая связь. И это, кстати, я выражаю мнение русской публики, с другой стороны, я, пожив здесь, в русскоязычной среде, всегда понимаем, что молодежь отсюда уезжает, потому что нету здесь возможности для работ творческих. Потому что молодежь ещё такая творческая... в окружение очень вражеском. [Марина говорит о своей семье.]

- Как вести себя с палестинцами?

Marina: До какого-то определенного момента было все очень хорошо. Потом они мне говорят, а мы считаем, что ты не имеешь право здесь быть, ты не знаешь иврит, не очень хорошо знаешь иврит, не очень хорошо знаешь еврейскую культуру, приехала из Москвы и нам говоришь, вот, Израиль – это моя страна. Ну, это же не твоя страна. У вас нету права на эти земли.

- А как Вы ответили?

Marina: И вот самое ужасно, на мой взгляд, сегодня палестинцы взяли полностью, огромную территорию, и требуют от нас освобождения. Правильно это, да, надо бы... они имеют права

на свою землю, на свою страну, на свою экономику, на свою культуру и так далее. Хотя такого народа нету, есть арабы, колоссальная культура, арабы, которые придумали алгебру...

- Но они не хотят...

Marina: Но они не хотят Израиль, с одной стороны.

- Они не хотят палестинцев в арабских странах.

Marina: Не хотят, поэтому они несчастны.

- Может быть, если бы они воспринимали как друзей палестинцев в арабских странах, может быть палестинский вопрос не стоял бы?

Marina: Не стоял, да. Нет, они вызывают сочувствие эти люди... там есть страшная коррупция, это известно, и они этим пользуются, это люди, которые привязывают к себе пояс смертника. Это ужас, полная потеря ценностей человеческих. Если бы там можно было наладить экономическую обстановку, и Америка там дает деньги, как раз, чтобы поднять там экономику, они расплываются в этих кругах олигархов...

- Просто в карманах.

Marina: Просто в карманах этих богачей, и это одна из проблем очень тяжелых. И вот люди, полностью потерявшие надежду на что-либо, становятся террористами. Они не образованы, у них нет образования, и так далее. Полностью отчаявшиеся люди, обнищавшие, это ужасно. Поэтому здесь, когда такого нет, если человеку предложили миллион, миллиард, он же не пойдет себя взрывать. Такого не может быть просто, это ужасно. Хорошо было бы, если можно было бы как-то, на какие-то условия договариваться, давайте уже дадим им это государство, а пока этого государства нет, с этого можно получать деньги.

- Я вспомню, что израильские политики считали, что Арафат говорил о мире на английском языке и о борьбе с евреями на арабском языке... Вы думаете, что-то изменилось, жить стало лучше здесь после строения стены?

Marina: Ой, не знаю. Ну, в какой-то момент все-таки да...

- Много людей чувствуют себя защищенными.

Marina: Да, но в принципе, это не евреи придумали, не израильтяне, это было во многих странах, чтобы защититься, да. Я честно к политике не могу относиться однозначно, я плохо понимаю, что может быть... сейчас раздувают тему с Ираном. С другой стороны, у меня впечатление, что то, что было в Ираке, была ошибка по большому счету. И как бы не было такой же ошибки с Ираном, не дай Бог. И война – это ужасно, и надо делать всё, чтобы не было войны. И в этом смысле Израиль прав. С другой стороны, я думаю, Израиль будет виноват не меньше в том, что к нему невозможно не ответить. Но это все политика, политика – это вообще такое грязное дело. Всегда есть заинтересованность в том, из-за чего можно получать деньги. И так будет всегда, потому что деньги правят всеми этими делами. Если бы нашелся какой-нибудь волшебник, который бросил бы бомбу и закрыл бы всем рты, то, наверное, а так отношение к Израилю враждебное, постоянно необходимо защищаться... Ненависть, которая воспитывается там и которая воспитывается здесь. И то и другое имеет причины, это ужасно. Народ стареет израильский, продолжительность жизни, долгая, снижается рождаемость.

- Благодаря религиозными людьми. А палестинцы тоже.

Marina: И палестинцы тоже, очень религиозны, но увеличивают рождаемость. То есть мы превращаемся в ортодоксальную страну, это ужасно. Сейчас картина не очень хорошая, а посмеяться над этим очень классно.

- А Вы никогда не думали о возвращении в Россию?

Marina: Три года я была в России, я была в Санкт-Петербурге, честно говоря, я была в 2002-2005 г. Дети учили в франко-американской школе, проводили прекрасно время... это только сейчас, когда мы старше на 20 лет, они говорят, вспоминают, тогда, они забрали у нас лучшие годы жизни. А сейчас они хотят куда-то поехать еще раз. Но я, когда там три года была, писала об Израиле. Мне казалось, что все очень интересно, вот те детали жизни, от которых я уехала, они остались. И то, что там сейчас происходит... Россия – это такая страна...

- Страна возможностей.

Marina: Не страна возможностей... Хотя там всегда есть возможности, при любом правительстве, но меньше все равно, она не стала свободной страной, так и не стала. Там

настолько сильны эти тоталитарные привычки и, кстати говоря, народ, которому нужен все время какой-то царь. Такой народ, такой характер у народа

- Но вы чувствовали дискриминацию?

Marina: Да-да, я знала, что я еврейка, что меня остановят, что я не попаду в университет, например, я не смогу найти работу очень престижную и так далее. А с другой стороны, мне стало интересно: откуда я, что я. И я стала учить язык, и еще на меня повлиял мой папа, который мечтал уехать, в 70-м году начали уезжать, уехали его друзья, а через три месяца у него инфаркт. И я это помню, мне было 13 лет, и я решила, что правильно будет уехать. Он меня пытался учить ивриту, если ты знаешь, был театр Михоелса, вот мой папа был там студентом студии при театре, и в 48-м году, когда убили Михоелса, он потерял все. Папа бежал во время войны из Польши... то есть для меня это было как-то естественно, что мы должны были уехать. Плюс дискриминация, плюс евреи должны были иметь свое место. [...Марина говорит о своей семье]

- А сначала было трудно, может быть, из-за квартиры, может быть из-за языка?

Marina: Я приехала как репатриант сама, мне выделили общежитие и очень быстро нашла работу. Сейчас оно закрылось, раньше это было издательство, которое издавало на русском языке религиозные книги, был и журнал, назывался «Шамир» - это аббревиатура, ивритские слова, которые означают «общество выходцев из бывшего Советского Союза», которое занималось интеллигенцией и прочее. И они издавали книги, и был журнал, кстати, очень хороший журнал, назывался «Возрождение», вот, и я там работала, как редактор, как корректор, я даже переводить начала, хотя я только приехала, и начала заниматься переводами, нахально, и благодаря этому язык стал лучше.

- А где Вы учили иврит в Москве?

Marina: В Москве у меня было несколько учителей. Это все было подпольно. Один из моих учителей живет, кстати, в Москве, Марк Грачевский, очень хороший педагог, блестящий переводчик, перевел на иврит несколько российских современных авторов. Был еще Михаил Нудлер, он здесь живет. А насчет юмора, есть такой человек, его зовут Марк Зайчик.

- Зайчик?

Marina: Да-да, это такая фамилия. На самом деле еврейская фамилия, означает... Это какое-то очень древнее выражение, это что-то такое акроним, память о ватике, это не просто, хотя звучит по-русски, вот. Но при этом Зайчик, такой огромный, он весит 200 кг., он совершенно замечательный. У него была рубрика, и он работает сейчас тоже, он писатель. Не сказать, что он сатирик, но рубрика у него была, которая называлась «Шутки в сторону», это были такие короткие новеллы, скажем так. Тоже на тему политики, очень близко к сатирической, юмористической новелле. [...]

Интервью - Анатолий Лившиц (17/05/2012)

Журналист, юморист. Репатрировалась в Израиль в 1990 году. Работал радио-журналистом "Седьмого канала", и на 9-м канале израильского телевидения. Анатолий Лившиц, участвовавший в работе «Бесэдер?» с февраля 1991 года, написал воспоминания о трудной судьбе этого издания и его читателей. Живет в Иерусалиме.³²³

- А вы сказали, что Вы репатриировались в?

Anatolij: 90-м... и начинал работать, ну, в где-то в 91-м, потому что, когда я увидел какой-то второй или третий номер, второй наверное, этого Беседера, который Марк делал еще десятой командой, на тех материалах, которые он сам привез из России, на запасах

- У вас было образование именно на?

Anatolij: Я инженер, поэтому специального образования у меня нет, поэтому никаких терминов, если какими-то приемами мы пользуемся, Галесник знает, я не знаю какими приемами и какими терминами это называется то, что мы используем, я не знаю как это называется, так что это чисто интуитивно как бью.

- Вы учились в России, именно где?

Anatolij: В Ленинграде. Я жил в Ленинграде, учился в Ленинграде.

- А как вы встретились с Галесником?

Anatolij: Я говорю, я увидел номер газеты, которую он выпустил, и моя жена тогдашняя, значит, она позвонила Галеснику и сказала, что у нее муж, мол, может писать стишки. Марк мне дал заказ, я его выполнил, ну и как бы с тех пор пошлою.

- И с тех пор Вы работали с ним?

Anatolij: Да, но не до конца, я ушел где-то в 94-м наверное году, а Марик продержался, еще держал газету еще долго. Я ушел, потому что мне казалось, что мы исписались.

- Работа кончилась, Вы имели в виду?

³²³ <<http://cursorinfo.co.il/news/analyze/2004/03/29/beseder/>>, accesso del 30/04/2014.

Anatolij: Мы стали повторяться. Мы перестали делать хорошо. Мне казалось, что мы держали достаточно высокую планку, и я Марку сказал, давай уйдем красиво, давай умрем красиво, закроемся как бы.

- Это было в 94-м году?

Anatolij: Я думаю где-то в 94-м. Потом я ему что-то писал, давал, но это бы как бы сказать, только те вещи, которые я сам как-то для себя и так далее. Мне, по крайней мере, было очень трудно, потом я видел, что мы повторяемся...Я сказал Вам причину, по которой это происходит, потому что надо искать все время новые темы, новые игры нужно искать, причем это не то что, набивать газету разовую, на сегодня на завтра, да? Например, недельный комментарий-тур это игра на год, да? То есть я знал, мы знали, что каждую неделю у нас есть такая рубрика, и таких рубрик должно было быть много. Но игру каждый раз придумывать трудно, поэтому мы стали повторяться. У нас были пародии на пьесы, то есть вся газета была как бы пародией на настоящую газету, а поскольку в Израиле даже политические события повторяются очень часто, каждый раз придумывать новую, даже нормальным журналистам это не удастся, понимаете? Мы умеем это делать, можно сочинить шутку, но она будет перепевом той шутки, которая уже была, и так далее. Я говорю это еще потому, что язык официальный очень ограниченный.

- А Вы читали еще газету, даже когда уже не были ее сотрудником?

Anatolij: Да, смотрел, как бы, и я ни разу не пожалел... если Вы это увидели, то, я думаю, читатели русскоязычные увидели это еще раньше. Ну, понимаете, дальше репутация начинает на тебя работать. Люди покупают газету, у них есть уже кредит доверия, да, и соответственно человек говорит, ну они старались, то есть какие-то люди, которые ее уже знают, не чужие, а нечужим прощается.

- А что Вы делали дальше?

Anatolij: Я на стройке работал. Да и в разных местах. Я ушел на стройку, ну просто, я ушел в никуда, у меня не было места работы. Я работал на стройке, ну, во многих местах я работал.

- А какое Вы думаете было отношение русскоязычной прессы в эти годы с арабами?

Anatolij: Ну, это как раз было очень просто. Патриотизм, он как бы предусматривает так сказать соответствующее отношение к арабам, я говорю про формулы, которые непонятно

что означают, в том числе и как бы никто не может объяснить, что такое еврейское демократическое государство, ну никто, понимаете? Потому что это не государство всех граждан, при этом это государство, где у всех равные права, так не бывает. Еврейское демократическое государство для меня это нонсенс совершеннейший понимаете? Потому что сюда входит противоречие: демократия означает, что арабам даются те же права, что и евреям, а еврейское означает, что еврейское означают какую-то особую роль в этом государстве, это явное противоречие, поэтому эту формулу, как заклинание, повторяют все, только одни скороговоркой говорят еврейской демократическое, а другие значит еврейское И демократическое. И весь вопрос в том, те кто говорит, что это *еврейское* демократическое государство, допускает демократии ровно столько, чтобы она не мешала быть еврейским, если придется выбирать, то демократия уже нет. Между тем, что задумано в этой формуле, это совершенно разные понятия, ну типа это спорить мяч скорее красный, чем круглый, понимаете? Он и то и другое, там нам говорят, что может спокойно уживаться, красный и круглый мяч, запросто, но это же неправда, это вранье. Люди привыкли это как бы повторять, и объяснять это людям, ну когда ты им начинает в шуточной форме это объяснять...

- А какое Вы думаете было в курсе газеты отношение к религиозным людям?

Anatolij: Оно плохое. Обычно плохое. Стереотипы есть, они нахлебники и так далее. У меня другое совершенно к ним отношение, там все гораздо сложнее. Поэтому.. Шутить на тему религии можно, только в очень узком диапазоне, потому что все непросто, все непросто, там все сложно, и не совсем так, как рассказывают, да? Я-то вообще считаю на самом деле, что это государство должно быть абсолютно нормальным религиозным, это должен быть заповедник.

- Объясните, пожалуйста.

Anatolij: Ну, вот здесь будут жить религиозные евреи, у них будут свои обычаи, весь мир будет давать им деньги, ну вот как антилопы, носороги где-нибудь в Нигерии, правда? И замечательно будет, люди будут сюда приезжать, Иерусалим будет тем Иерусалимом, которые так далее и так далее, понимаете?

- Но не надо, чтобы они руководили всей страной?

Anatolij: Это другая страна, другая. Я абсолютно уверен, что эта страна, в том виде, в котором она существует сейчас, она существовать не может, время работает против Израиля, и это очень легко увидеть. То, на что Израиль соглашается сегодня, он никогда в жизни не согласился бы десять лет назад. 20 лет назад разговора про Палестинское государство вообще не стояло, понимаете, время изменило ситуацию, Израиль выпихивают в ряды обычных стран, очень трудно быть особой страной в современном мире. СССР был особой страной, особая страна всегда имеет свою идеологию, ее особенность, что нужно ограждать себя барьером, на котором что-нибудь написано, какие-нибудь лозунги.

- Надо войти в привычку, чтобы существовать, не быть больше особенной.

Anatolij: Мне кажется да, потому что получается, что Израиль не может больше существовать в одиночку, потому что экономика - это святое, и жить по принципу я тебя стригу, а ты мне шьешь ботинки, ну так можно, такая экономика может существовать, но так не получается, она слишком большая. Значит, надо торговать. Торговать значит необходимо вступать в контакт, надо жить вместе со всеми. Жить вместе со всеми – надо жить по их правилам, ну потому что, либо ты навязываешь им свои правила, что могут делать США.

- Но вы думаете, что это направление этого государства сейчас?

Anatolij: Да, я думаю, что это направление. Деваться некуда, деваться некуда. Израиль все больше и больше становится обычным государством, он очень не хочет, потому что быть особенным очень выгодно, Израиль очень много получил, и политического кредита, и материально, за счет того, что был особенным, отказываться от этого очень тяжело.

- А люди, которые против этого, многие, может быть?

Anatolij: Да. Говорят же, что политика Израиля решается не здесь, а в Вашингтоне, поэтому они могут и не хотеть, но кто думал, что можно будет эвакуировать поселения, кто думал, что можно что-то там сносить и так далее, никому ж и в голову не приходило. Пришел такой человек, как Шарон, от которого, в общем-то, никто от него такого не ожидал. Я в свое время, когда делал на телевидении программу, то вот как раз, вот, с точки зрения юмора, пришел Шарон, перед выборами он сказал, что он там будет стремиться к миру и все такое прочее, но мы-то думали, что он говорит это, чтобы обмануть, а он обманул и не обманул, понимаете? Ну, ведь это значит только одно, и ведь, это значит только то, что народ-то готов, что ему надоели разговоры. Он не может, не готов вести эти разговоры на уровне, вот

давайте отдадим, он иначе воспримет. Но в голове-то он понимает, что все эти разговоры яйца выеденного не стоят. Поэтому если кто-нибудь придет, и что-нибудь сделает как Шарон, ну, спор между левыми и правыми сегодня в Израиле это, на мой взгляд, примерно спор кто будет громче плакать, когда придут эвакуировать поселение. Ну, примерно так, потому что проблема левых в Израиле в том, что у них больше нету эксклюзива никакого. Все, что они говорили, повторяют теперь правые. Палестинское государство – да, решение о приеме беженцев – да, Иерусалим – да. Заклинания люди повторяют, люди говорят Иерусалим остается единым и неделимым, слышали, да? Я говорю человеку, покажи. Покажи мне на карте, что един и неделим. Он не может. Он не может показать границы единого и неделимого. Почему? Потому что границы Иерусалима менялись все это время. Границы Иерусалима утверждает Кнессет. Изменение там, присоединение какого-то участка и так далее. Когда мы говорим, две тысячи лет, три тысячи лет, евреи мечтали и так далее. Значит, сегодня в Кнессете сидит какая-нибудь буфетчица, я там не знаю, какая-нибудь девушка, секретарша, которую начальник за особые услуги назначили депутатом Кнессета. Ну у нас же выбирают не лично, у нас партия выбирает, да? А депутатов Кнессета назначает фактически начальник партии. Ну, он и посадил эту девушку. Она будет решать, о чем мечтают евреи три тысячи лет.

- Мы прекрасно это знаем...

Anatolij: Да-да, то есть получается, что это заклинание Иерусалим един и неделим к чему сводится? – к храмовой горе. К старому городу, к храмовой горе.

- А какое влияние русской партии на политику?

Anatolij: Вы знаете.. ну во-первых, как влияние на политику, все таки 15 мандатов, это большая партия, потом она не совсем русская, она русская только потому, что большая часть ее электората русские, да? Ну, русские традиционно голосуют, хотят иметь свою партию. Им понятно. Ну и потом Либерман, фигура в общем, понятная людям, да, особенно там старшего поколения, ну он говорит, то, что они хотят услышать. Для меня он Жириновский. Знаете же Жириновского в России? Политик такой. Классики говорят, что из любой ситуации, самой сложной, есть простой очевидный и неправильный выход, да? Но когда приходит человек, и в сложной ситуации говорит, никаких проблем нет. Приходит Жириновский и говорит – бомбите. И все говорят, а чё, действительно, просто же: взять и разбомбить.

- А это, как сказать, типа речи Либермана?

Anatolij: Ну, в свое время был скандал, он сказал, что как бы надо бомбить Асуанскую плотину. Он сейчас немножко, гораздо, более, так сказать, более вменяемый. Ну, все-таки он министр иностранных дел, понимаете. Но при этом...

- А вы думаете, что отношение израильтян с русскими, с репатриантами, изменилось из-за голосования?

Anatolij: Нет, нет, нет. Отношение израильтян к русским претерпевало изменения, когда была большая алия, много русских ехало. И люди здесь, это тоже Вам интересно, наверное, потому что особенно радовались ашкеназы. Вы знаете ашкеназы? Потому что ехали белые – Россия, Украина, Грузия – ехали белые. А их тут уже замучила эта музыка марокканская и так далее, то есть они чувствовали, что страна чернеет на глазах.

- То есть это был Восток?

Anatolij: Вдруг приехали европейские, будем говорить европейские евреи, это был огромный, во-первых, плюс. Во-вторых, им же все время объясняли, что евреев должно быть много. Если евреев будет много...

- Борьба с палестинцами будет...

Anatolij: Да-да, мы, демократически, и так далее. При этом предполагалось, считалось, что евреи и арабы, с этой стороны Иордана, на всей территории.

- И это был большой подарок для государства, потому что миллион людей...

Anatolij: Да, во-первых, под нее дали деньги. Во-вторых, это приехали люди, возник спрос. То есть, короче, это пихнуло экономику невероятно. Но потом возникли тут же трения, потому что работы не хватало. Потом это все исчезло, потому что сейчас не едут практически, поэтому сейчас спорить не о чем. Все уже отсепарировались.

- А когда Вы приехали, Вам легко или трудно было устроиться на работу, как инженер, например?

Anatolij: Я не работал инженером, мне это было невозможно практически.

- Потому что слишком здесь было по-другому?

Anatolij: Ну, смотрите, я в России занимался, я инженер-приборостроитель, да? В Израиле нет приборостроения, просто потому что, чтобы иметь приборостроение, нужно иметь сбыт. Нужно много приборов. СССР могло заниматься приборостроением, он был огромен.

- А ваше решение, там в России, учить инженерство, было свободно?

Anatolij: Да, конечно.

- Много людей говорят о факте, что они стали, например, инженерами, даже если они хотели учить журналистику, потому что евреям...

Anatolij: Ну, там был конкурс высокий действительно, ну, наверняка, евреям было сложно уйти в журналистику, но я никогда в жизни не хотел этого, ну, у меня как-то и в мыслях этого не было. Хотя у меня отец – лингвист, например. И в принципе я бы мог пойти на эту..

- А когда Вы приехали, Вы не чувствовали здесь никакую дискриминацию? Тоже многие говорят, что здесь невозможно было устроиться, а другие говорят, что было легко и даже стать лучше, поэтому непонятно...

Anatolij: Я думаю, что у всех было по-разному. То есть в массе своей много было инженеров, это было очевидно. И понятно, что такой стране столько инженеров не нужно. Нормальной политики по трудоустройству какой-то не было. И потом в это время же придумали трудоустройство через посреднические фирмы. Раньше устроиться на работу означало, получить профсоюз, который тебя защищал. Примерно в наше время придумали, что они не могут брать всех людей на постоянку, брали людей через посреднические фирмы, не имеющих никаких обязательств. Я в свое время работал через посреднические фирмы. Это, конечно, среда, в которой писатель как бы работал, и все такое прочее, но мы не хотели его делать репатриантским. Мы не хотели играть на бедах репатриантов и так далее, это было бы неинтересно... Мы делали такие пародии, есть «Нехорошая квартирка», где стереотипы все собраны были, что думали о этих репатриантах, местные... Но нам это было неинтересно, нам было интересней другое, мы делали литературный капустник. Вы знаете, что такое капустник?

- Я знаю, что такое капуста, но капустник нет.

Anatolij: Ну да, это очень странное название, значит, студенты театральных институтов там обычно, устраивали такие вечера, где они делали пародии всякие, дурачились и так далее. На

этих вечерах подавали пироги с капустой. Отсюда пошло название капустник. Капустники устраивают сейчас на разных предприятиях и так далее. Это такой междусобойчик, да, с подготовленной программой, с постановками, со всеми делами. Бывает литературный капустник, когда в принципе делается пародия, значит, мы делали литературный капустник, что очень трудно делать, и мы хотели сделать его именно литературным, понимаете? Поэтому писателей довольно много, нормальной литературы, в общем-то. То, что газету можно открыть и читать сегодня, и это будет смешно, и через двадцать лет, означает, что делали мы, делали мы качественно. То есть это означает, уже, так сказать, и персонажей этих нету. Вы же не понимаете, над кем мы смеемся, кто это такой, да? А шутка все равно смешная, потому что она, ну как анекдот. Это очень трудно делать, и мы довольно долго продержались, и это чудо, как бы, действительно это было забавно, явление очень интересное, но все же каждое развитие имеет свой конец, и я решил тогда, что эта игра окончилась.

- Но вы иногда думаете, смотря на современную ситуацию, о шутках?

Anatolij: Да все повторяется, вы знаете, все что, хотел, я сказал. Я еще потом на телевидении работал, и все, что я хотел по этому поводу сказать, я сказал. Ничего не прибавилось, ничего не изменилось, ну, возникают какие-то забавные ситуации, которые, в общем, удастся сформулировать, но... ну наверное, можно что-то придумать и так далее, но понимаете, я думаю, что всю эту идеологию, всю эту как бы игрушку, это мы съели, ну то есть, это мы как бы реализовали, использовали, и вряд ли там что-то осталось, ну то есть как бы много осталось... Но остались вещи не те, остался смех на тему семьи, взаимоотношение детей и родителей...

- А в эти годы кто-нибудь из партии пробовал иметь влияние на газету?

Anatolij: Нет. Нас уважали как бы, не очень хотели, чтобы мы смеялись, но нас звали на выборы, мы так сказать на выборных кампаниях работали, зарабатывали деньги...

- Но, скажите, искушение политики у Беседера никогда не было?

Anatolij: Ну, мы и смеялись, над левыми, и над правыми, у нас же не было такого, что мы кого-то оставляли в покое. Мы смеялись над властью, потому что смеяться над оппозицией не очень интересно. Хотя и над ней тоже смеялись. У нас не было запретных тем, кроме катастроф.

- А на телевидении Вы работали на Девятом канале?

Anatolij: Да. Я сам писал и сам читал, естественно. У меня не было видеоряда. Легко, когда есть видеоряд, когда можно уйти за видеоряд и прокомментировать его. А когда видеоряда нет, это очень трудно, потому что необходимо уходить за текст, тем более меня же не знают, у меня же нет кредита доверия. Зритель не знает, кто я такой. Значит, у меня должен быть хороший текст. Я сидел и просто читал текст. У меня есть, кстати, кассета, диски, вот. Ну, там это теперь нужно смотреть с переводом, тогда перевода не было. Я по-русски говорил. Бежала строка бегущая, в переводе на иврит. Это очень трудно, переводить юмор на иврит.

- А Вы решили работать с русскоговорящими, потому что Вас казалось, что легче было для вас говорить на своем языке?

Anatolij: Нас никто не звал на ивритскую улицу. Там есть своя интеллигенция, они живут совершенно отдельно, то, что не пересекается никаким образом, русских там практически нет, потому что надо знать. Это сложно делать юмор на чужом языке, сложно, тем более в Израиле есть очень высокий уровень, по-настоящему высокий уровень, хорошего стэнд-апа, хорошей сатиры, вот.

- На какую традицию рассчитывает ваш юмор? Вы думали о традиции еврейского юмора?

Anatolij: Это юмор, это быт, это настоящая литература, понимаете, это не литературный капустник, это литература настоящая. Там очень трудно, потому что тот, кто сегодня придумает новый анекдот про тещу.

- У нас много анекдотов про тещу.

Anatolij: И в России много анекдотов. Но выдумать новый анекдот про тещу практически невозможно. Но если не политика и не идеология, то останется анекдот про тещу. По моим понятиям, юмор бывает двух типов, да? Я говорил, потому что я - непрофессионал. Бывает юмор, где зритель – участник, это вариант анекдота, схема анекдота очень проста, я вам рассказываю историю, вы пытаетесь угадать, чем кончится. Я вас обманываю, Вам смешно, правильно? Так устроен каждый анекдот. Есть юмор другой, где я не могу быть участником, стоит человек и рассказывает мне историю, понимаете, я понятия не имею, что будет дальше, я угадать не могу, я просто получаю удовольствие оттого, что он так рассказывает. Я в

чистом виде потребитель, я не участник, это не анекдотного плана юмор. И мне ближе анекдот, мне ближе счет, счетный юмор. Мне ближе неожиданность, ведь анекдот, он основан на неожиданности. Все знают, что юмор это вообще смех, связан с нарушением порядка, это известно, там, где все идет, как положено, смеха нет. Человек шел – человек упал: смешно. Почему смешно? Потому что не должен он падать. А если человек просто идет и не падает – не смешно. Я подумал – как же так? Люди же не любят перемен. Люди не любят неожиданного, люди боятся неожиданного. Таким образом, то, что человек боится – нарушение порядка, человек же не хочет нарушения порядка, человек хочет, чтобы сегодня было как вчера, а завтра как сегодня, на всякий случай.

- А почему это тогда смешно, если люди боятся?

Anatolij: Да, я тоже подумал, как это сочетается? Страх и смех – разные совершенно вещи, да? Причем, все смеются же одинаково, животные же тоже так смеются. Что такое смех, чисто физиологически: это несколько резких выдохов. Все одинаково смеются, почему? Я придумал – я не уверен, что это правильно – но если Вы захотите, Вы сможете это опровергнуть. Смех – это реакция на не оправдавшийся испуг, тот, первоначальный смех. Сверху упало что-то, змея, нет, и в тот момент, когда ты боишься, пугаешься, у тебя замирает сердце, и ты должен продышаться, и вот это облегчение, облегчение в смехе, оттого что опасность-то не реализовалась. Да, она выходит смехом. И вот это вот неожиданное, рождается, ну это реакция. Если человек шел и упал, и мне смешно, это нормально, но если человек упал и у него из головы пошла кровь, например, я не смеюсь, я успеваю сообразить, и я никогда не смеюсь. Значит вот смех, это я так придумал... Это реакция. Я не говорю про интеллектуальный смех. Человек специально приходит, чтобы посмеяться, я говорю про тот, пра-пра-пра смех, вот этот смех, животный так называемый, от живота идущий, но который является базой для нынешнего смеха, потому что нынешний смех тоже рождается от неожиданности, но она другого плана. Но для этого нужно было иметь тот смех. [Анатолий дает примеры из своей передачи]

- Эта сатира как оружие, представляет другое понимание мира.

Anatolij: Мне на так важно, на самом деле, мне важно, чтобы человек думал. Чтобы человек не ел вот эти вот заклинания вот эти, здесь все наше, мы тут веками жили, еврейское демократическое государство, самое моральное в мире. Чтобы он, когда он это повторяет, немножко думал.

- Какое Вы думаете будет будущее русскоязычной прессы вообще?

Anatolij: Она умрет. Русскоязычная пресса умрет, конечно. Ну, во-первых, осталась сейчас одна газета. Газеты умрут, потому что нет смысла никакого. Они трансформируются, это будет газета электронного образца, может она будет на таком же носителе, который открывается, и можно будет, так сказать, его листать и так далее, ну вот и он будет перезаряжаться. Нет смысла, мы читаем вчерашние новости. Останется аналитика, останутся какие-то серьезные вещи. Но основная часть уйдет. Писатели могут остаться. Он не нужен никому больше, это дорогая игрушка. И когда у меня спрашивают почему-почему, я всегда спрашиваю, сколько стоит анекдот. По месту, которое он занимает в газете, анекдот не стоит ничего.

- Говорят, что люди моего поколения даже этот юмор не понимают.

Anatolij: Многие вещи она наверняка не понимают, потому что есть кодек, на который, если Вы не знаете, кто такой Штирлиц, например, персонаж такой, то вы анекдотов о Штирлице не поймете. Поэтому, анекдоты кочуют, меняются персонажи, анекдоты как форма, ну вот эта обойма, забавная, смешная, неожиданная, она распадется, подставляются другие имена, другие фамилии. Вот видите, Израиль – особая страна, поэтому Берлускони – наш лучший друг, человек, который мафиози чистейшей воды, но мы его любим невероятно, и он нас любит. Итальянцы очень близки, то есть очень похожи. По числу человек необеспеченных Италия и Израиль занимают два первых места в Европе. И много очень похоже, вот темперамент, вот это все. [...]

Интервью - Лев Меламид (19/05/2012)

Журналист, романист. Репатриировался в Израиль в 1974 году. Работал в газете «ВестиА журналистом и также заместителем главного редактора, писал роман "Русское подворье". Работает ведущим автором сайта Zman.com, насыщенного новостной лентой, оперативностью и обилием видео материалов, которые поставлял 9 канал телевидения. Женат, двое сыновей. Живет в Иерусалиме.³²⁴

- А когда Вы приехали, сюда в Израиль?

Lev: Я в 1974 году.

- У Вас уже была идея, что Вы будете работать журналистом?

Lev: Идеи не было. Я просто еще в Москве занимался литературным творчеством, поэтому здесь публиковался, рассказы публиковал, а вообще я до 86-го года преподавал математику, здесь в школе. И параллельно я писал разные статьи, прозу. А в 86-м году мне это надоело, математику преподавать, и я ушел. *(это вот книжка)* Это здесь вышла книга, моя. Ну и я ушел, ну и в общем попал в это журналистское дело здесь в Израиле, которое было очень слабое, и вот тогда и начал. Сначала был переводчиком, потом быстро стал, была такая газета «Спутник», я стал ее главным редактором. Она тогда была самая популярная газета, еще до того момента, когда сюда стали приезжать из Советского союза, большая масса людей.

- А когда начался «Спутник»?

Lev: Ну, это началось, в принципе, особенно не было связано с гласностью, а потом уже, на самом деле, это было связано с тем, что здесь появилось телевидение, можно было через спутниковое телевидение, тарелки, ловить советское телевидение, а оно тогда стало интересным, потому что в России уже началась перестройка, гласность, ну и там показывали вещи, которые достаточно раньше не показывали, поэтому было интересно смотреть. И газета в принципе началась с четырех листков, на которых было расписание программ советского телевидения.

- А она была приложением?

³²⁴ <[ru.wikipedia.org/wiki/Вести_\(газета,Израиль\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Вести_(газета,Израиль))> e <ru.wikipedia.org/wiki/9_Канал_Израиль>, accesso del 18/04/2014.

Lev: Нет, она была самостоятельной, а потом уже достаточно быстро это все обросло материалами, в основном, опять таки из советской прессы тогдашней, потому что там тоже появлялись, уже была гласность, уже можно было писать, в принципе, все, что ты хочешь, и появлялось много интересных вещей, о которых раньше нельзя было говорить в СССР. Вот эти вещи мы получали каким-нибудь образом из Советского союза, из советской прессы, и перепечатывали. Так вот «Спутник», эти четыре странички программы, они обросли. Ну и потом стали давать израильские новости, на израильскую тематику.

- Но всегда по-русски? А причина выбора языка какая была?

Lev: Это понятно, это было исключительно для русскоязычного населения здесь, а до этого, та репатриация, которая была в 70-х годах, приехало сюда около 200 тысяч человек, говорящих по-русски. Поэтому для них это было интересно, аудитория была тогда. Не такая как сейчас, большая, но достаточно большая. То, что сейчас происходит, это другая ситуация, потому что с начала 90-х годов, железный занавес упал в Советском Союзе, и сюда приехало миллион человек, русскоговорящих, русскоязычных, которые говорят по-русски. Это создалась большая аудитория читателей, которая хотела эту прессу иметь, и она ее имела. Если говорить сейчас, из тех людей, которые тогда приехали, то там приехали, скажем, семьи с маленькими детьми, в возрасте 10, 12, 13 лет, ну они естественно уже сегодня, прошло там 20 лет, для них уже родной язык в общем-то иврит, они скорее всего перешли на иврит. Хотя есть определенная группа, которые русский знают, продолжают интересоваться тем, что происходит в России, поэтому там есть тоже небольшая такая аудитория, но очень маленькая, надо сказать.

- А почему вы выбрали факультет математики?

Lev: Нет, просто в свое время выбор был простой, я просто интересовался математикой. Я ее очень любил, поэтому и выбрал, это раз, во-вторых, заниматься журналистикой в Советском Союзе это, в те времена, в те годы, там не было такой независимой свободной журналистики, то есть это работа на коммунистическую партию, понимаете? Это меня совсем не устраивало, но у меня даже и мысли не было, просто я тогда занимался математикой.

- А когда Вы приехали, Вы чувствовали дискриминацию здесь, потому что Вы были репатриантом из Советского Союза?

Lev: Я не чувствовал никакой дискриминации, честно говоря, ее в принципе не было. Не было, и нет, как и нет сегодня. Это все, как говорится, от...людей, которые... плохо устроены были, как-то они это себе придумывали. То есть, по большому счету, нет. Есть такие стереотипы как бы, блондинки девушки, проститутки. Но это было в 90-х годах, сегодня даже такого уже нету. В принципе, нету.

- А как вы думаете, какое представление было у русскоязычной прессы о конфликте с арабами? Вы думали, что это сильно изменилось с 90-х годов?

Lev: Не, ну это, как проблема это, если это проблемой назвать, в том, что русскоязычная аудитория, она в своем подавляющем большинстве правая. И мы как бы работаем на аудиторию, в той или другой степени, это раз. А, во-вторых, большинство, подавляющее большинство журналистов, русскоязычных, они правых взглядов, ну, что делать, просто правых взглядов. Одно с другим совмещается очень хорошо, в отличии, например, от журналистики на иврите. Там большинство журналистов они, таких, либеральных взглядов. Сейчас не буду осуждать, но это, скорее всего, левые взгляды. То есть мы работали, что называется, в струе наших читателей. В общем-то, если говорить уже о следующих временах, там вот, когда уже когда появилась такая газета популярная «Вести», в которой я работал, делал ее, и которая действительно пользовалась очень большой популярностью, и на русской улице, и она была влиятельна и в истеблишменте израильском, включая структуры правительства, кнессет и так далее. Она была очень влиятельна, и на самом деле все эти истеблишмент структуры они очень, скажем, «боялись» нас, потому что мы создавали в своей русской общине определенное общественное мнение. Оно было правое, безусловно, хотя, если смотреть формально на саму газету, о такой газете как «Вести», то там можно было увидеть статьи и правых журналистов, и левых журналистов, которые в основном переводились с иврита. Скажем, формально мы были уравновешены. Но с другой стороны, если ты все-таки человек, журналист, ты не можешь отказаться от своих убеждений, поэтому, что-то проскальзывало, это как бы считалось очень, наверное, справедливо, что мы представляем правую часть общественного сознания, и формируем общественное сознание справа, что называется.

- Она имела такое влияние на общество, но имела тоже большое значение для людей, чтобы узнать о возможности устроиться здесь.

Lev: Ну конечно, была определенная информация, достаточно большую информацию мы давали о том, как устроиться, как себя нужно вести при устройстве, и всякого рода социальные вещи, мы на них очень много обращали внимания. То есть политика это был, я бы даже не сказал, что на первом месте, но где-то политика, экономические проблемы, социальные проблемы – все это шло в одном, в большом пакете. Естественно, всему этому мы уделяли очень большое внимание.

- По поводу вопроса о самоидентификации репатриантов, насколько Вы думаете был представлен в газете? А проблема кто еврей в Израиле и кто нет - важно?

Lev: Это было одной из самых как бы важных вещей, это... мы назывались израильская газета на русском языке. Это было подчеркнуто как бы в логотипе.

- И сейчас?

Lev: И сейчас тоже, да. Ну, может быть сейчас в какой-то степени.. сейчас эта пресса уже не так влиятельна, но в принципе да, каждое из сегодняшних изданий, они тоже себя как бы, наверное, идентифицируют как израильское издание. Хотя не везде это видно, но у нас это четко проглядывалось. Я говорю опять же о газете «Вести», которая была вот как бы самой вершиной русскоязычной журналистики до сегодняшнего дня, эта была основная как бы идея, что мы израильская газета, что миссионерская газета. Поэтому вопрос о том, кто еврей, кто не еврей, вполне возможно, что мы высказывали определенные, разные точки зрения на это. Нужно ли считать еврея по маме, или по папе нужно считать, а не как вот говорит иудаизм, это все как бы обсуждалось, оспаривалось где-то, но, в принципе, конечно, это проблема идентификации нас как евреев, это стояло во главе угла.

- Но это не было с самого начала истории газеты? Это было дальше?

Lev: С самого начала, это была наша установка, что мы израильская газета, миссионерская газета. Но, естественно, допускались разные мнения по этому поводу, ну все-таки как бы старались, такие очевидно антисемитские статьи не печатать. Ну, такие открытые, явные, так сказать доходящие до антисемитизма какого-то. Это как бы все отсеивалось.

- А когда Вы работали в «Вестях», появилось тоже сотрудничество с газетой «Бесэдер»?

Lev: Газета «Бесэдер» на самом деле возникла из газеты «Вести», я бы сказал. Потому что в свое время Марк Галесник пришел, я уж не помню, по-моему, он делал как бы свои юмористические страницы, по-моему в другом издании...

- «Наша страна».

Lev: «Наша страна», совершенно верно. Но это там недолго длилось, потом он пришел к нам, и это стало частью приложения, такого, субботнего приложения, для чтения, чтиво такое, это там сперва начиналось с 4-х страниц, потом дошло до 2-х. Он даже раньше был 8 страниц, я уж точно не помню. То есть это была часть-приложение.

- Это изменилось из-за денег?

Lev: Ну да, в основном, конечно.

- Потому что каждая страница что-то стоит?

Lev: Безусловно, мы платили Галеснику за то, что он делает нам этот материал. А там была очень сильная редакция, которую, так сказать, держал Галесник, но там были ребята, которые шутили, это, ну там, Дима Зилбер, потом Толя Авербух...

- А вы считали их частью вашей команды?

Lev: Они были достаточно независимы, они делали сами эту газету. Мы только получали готовые листы, смотрели с точки зрения редакторской, никакой правки мы не вносили, никаких этих самых указаний, что делать, что не делать, мы не давали, как правило, брали уже готовый материал. А редакция у него была своя. Этих людей мы знали, естественно. Мы их всех знали, как бы сказать, такая дружеская компания, как и вся редакция в принципе. Но они самостоятельно работали. У них был свой офис.

- А как кончилась ваша история в «Вестях»?

Lev: Наша история кончилась... Ну можно сказать, это такое политическое дело. Потому что возникли разногла.. Газета «Вести», хозяин газеты «Вести», была израильская газеты «Едиот Ахронот». И возник конфликт с хозяевами «Едиот Ахронот» а, которые потребовали от нас определенных вещей, как бы, редакция газеты, с чем мы не согласились. Это было связано с тем, что мы оказывали, опять-таки, не то что бы мы оказывали явную поддержку,

но мы склонялись больше в сторону, тогда, Либермана, нежели Щаранского, если Вы знаете, о ком я говорю. А Либерман и Щаранский, они оба как бы, были свои партии, они как бы сильно боролись за электорат и голоса. Ну и, постольку поскольку, все таки было, может быть, достаточно понятно, что мы больше на стороне Либермана, то Щаранский пожаловался хозяину «Едиот Ахронот», у которого были хорошие отношения тогда с ним, и сказал, что вот, больше я этого не хочу.

- А когда это произошло?

Lev: Это произошло в конце 99-го года. Или в начале 2000, или в конце 99-го и начале 2000.

- А до этого времени газета была более, как сказать, проста, не так связана с политическими партиями? Или связана с партиями, с которыми она хотела быть связана.

Lev: Она была связана естественно с политическими партиями, потому что, как я уже говорил, это был канал влияния на русскую общину, русскоязычную общину. А там миллион человек, это электорат очень большой. Поэтому за газету «Вести» боролись все партии, чтобы мы и их тоже проталкивали, говорили об этом. Но мы выдерживали определенную уравновешенность, то есть и тем, и другим, но постольку поскольку речь шла о двух русскоязычных партиях Щаранского и Либермана, то тут уже они, считая, что это их как бы детище в каком-то смысле, они стали давить на нас. Стали давить. И вот этим закончилось. Скажем, какая-нибудь рабочая партия, партия Авода, или партия Ликуд, не могла на нас давить, вот в этом смысле мы были достаточно независимы. Здесь тоже мы были независимы, но в силу убеждений каких-то, в силу более приятельских отношений с одним, нежели с другим, поддержка была больше именно от Либермана. Либерман не был тогда министром иностранных дел, у него такой силы не было, только-только создавалось все, ну вот... А дальше было предложение со стороны хозяина «Едиот Ахронот» уволить главного редактора, Эдуарда Кузнецова, человека известного, Вы знаете? Знаете. Ну и вот редакция, вся редакция...³²⁵

- Ушла?

³²⁵ В конце 1999 года Бар-Села, Данилова, Кравчик и Меламед ушли из газеты в знак солидарности с уволенным главным редактором Эдуардом Кузнецовым.

Lev: Процентом 80 так сказать. Практически вся редакция она ушла. После этого мы создали такую вещь, если Вы знаете, есть такой сайт MIGnews, он и сейчас существует, мы его создали, при нем была журнал, газета, «Миг» назывался, но все это очень быстро закончилось, потому что тот хозяин, который нас привел, всю эту команду, ну это для того, чтобы привести команду очень успешную, все знали, кто такой Кузнецов, что такое команда «Вестей». И вот где-то, может быть, около года он нас продержал, а потом всех уволил. Начиная с Кузнецова, с меня, всех уволил. И всем давал маленькие зарплаты, так что так.

- А как Вы решили заниматься сейчас электронной прессой? Это, наверное, не так трудно? Вы просто делали работу, которую всегда делали, но просто в интернете

Lev: Ну, в принципе, да. В принципе, переход он как бы достаточно простой, но есть какие-то, это то что называется, тяжелей немножко крутиться в этом ангаре. Все-таки газета это как-то, делаешь сегодня, завтра она выходит, а здесь это вот эти новости, одна за другой.

- А как узнать, какая публика в интернете?

Lev: Русскоязычная? Ну, это зависит от сайта на самом деле. Есть сайт newsru.co.il – это я сейчас говорю только о израильских сайтах, этот сайт он считается самым популярным, ну больше всего к нему приходит народу, пользователей, там публика она.. она среднего возраста. То есть обычная на самом деле публика. Я думаю, где-то 30-50, 35-55, как основная публика, основная аудитория. Следующий сайт по посещаемости – это сайт, наш сайт, zman.com называется, поскольку он связан с телевидением, телевидение смотрят все-таки больше уже пожилые люди, то есть там контингент людей возраста в среднем от 45 и выше. Ну, приблизительно, то же и на сайте происходит. Третий сайт – cursor, где посещаемость она меньше, чем в newsru и у нас, там тоже аудитория такая, более или менее. То есть аудитория связана с тем, кто еще помнит русский язык. Пользуются русским языком люди, естественно, в возрасте от 30, в зависимости от того, когда они приехали.

- Ваши дети, например, не будут использовать такие..

Lev: Не, наши дети нет. Они плохо русский знают. То есть они говорить так могут, но читать... Потом на самом деле израильскую молодежь... достаточно в малой степени, не совсем в малой, но их интересуют больше другие дела. Facebook, вот эти все вещи. А вот как бы новостные вещи, так, меньше интересуют. То есть приоритеты их это не новости. А скажем русскоязычная аудитория возраста 40 лет и выше, для них новости – это приоритет.

Они хотят узнать новости, что называется, в он-лайне, поэтому они и смотрят эти сайты. Вот скажем сайты, newsru или mignews, или mignews например тоже, у него большая посещаемость, но он себя позиционирует не как израильский сайт, на самом деле. Он дает информацию по всему миру. Но там очень много посетителей... если сравнивать посетителей из Израиля Mignews и из Майнкона newsru, то, скажем, у них будет меньше. По израильским посетителям, newsru и Zman приблизительно одно и то же.

- А в газете «Бесэдера» много говорят об отношениях с арабами, ватикими и религиозными людьми. Как, проблематичные отношения?

Lev: Ну, они говорят, ну они шутят на эту тему. То есть здесь можно как бы обо всем смешно может быть, но в принципе тема отношения к религиозным среди русскоязычной общины, это одна из как бы серьезных тем, и есть большая конфронтация между религиозными и вот, в основной массе, с русскоязычной публикой. То есть русскоязычная публика она не любит религиозных.

- И обратно?

Lev: Обратно нет, обратно как бы, религиозного человека не волнует, он как бы своей жизнью живет, ну что ему. У него отношение к «русским» такое же, как и ко всем светским. У них нет специфического отношения к «русским». А у «русских» есть специфическое отношение к религиозным. В основном речь идет о ультра-религиозных евреях. Так что да. Но коли есть такое отношение, коли есть такой интерес, то и шутим на эту тему, естественно. Ну, это просто вот для шуток. Опять так, есть новые люди, вот те, которые приехали в 90-х годах, у них очень отрицательное отношение, сегодня, может быть, это сгладилось, поскольку те, кто приехали в 90-х годах, они тоже живут здесь уже около двадцати лет, но в свое время у них было очень негативное отношение к ватиким. Чем к тем, таким как я, которые приехали в 70-х годах, это да.

- А что случилось с другими приложениями, как «Абзац», юмористические приложения?

Lev: Ну, не было конкурентов у «Бесэдера». По крайней мере... В принципе, не было. Все-таки у «Бесэдера» были свои шутки, во многом они основывались на израильской тематике, а все остальные приложения, которые были, они брали анекдоты из, не знаю, из российских

сайтов, вот русские анекдоты, российские анекдоты, и мало связаны были с израильской тематикой.

- А у Вас проект, делать историю русскоязычной прессы?

Lev: Есть проект. Она очень интересная, история, потому что на самом деле русскоязычная пресса началась отнюдь не с приезда вот этой большой репатриации, она, вот скажем, газета «Haaretz», в 1919 году, когда ее основывали, ее основывали выходцы из России, они в редакции по-русски говорили. Это все вот жутко интересно, это все в архивах есть, газеты «Haaretz», там потом произошел раскол в 23-м году, сын Бен-Иехуда, известный, человек, который работал с ивритом.

- Придумал иврит снова.

Lev: Да-да, его сын Тamar тоже работал в газете «Haaretz» тогда, и в 23-м году, он как бы расколол газету на самом деле, и всех русских, тех журналистов, которые писали на иврите, но думали по-русски, скажем так, он от них избавился. Ну, он на самом деле сделал свою газету, а те вынуждены были уйти. Ну, это вот часть истории, так что русскоязычная еще тогда вот началась.

- А Вы думаете о другом романе тоже?

Lev: Ну, в принципе, думаю, да. У нас все о чем-то думают, я тоже думаю.

- И все о романах?

Lev: Ну, жизнь, роман – это одно и то же.

Интервью - Давид Зильбер (20/05/2012)

Журналист, юморист. Репатриировался в Израиль в 1990 году. Работал в разных позициях, сейчас занимается охранником филиала банка Леуми на улице Яффо, публикует шутки в Фейсбук почти ежедневно. Женат, имеет дочь. Живет в Иерусалиме.

- А когда Вы репатриировались?

David: Я репатриировался в 1990 году, в сентябре, 24 сентября, вот, я приехал вообще-то туристом, я не репатриировался, я приехал туристом, и решил остаться, мне понравилось здесь, мне понравились люди, понравился воздух, запахи.

- А Вы откуда именно?

David: Из Минска. Нас было 40 человек, я приехал в группе туристической. Вот, я оформлялся, купил себе билеты, было тяжело, и я единственный был, кто говорил там по-английски, в этой группе. Устроил всех на работу, и себя там устроил на работу, подрабатывали, а потом все.

- А жизнь там в Минске, тяжело было?

David: Нет, абсолютно нет, у меня богатая семья была, у меня свой дом был. Минск – это такой город, где не было таких проблем даже, которые были в последние годы перестройки, когда были очереди за продуктами. Потом что-то началось, когда я здесь уже был, мне говорили, вот. Так что я не из-за этого уехал. Очень понравилось здесь, просто почувствовал как-то, Иерусалим очень почувствовал. Я абсолютно ничего не знал. Знал про Тель-Авив, потому что все в Советском Союзе говорили «агрессивный Тель-Авив», не говорили «агрессивный Иерусалим». Абсолютно был такой в тени, для меня, я ничего не знал.

- А Ваши чувства религиозные начинались здесь?

David: Да-да, именно здесь, только здесь. Я был троцкистом, я был левым активистом в Минске. Серьезно, это очень интересно... Я был троцкистом. Меня так мама воспитала, потому что в Советском Союзе, многие, кто выросли при Советском Союзе были недовольны тем, что происходит, но они не могли мотивы искать где-то, кроме коммунизма, поэтому они искали альтернативу внутри коммунизма, а Троцкий боролся со Сталиным, поэтому считалось, что это истинный ленинец, вот так меня воспитали, я, естественно, тоже стал троцкистом.

- Здорово!

David: Да, обалденно. И, кстати, да, очень интересно: те, кто были у власти, они тоже считались ленинского направления люди, но они не знали источников, то есть Ленина я знал лучше, чем они, и с нами дискуссии они боялись, потому что мы были хорошо подкованы и все такое, вот. Но нас с этим не трогали, там было таких два направления: такие вот оппозиция левая, власть, и белорусские националисты. Белорусских националистов били, милиция их била, нас никогда не била, не знаю почему, хотя мы были более наглые.

- Может быть они просто боялись больше националистов?

David: Да-да, боялись. Смешные такие. Потом когда-то меня вызывали в КГБ, там что-то, мы с белорусскими националистами хотели сделать что-то, какое-то мероприятие, или без них, и мне показали журналы времен Третьего Рейха, когда белорусские националисты ходили со свастиками, так я говорю, мы ж тоже против этого, мы же троцкисты, мы ж наоборот против этого, что это вы нам показываете. Это было все так, давно уже.

- С тех пор вы здесь очень интересуетесь политикой?

David: Политикой очень интересуюсь. У меня изменилась позиция здесь. Я был тоже здесь левым, я сочувствовал Мерец. И я работал, секьюрити да? Я работал вначале, вот, через год после приезда, как-то получилось, я уже работал там на Котеле. Нас привозили туда туристами, я даже думать не мог, мне так хотелось там работать, там люди-автоматчики стояли. И осуществляется мечта, у меня осуществляются мечты все время, уже через год я там работал, правда, с пистолетом, не с автоматом.

- Потому что Вы чувствовали, что надо защищать это место?

David: Нет, нет, в 90-м году в Израиле было очень тихо, не было какого-то такого. напряжения, и я просто подрабатывал, мне нужны были деньги, и это самое простое. Я начал писать, но на журналистике нельзя тогда было много заработать, тогда я совмещал, секьюрити давало базис такой, такую базовую зарплату, она и сейчас так. А писать у тебя получается очень неплохо.

- А когда это произошло, когда вы стали писать в «Бесэдере»?

David: «Бесэдер» стал выходить в феврале 1991 года, и вот тогда началась война в Персидском заливе, было такое некое напряжение, и вот начал выходить «Бесэдер», вышел первый номер в феврале 91 года, я его прочитал, и увидел, что он очень плохой, что я могу лучше, не хуже, вот это было очень приятно. И я тут же написал, причем я повторил рубрику, которая там была, там были письма, приветы родственникам. Это была пародия на Колинс Райер, тогда передача такая была, не было же интернета, ничего не было, передавали вот, что все нормально, вот такая-то Фира из Решен Циоля передает в Москве тете Фане, что у нас все нормально, и были очень смешные, там действительно, и вот такая рубрика, это Галесник сам, он там был только один, никого еще не было, первый номер, это он сам сделал. И сделал он, он талантлив в том смысле, что он всегда недоделывает, хочется его доулучшить то, что он делает, он создает такой аппетит. Это меня задело, я стал писать, у меня получилось лучше, чем у него, очень смешно, я ему послал, а это были, буквально, мои первые шаги, я еще не был журналистом, ничем не был.

- И значит Вы послали для второго номера?

David: Я даже не знал, я не знал, что это выйдет. У меня правда была статья, не он мне дал путь журналистский, у меня была одна женщина, Татьяна Вайтнауер, она сейчас уже где-то в «Персометре» работает, и у нее была газета «Новая панорама», до «Бесэдера», и вот туда я послал свою первую статью, еще когда я работал, собирал виноград где-то в Маршаве, работа кончилась, меня не выгоняли, я сидел там в доме без отопления, они не выгоняют, они добрые люди, но работы не было, так я, у меня был такой транзистор с собой, я с Союза привез, транзистор такой, а в Советском Союзе я очень любил слушать радио «Свобода», все эти вещи, я тоже начал это слушать, была эта «Перепутчик», а русское радио было очень смешное, оно все время врало они там. И я написал сатирическую статью «Ночной эфир струит зехир», такая, обозрение радиоэфира, того, что я слышал. От руки написал, под копирку, отправил в несколько газет, у меня был очень плохой почерк, это от руки, не было печатной машинки тогда еще. И вот одна газета, они разобрали, и целый день убили на то, что меня это, ее напечатали, я приезжаю через неделю, открываю газету, а там моя статья, это был такой шок, замечательно так, ощущение потрясающее. Даже Бунин писал, что он уже старик, он уж лауреат Нобелевской премии, но каждый раз, когда он видит свою фамилию на обложке, у него улыбка. Это вот тоже так, это так приятно. И вот тогда вот я позвонил, говорю, ой, моя статья, у Вас напечатана, а Вы сколько заплатите... А она на меня как наорала, говорит: мы всем отделом, три человека, весь день разбирали твои каракули, чтобы мы ее напечатали, ты хочешь, чтобы тебе еще и заплатили? А я так удивился, говорю,

а зачем Вы тогда это делали? А она: нам было интересно, что будет дальше. Тогда я понял, что у меня есть это, интересно же. И она мне тогда дала путь в журналистику, я ее спросил, стоит ли мне писать, она говорит, всегда стоит. А я говорю, а деньги я смогу на этом заработать. Потому что я человек очень практичный, мне нужны деньги, для меня это важно, что ж так просто писать. И она это самое, ну, на хлеб ты не заработаешь, а на масло заработаешь. Ну, на самом деле я и на масло стал зарабатывать, и на хлеб. То есть именно в Израиле стал русскоязычным журналистом. В Советском Союзе я не был русскоязычным журналистом, только в Израиле им стал. А вот второе, что я сделал, это вот Галеснику написал, Марку, и вот я написал ему эти штучки, и вдруг приходит мне такой ответ, в письменном виде, очень приятный, такой вежливый, такой ласковый, что это я прочитал очень смешно. И звоните, и это самое, в следующем номере уже были мои эти штуки. И я к нему пришел домой, он тогда жил прямо вот здесь вот недалеко [мы на улице Яффо в Иерусалиме, *примечание автора*], и у него была съемная такая это самое, и вот мы там с ним прожили, проработали, и там у него эта редакция была, и вот так скорешились со второго номера. Потом уже пришел Толик Лившиц, вот...

- Он сказал, что он в 94-м году он ушел, потому что думал, все было уже окончено.

David: Смотрите, я не ушел, и не ушел бы даже сейчас, потому что я, как сказать, я не верю, что это может спасть. Потому что все время есть новые события, есть новый материал. И форма будет меняться, форму надо искать. Если бы, может быть, если бы Марк захотел, мы бы нашли новую форму, и сейчас, и все равно бы жили. Потому что всегда есть спрос на реакцию с юмором, на то, что происходит, потому что то, что происходит, мы не можем часто изменить, но мы можем над этим посмеяться, мы можем это как-то осмыслить, в такой форме, что мы становимся хозяевами, интеллектуальными хозяевами ситуации.

- Вы имеете в виду другую форму, как в интернете, например.

David: Например, на визуализацию, например, видео, вот, такие вот вещи всякие. И они дают большее, я сейчас, кстати, над этим работаю, я думаю, что я продолжу. Я немножко отдохнул, а сейчас меня уже зовут туда, сюда... Я просто пришел опять в Фейсбук, начал шутить там каждый день, по пятьсот шуток, вот, знаешь, как корова молоко дает, надо куда-то выкладывать...

- Значит для Вас будущее русскоязычной прессы может быть?

David: Только в других формах да, в других формах, я думаю, что да. И тут интересная вещь оказалась, оказалось те, кто знает русский, и они преуспели здесь, они предпочитают развлекаться, читать все на русском языке, потому что это просто проще.

- А юмор, наверное, другой, на иврите или на русском языке?

David: Да, другой. Израильский юмор, кстати, очень классный, я его большой ценитель. Просто русские не знают, о чем говорят, вот, это не то, примитивные израильтяне. Ничего подобного. У израильтян такого уровня юмор, до которого нам переть и переть. У них школа такого, как бы, вот, снимают они этот, где все правдоподобное, при этом такой абсурд. Это все-таки очень тонко, при этом это дико смешно, и бывает страшно, они такие фантазеры, они умеют создавать такую псевдореальность, которая полностью как настоящая. Это вот израильский юмор, они такие абсурдисты, как Хармс, как Кафка, наверное, мне очень нравится.

- А Вы думаете, что юмор «Бесэдера», он связан с юмором Шолома Алейхема например, с еврейской традицией юмора?

David: Мы стараемся эту традицию, я старался от этого уходить, почему... Это как раз интересная вещь, потому что мы хотели создать юмор, знаете, советских и постсоветских евреев. У меня не было традиции в голове, у меня не было Шолома Алейхема, у меня был Ильф и Петров, Булгаков, Зощенко, и я считаю, что я прав, потому что, если есть у евреев, есть, конечно, генетическая предрасположенность к юмору, потому что большинство юмористов в России – это евреи, но совсем не обязательно, что оно должно питаться идишскими, ивритскими или еврейскими такими корнями, потому что, я считаю, что все, что по-настоящему еврейское, я религиозный человек, я над этим не смеюсь, это святое, это кадош, и как раз я смеюсь над тем, что не святое. А это все не еврейское. Юмор же это именно осознание от некоего нашего идеала, вот когда мы реагируем юмором, но когда это отходит и неопасно для жизни, когда это опасно, тогда уже не до юмора. Когда это неопасно, это называется как уродство какое-то, это смешно. Поэтому Шолом Алейхем, вся еврейская традиция, для меня, например, я еще и историк, для меня это болезненно, для меня это весь, я немножко израильтянин в этом смысле, у израильтян, у них был такой синдром после войны, что они плевали в сторонуб после войны, они считают, что нужно создавать нового человека, и израильтянин свободен и так далее, я над этим смеюсь, потому что это не так примитивно, как кажется. Это, я считаю, что последние триста лет перед катастрофой,

еврейский мир гнил и медленно шел к катастрофе, и вся еврейская культура, с моей точки зрения, идиш, Шалом Алейхем, это некое дыхание больного человека, немножко, в каком-то смысле, притом, что там есть теплота и так далее, но от больного тоже иногда тепло, знаете, веет теплом от больного человека, когда у него температура, но это нездорово, по сравнению с Макабис, Маковеями, со свободным Израилем, с этими солдатами, которые на улице – все это больное, понимаете, больное оно, патогенез, виктимность какая-то... И в Советском Союзе я очень сторонился еврейской жизни, а вот в Израиле увидел нечто такое, красивое, здоровое такое, свежее... И поэтому я когда шутил, я старался как бы, внутреннее у меня всегда был протест против старой еврейской культуры, которая привела нас к тому, что произошло. Потому что если бы не было этого внутреннего гниения, не было бы этого огня.

- А Вы поняли, когда приехали сюда, что могло быть по-другому?

David: Да, я увидел, что здесь другая страна, другие евреи, и те, которых я знал, я даже боялся с ними видаться.

- А как Вы чувствовали тот факт, что в газете часто смеются даже над религиозными людьми?

David: Вы знаете, когда-то я сам был нерелигиозный, я сам так смеялся. Я могу процитировать такие, безобидные шутки. Там, диалог по телефону: «Здравствуйте, Бог есть? – Нет. – А Вы не подскажете, когда будет?». А потом, когда я стал религиозным, я стал учиться в ешиве, я стал совмещать, потребовалось как бы специальное исследование, что можно, что нельзя, там уникальная ситуация была, для меня, для русского скажем мира, потому что у нас в русском мире, еврейском, это либо религиозный, либо юмор там. У израильтян, кстати, это по-другому. У них бывают религиозные юмористы, даже стэндаписты, у нас такого уровня еще нет.

- У Вас были отдельно?

David: Да, так вот я говорил с раввином, Рах Массашапир, такой гениальный человек, и он мне сказал, что, как бы, что могу работать, но как бы быть дворим гастим, то есть грубых вещей. Он не сказал антирелигиозных, он сказал грубых. Это значит кто-то там пишет, вот такие вот вещи. Как бы ниже пояса, то есть должно быть джентльменский интеллигентный юмор. И это было очень сложно удерживаться, потому что если шутка смешная, тяжело ее не сделать. Потом это уже был Рап Лес, такой великий человек, от которого произошли все

раввины эти, они их всех научил, великий человек такой, вот он мой раввин, и я с ним тоже долго правильно и долго работал, в русском отделе, вот он тоже был в нашей редакции, он сказал нам, что мы люди, которым обеспечен рай, потому что... но в том случае, если мы будем соблюдать какие-то правила, потому что те, кто радуется, смеется над людьми, у тех есть доля в будущем мире, это известно из Талмуда. И в принципе, он сказал, что моя большая заслуга, что я, когда я там стал религиозным, да, и из «Бесэдера» исчезли антирелигиозные шутки. Такие вот против иудаизма. Мы старались избегать этого. И Марк это тоже уважал, потому что понимал, что я ценный работник, а он вынужден подчиняться моему диктату, но я считаю, что газета от этого выиграла, потому что это правильно, то есть вот должны быть ограничения, вот святое мы не трогаем. Теперь религиозные партии, они очень сложно, все неоднозначно там, но есть многие люди, которые ничего этого не знают, и когда ты начинаешь смеяться над религиозными, может быть заслуженно, это отталкивает тебя вообще от религии, и лучше это не делать. [...]

- А в газете было очень равное отношение к партиям?

David: Да. Вообще израильские партии, нам легко быть объективными, потому что все они вызывают отвращение в той или иной степени. Знаете, вот когда религиозный человек, ему нельзя смотреть на красивых девушек, и когда нет ни одной красивой девушки на улице, легко можно соблюдать эту заповедь. Когда есть красивые девушки, здесь это уже проблема. Вот тоже самое и с израильскими партиями, там было очень легко, потому что там тяжело очень соблазниться чем-то. Марка часто обвиняли, что он кем-то куплен, у нас было, что мы работали на партию, официально, но при этом мы вели... мы одновременно работали в газете, у нас была критика этих партий, а вот говорил, ну что, это работа, мы не покупаемся. И за это я его очень уважаю. При этом Марк остается левым, я не левый давно, я ультраправый, а Марк остается левый, но все равно мы как-то, нам не мешала это делать газету.

- Вы сначала были левый?

David: Да, я был левый, я в начале был левый, я даже, есть знакомая у меня такая, она сейчас корреспондент газеты «Га-Арец» Наташа Мозговая, а раньше она в «Едиот Ахронот» подрабатывала, она сейчас в Вашингтоне живет. Так она когда-то меня спросила, был вопрос, как вы поступаете в 2000 году, перед Кэмп Дэвидом, как бы вы, готовы были на раздел Иерусалима, если это приведет к окончательному урегулированию. Я такой был,

сказал да, что Барак правильно, надо чтобы он все-таки провидел, окончательно, наивный человек, они всегда все окончательно делают, потом они никаких выводов не делают. Рабин говорил, если что-то будет не так, я верну все назад, ничего не вернул, этот тоже говорил, вот я сейчас все сделаю, предложу им все, если те откажутся, вот тогда мы будем с ними это самое... Ничего. Они отказались, начали индифаду, и он даже не реагировал, когда обстреливался Иерусалим. Но тогда я сказал, да, что я за раздел Иерусалима, если это приведет к окончательному урегулированию, ради Бога. А сейчас я так не считаю, просто я вижу, что это самообман с их стороны, политиков, когда они идут на уступки и говорят нет, это обратимо, это необратимо. У них нету, за что держаться, когда они уходят, они нерелигиозные, у них нету понятия, некоего стержня, вот, нынешняя эта политическая элита, вот, поэтому, говорить им это, способствовать им в этом нельзя. Если б это бы какой-нибудь гений Торы, я бы ему сказал ему делай, что хочешь, я тебе доверяю, потому что у них есть, а здесь люди, это не то, это не то, они воспитаны, как либеральные европейцы, а эта земля держится только нелиберальными европейцами, она держится людьми, которые понимают, что они тут делают.

- А как Вы чувствовали об арабах, когда Вы приехали? Наверное, это был шок?

David: В 90-м году это было тихо, довольно, не то, что сейчас, опять-таки, но я сразу в эту проблему вник, и у меня даже была такая цитата, такая псевдоцитата из Булгакова. Так вот я, типа как, цитата из Воланда, я сказал, что золото лучше всего останавливает кровь, так же как и отпускает ее, типа. Что надо дать каждому из них по полмиллиона долларов, чтоб они просто отсюда уехали.

- Потому что Вы думаете, что если это было создано, тогда они наверняка уехали бы? Если бы они получили миллион...

David: Деньги? Да, я так думаю, что многие из них действительно бы и уехали, может быть это, кстати, да, и правильно. Я тогда не знал, что я думал идеи, трансферы у Ганди, у него такая же была идея добровольной трансферы, которого убили. Я не знал тогда о нем, просто мне такая мысль пришла. Потом через полтора года меня переключило, и я говорил другое, то же самое, что говорят сейчас все левые, я говорил, что, вот, скоро будет ядерное оружие в регионе, надо быстренько заключить мирный договор, чтобы мы.. против нас никто ничего. Почему я думал, что если заключить мирный договор, нас не будет окружать ядерное оружие, я не знаю. У меня почему-то такая мысль была. И я стал тогда левый. А в начале я

был именно как бы, я выступал за оплачиваемый трансфер, чтобы уехать и все. Вначале так, первые полгода, когда я приехал. Хорошая мысль была, да. Я думаю, что так и надо сделать.

- А в газете Вы много говорите об отношениях со сабрами, ватиками?

David: Над сабрами мы все время смеялись. И мы, я как бы потакал нашему читателю, наш читатель любит посмеяться над сабрами. Хотя им до сабров еще переть и переть во многих отношениях. Но мы потакали, мы шли в этом русле, потому что мы, вс-таки, так сказать, газета русскоязычной алии. Ну, вот, поэтому мы.. Ну вот смотрите, человек, который юморист, у него есть какой-то повод, он его использует, и преувеличивается что угодно. Конечно над сабрами... на сабры мы наезжали, на ватиким. Но мы наезжали и на нас самих, и на репатриантов, это у меня лучшее было, у меня была рубрика такая «Письма», и я там постоянно стебался, как говорится, над нашим братом, репатриантами, над такими людьми, которые не в курсе, которые пишут пенсионеру из Петах-Тихва, что приезжали к нам комиссары из Сокнута и рассказывали много об Израиле, мы ходим увидеть эту страну, мы думаем, может уехать туда... «Бесэдер» он такой был злой, злое издание, но над всеми, так сказать...

- А Вам понятно почему «Бесэдер» больше не выходит. Потому что, может быть, будущего нету.

David: Смотрите, он не должен был существовать двадцать лет. Двадцать лет – это тоже чудо, каждую неделю, а к чудесам я привык, у меня много было чудес, поэтому я воспринимал как чудо, что вот так будет все время. Потом, под конец, почему это чудо исчезло, я думаю, что мы настолько стали уставать сами, и просто там на Небесах увидели, что мы и сами как-то уже не горим, особенно, и просто это прикрыли. Но это было очень долго, противоестественно он был. То есть это было очень долго, действительно, 20 лет.

- А Вы думаете, что даже психологически он не нужен репатриантам сейчас, как он был?

David: Ну, может быть, в том виде, в котором он в конце, уже и не нужен, но это нормально, потому что он был не нужен в таком затухающем режиме, если бы сейчас нашлись там 5-10 новых талантливый людей, и они взялись это делать заново там, такими свежими силами, то он был бы опять нужен, все именно дело в качестве, в контенте. А юмор он всегда востребован, я не считаю, что вот он перестал быть нужен. А он занимал нишу, он был

монополистом в сфере юмора, никто не мог сделать. Ну вот падение ритма, внутреннее такое знаете дыщ, но все равно рынок остался, и юмор все равно нужен. И что-то вроде «Бесэдера» все равно будет, или не будет, но тогда этого будет не хватать.

- А когда путь религии начался?

David: Я вот, начал рассказывать, работал на Котеле шамыром, охранником, и там началось это в 92-м году, где-то так в 92-м году, все это началось с 92-го года, какие-то мелкие проблески были. Я Вам могу рассказать историю, почему я стал религиозным, если Вы хотите, я могу рассказать?

- Если Вам удобно...

David: Да, пожалуйста. В общем, сначала я ничего не знал, ничего не читал, Торы не читал, я и сейчас не полностью прочитал, какие-то пророки мне еще остались, я ленивый.

- Ну, это не роман...

David: Да, да! Доходит до тебя, что-то такое падает на тебя, так ты этим живешь. Так я вот, там впервые я, есть русскоязычные религиозные такие, которые одеты как хардим, такие знаешь халаты такие, но по-русски говорят. Есть там один такой чудесный человек, его зовут Авигдор, и он, кстати, знал.. он очень со многими общался, кто приезжал, на Котель же приезжает весь мир, вплоть до Майкла Джексона. Просто его не пустили, потому что он в субботу приехал, но в принципе там все были, я пока работал на Котеле многих великих людей видел. И вот к нему пришел Крамаров, такой очень известный актер советский, еврей, который в кинокомедиях снимался, и вот, он мне рассказывал про это. И он мне впервые показал Тору на русском языке, и показал там где-то такая глава, это в Имидбар, я сейчас, знаю где это, и там конкретно было предсказано, что если вы будете соблюдать мои заповеди, ну вот будет то-то и то-то, а вот если не будете, то там много что написано, и еще там написано, станешь посмешищем среди народов земли. То есть была предсказана история этого антисемитизма мирового, или это задолго предсказано, тогда это не мог человек написать, или это книга уже должна быть написана в наше время, одно из двух. Но я проверил все, книгу с подделкой, то есть это давно написано, и в принципе любой нормальный человек, логик, логический человек, который понимает, это, надо признать, что кто-то написал то, что будет с евреями очень точно, задолго до того, как это произошло. Это значит, людей я таких не знаю, которые могли бы это, значит это не человек, значит эта

книга не написана людьми. Но это еще ничего, это только догадка была, а ходил и просто думал об этом. А потом началось что-то дальше, я все время ездил на такси в субботу, у нас была работа в субботу, а там, так как в субботу ездить нельзя, надо было только, если ты жил недалеко от Котеля, вот я жил на Котеле, работал на Котеле, жил в Кирят-монах, это час хотьбы до Котеля. Вот меня взяли.

- Нельзя ездить на транспорте.

David: Да. Но мы тайком ездили. Я и еще один мой друг, мы там жили, то есть мы всегда брали... то есть туда мы шли пешком, потому что утро, нетяжело, а потом ты бегаешь там на Котеле, все это устаешь, потом лето, три часа дня, и еще час назад идти, это тяжело очень. Так мы брали, был друг у меня такой, тоже, пузатый такой, ветеран ливанской войны, лысый такой, классный мужик, и мы с ним всегда брали такси с Шар-ляма до Котеля на двоих, и стоило это 13 шейкелей. 13 шейкелей, я просто запомнил. И в один прекрасный день, в субботу, не было его, он болел, я не знаю, я шел один, у меня нету денег. Я знаю вечером, я буду возвращаться, у меня нету денег на такси, мне придется пешком идти назад, это был такой ужас, и я так огорчился, и я когда шел туда на работу, это было возле синематеки, знаете синематеку? Там такой спуск есть, вот я помню, где это было. И я сказал, если ты существуешь, то ты мне сейчас пошли деньги на такси. И я тут же увидел на дороге 13 шейкелей, они были выложены: шейкель, 5 шейкелей, шейкель, 5 шейкелей, шейкель, вот так вот. Я не помню, сказал ли я это, или подумал, но я помню, что такое сильное было желание, я сказал, и тут же увидел эти деньги. У меня мурашки до сих пор по телу идут. И в субботу, я, конечно, эти деньги, я тогда нерелигиозный был, я взял эти деньги, и естественно использовал их по целевому назначению, поехал на такси, такой счастливый был. И я знал тогда, что можно обращаться, есть к кому. И после этого я тоже не стал религиозным, я еще не все соблюдал, после этого. Что было дальше: я пошел в армию, и вот в армии меня добило, знаете что, у меня было такое. В 94-м году взорвалось две машины на базе, возле нашей базы, взорвалось две машины, террористы взорвали, эти арабы. Две машины: одна, потом другая, люди побежали, и вторая. Я бы обязательно побежал. Я в тот день должен был быть у зубного врача на военной базе.

- Это на юге было?

David: Это было в Бейтлит, да. А наша база немножко внизу, там от Тропияда, там вот должен был я стоять. И у меня были тогда больничные, я не ходил, но у меня было, это

самое, направление к зубному бесплатное, у нас зубные в армии, и нас занимали за два месяца, там была очередь, и вот именно в этот день у меня была очередь к зубному. То есть я на базе быть не должен быть, я должен был ехать к зубному. И вдруг я проспал. И я проспал, и не встал утром, я встал в 12, то есть, и пропустил зубного врача, к которому два месяца занимать очередь, я злой на себя, включаю телевизор, и вижу что там по телевизору показывают мой Бейтлит, и что там взорвались люди. И вот тогда я понял, что я там должен был быть по идее, но я просто... И вот после этого я кипу одел. После этого я одел кипу. И тоже на некоторое время, вот, но это так все очень медленно происходило на самом деле. Как мы по идее, после того, как ты 13 шейкелей нашел, надо было идти в ишиву, но я это так не воспринимал, я свободный человек такой, но постепенно меня вело-вело, и уже после армии я пошел в ишиву, во мне созрела эта необходимость, я пошел учиться сначала, после армии, есть такое, в израильской армии есть такое понятие «одиночка-солдат, уволенный из армии». Я был одиночкой, там нам платили стипендии, общежитие, все как-то балаган, можешь работать, можешь не работать, платишь там 5 шейкелей в месяц, там столько стояло, жило в общежитии этом, люди в этом общежитии, ребята, в общем короче я «Герболайф» продавал тогда, все было нормально, у меня был миллионер учитель, похудел, все дела. И вот стал чувствовать: утром зарабатываю деньги, вечером трачу, в ресторане, в публичных домах, ресторане, везде, я еще не был религиозный, одинокий, все... пардон. И все это вот с друзьями, все дела. И вдруг чувствую: я не могу так дальше жить. Утром зарабатываешь и тратишь деньги, живешь там, все все... а дальше что. Я помню, стоял под душем в этом Бейт-Хаяле, и вдруг я понял, что я так больше не могу. И я решил это...

- Изменить.

David: Изменить, да, и я поехал в Иерусалим, решив по субботам вначале ездить туда, а там, я же работал на Котеле, я знаю, что там есть специальная такая гостиница, и там, они буквально ловят студентов еврейских, которые приезжают туда, и они их там, они бесплатно ночуют там, в семье, потом на субботник отправляют, там целая система такая. И я это все знал, я туда приехал, и говорю этому раввину Шустеру, гениальный такой человек. Вот он там всех и ловил. Я его знаю, потому что он на нас кричал, что мы не кричим «ноу фото», он тоже когда-то был шамиром, так вот он значит ходил и за нами смотрел.

- Неприятно, когда люди снимают фотографии в субботу.

David: В субботу, да. Ну туристы, смотри, сейчас же такого нет. Сейчас иностранец как бы, нету запрета, ну okay, может быть, это место такое. Наверное, все-таки правильно, что они это делают. Ну Шустер, я к нему подошел, он говорит, хорошо, приезжай каждую субботу, я туда приезжал, меня тоже отправляли к этим семьям, все дела. Потом я стал... он через некоторое, несколько месяцев посмотрел на меня и говорит, ты хочешь поучиться в ишиве? Я тут же говорю: да. Вот тогда он вызвал мне такси и отвез к будущему моему раввину, Раввесосу, в русскую деревню, такой на такси привез, как скорая помощь душевнобольного привез туда, меня там приняли, и я даже вещи не забрал из своего, у меня потом украли там чеки, я потом ходил в полицию, меня там обокрали, блин, потом. Потому что я ничего не забрал, вот, потом я стал учиться в ишиве, до девяти вечера, какой-то ужас. Вот, короче привезли меня в эту ишиву, меня тут же покормили, сначала дали йогурты и все такое, потом выходит заместитель Равесоса, и говорит: скажи, пожалуйста, ты сумасшедший? Тебе негде жить, или у тебя кончились деньги? Какая из трех причин тебя к нам привела. Я говорю и то, и другое, и третье. Они говорят, ты принят. Ребята были с чувством юмора, вот, и я там стал учиться, и вот через некоторое время, в «Бесэдере» я не работал, у меня был перерыв, еще до армии ушел оттуда, по причинам, я обиделся, потому что Лившицу, Толику, дали зарплату, обещали и мне, а меня оставили как фриланс. А я думал, что у меня будет зарплата. И я очень обиделся на Галесника и ушел. И в армии я тоже не работал в «Бесэдере».

- И сколько Вы работали с «Бесэдером»?

David: С начала с 91-го по 94-й, а потом у меня исчезло чувство юмора, я перестал писать, у меня ничего не шло.

- Как блок писателя?

David: Да-да, такой вот блок. А потом, вот, когда после армии я стал возвращаться к религии, я помню, что стоял охранником банка в Тель-Авиве, банк дисконт, и вдруг из меня поперли шутки, и я стал писать их на бланке, вот эти, которые заполняют эти... Они смотрят, стоит шамыль, и постоянно что-то пишет, из меня поперло, этот юмор. Когда я стал религиозным, из меня поперло. Я всем говорю, значит, у меня это параллельно было, я вот, когда начал молиться, все это делать, ко мне опять, вернулась эта способность. Я вот я вот тогда учился, и пришел к Голеснику, Галесник очень хотел, чтобы я вернулся, и я тоже хотел начать работать, и мы как-то быстро, я ему принес текст «Был ли Джордж Харрисон хабан-хасидом?», потому что есть фотография Харрисона, он в такой шляпе, настоящий хасид. И

вот я сочинил такую статью, что он мог, кажется, был хабаном-хасидом. Хотел сделать даже такую псевдоэнциклопедию, понимаешь? И так вот мы начали вместе работать, так все началось. А у него там уже был Чирков и Шейтельман, такие двое талантливых ребят, которые у него там работали вместо меня, он говорит, я нашел тебе замену, увидел такие бессмысленные, сумасшедшие глаза Чиркова и понял, что это второй Зильбер. И вот они потом вместе работали долгое время, а потом они все уехали, они были не евреи, они были только папа евреи, но они не были евреи, и когда-то у них встал вопрос, что делать, я им тогда сказал, что вы или должны стать евреями здесь, или уехать или вам будет очень плохо, потому что это земля честность требует, человек должен понять, кто он. И вот они оба уехали, и сейчас оба миллионеры. Один, Шейтельман он вообще помощник Березовского, Бориса Березовского, ну Миша Шейтельман он потом приехал сюда, рассказал про кирсаки, я тут начал бизнесом сразу заниматься, так что я тут тоже с ума сошел, он меня тоже так заразил. Гениальный человек, Миша Шетельман – гениальный человек, вот, я не знаю, даст ли он интервью, потому что он сейчас просто очень богатый, но это совершенно человек с особым мышлением. Он мне как-то говорил, я стал мало зарабатывать, видимо придется меньше работать. Мне надо больше зарабатывать, придется меньше работать. Чирков... я сказал, миллионер, может быть не миллионер, может просто очень богатый человек. Он глава журнального концерна сейчас на Украине. В Донецке, он в Киеве живет. [... мы говорим об Италии и об итальянской писательнице Пиа Пера и об образовании Давида.]

- А Давид это аббревиатура Дмитрий?

David: Не-не, это просто еврейское имя я взял, когда мне сделали обрезание. Дмитрий это как бы, как меня мама назвала.

- Но он похожий, вы выбирали по звучанию.

David: Да, кстати, многие так делают, но на самом деле это не совсем правильно, чтобы на самом деле изменить мозаль, судьбу, надо чтобы звучание не было похоже, наоборот. Я это поздно узнал. Аня, в общем... Как на итальянском «добрый вечер»?

- Buona sera.

David: Буэна сэра. Очень красивый язык итальянский, очень мелодичный. Я так сочувствую вашему Берлускони, так на него все наезжали, человек такой жизнерадостный, полный жизни, сил, ну, в итальянской среде же.

- Да, он юморист тоже. Своего рода, но он тоже юморист.

Bibliografia

Fonti primarie

“Beseder?”, Tom I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII.

ZILBERG, N., *In -Group Humor of Immigrants from the Former Soviet Union to Israel*, “Israel Social Science Research”, Vol.10, No.1, 1995.

Fonti secondarie

Articoli

CASPI, D., ADONI, H., COHEN, A. ed ELIAS, N., *The red, the white and the blue: the Russian media in Israel*, “International Communication Gazette”, vol. 64, n.6, Sage Publications, London, 2002.

ELIAS, N. e CASPI, E., *From Pravda to Vesti: The Russian media renaissance in Israel*, “Every seventh Israeli: Patterns of social and cultural integration of the Russian-speaking immigrants”, Alek Epstein & Ze'ev Khanin Editions, Ramat-Gan, Bar-Ilan University Press, 2007.

ZILBERG, N. e LESHEM, E., *Russian-language press and immigrant community in Israel*, “Revue européenne de migrations internationales”, Vol. 12, no. 3, 1996.

Collettanee

KENIGŠTEJN, M. [a cura di], *Russkoe lico Izrailja: čerty social'nogo portreta*, Mosty Kul'tury/Gesharim, Gerusalemme, 2007.

LEWIN-EPSTEIN, N., RITTERBAND, P. e RO'I, Y. [a cura di], *Russian Jews on Three Continents. Migration and Resettlement*, Frank Cass & Co. Ltd., Londra, 1997.

LESHEM, E. e SHUVAL, J. [a cura di], *Immigration to Israel: sociological perspectives*, Transaction Publishers, New Brunswick, 1998.

Opere di consultazione generale

- ADONI, H., COHEN, A. e CASPI D., *Media, minorities and hybrid identities, (on order): the Israeli Arab and Russian immigrant communities in Israel*, Hampton Press, Cresskill, 2006.
- AFJANI, V. J. e TOMILINOJ, N. G. [a cura di], *Federal'naja archivnaja služba Rossii, Rossijskij gosudartvennyj archiv novejšej istorii*, ROSSPEN, Mosca, 2001.
- ALEICHEM, S., *La storia di Tewje il lattivendolo*, Feltrinelli, Milano, 1983.
- ALEICHEM, S., *Racconti della shtetl*, Bompiani, Milano, 1982.
- ANDERSON, B., *Comunità immaginate: origini e diffusione dei nazionalismi*, Manifestolibri, Roma, 1996.
- ANDREEVA, E., *Sots arts*, Craftsman House, Roseville East, 1995.
- ANDREEV, E. M., DARSKY, L. E. et al., *Naselenie sovetskogo sojuza*, Nauka, Mosca, 1993.
- ARIAN, A., PHILIPPOV M. e KNAFELMAN A., *Auditing Israeli Democracy – 2009. twenty years of immigration from the Former Soviet Union*, Guttman Center of Israel Democracy Institute, The Israel Democracy Institute, Gerusalemme, 2009.
- ARIAN, A. e SHAMIR, M. [a cura di], *The Election in Israel*, State University of New York Press, Albany, 1995.
- ARIAN. A. e SHAMIR, M. [a cura di], *The Elections in Israel 1992*, State University of New York Press, Albany, 1995.
- BABIČENKO, D. L. [a cura di], *“Ščast’e literatury”. Gosudarstvo i pisateli. 1925-1938 gg.*, ROSSPEN, Mosca, 1997.
- BAIRD, J. A., *The Greed Syndrome: An Ethical Sickness in American Capitalism*, Hampshire Books, Philadelphia, 1989.
- BELTRAME, S., *La prima guerra del Golfo. Perché non fu presa Baghdad. Dalla cronaca all’analisi di un conflitto ancora aperto*, Adnkronos libri, Roma, 2003.

- BERMAN, B. e GITELMAN, Z. [a cura di], *Stalin's Forgotten Zion: Birobidzhan and the Making of a Soviet Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928-1996*, University of California Press, 1998.
- BERMAN, M., *Adventures in Marxism*, Verso, Londra/New York, 1999.
- BEJZER, M., *Evrei v Piterburge*, Biblioteka Alija, Gerusalemme, 1990.
- BLAU, J., *The Renaissance of Modern Hebrew and Modern Standard Arabic*, University of California Press, Berkeley, 1981.
- BRENNER, M., *Breve storia degli ebrei*, Donzelli editore, Roma, 1999.
- BRONNER, S. [a cura di], *Jewishness: Expression, Identity, and Representation*, The Littman Library of Jewish Civilization, Oxford, 2008.
- BRUDNY, Y. M., *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953-1991*, Harvard University Press, Boston, 2000.
- BUBER, M., *I racconti dei Chassidim*, Garzanti editore. Milano, 1979.
- CALIMANI, R., *Passione e tragedia. La storia degli ebrei russi*, edizioni Oscar Mondadori Saggi, Milano, 2006.
- CASPI, D. e LIMOR, Y., *The In/Outsiders: the mass media in Israel*, Hampton Press, Cresskill, 1999.
- CAVAION, D., *Memoria e poesia. Storia e letteratura dell'ebraismo russo moderno*, Carucci Editore, Roma, 1988.
- CHLENOV, M. [a cura di], *Samizdat. Sbornik materialov Pervoj moloděžnoi konferencii SNG po judaïke*, Mosca, 1997.
- CIFARIELLO, A., *L'ombra del kahal. Immaginario antisemita nella Russia dell'Ottocento*, Viella, Roma, 2013.
- CIPOLLA, C. M., *Allegro ma non troppo*, il Mulino, Bologna, 1988
- CLIFFORD, J., *Strade*, Torino, Bollati Boringhieri, 1997.
- COHEN, R., *Global Diasporas: an Introduction*, London, UCL Press, 1997.

- COLUCCI, M. e PICCHIO, R. [a cura di], *Storia della civiltà letteraria russa*, Volume II, UTET, Torino, 1997.
- DE MICHELIS, C. G., *La giudeofobia in Russia : dal Libro del «Kahal» ai Protocolli dei savi di Sion*, Bollati Boringhieri, Torino, 2001.
- DI MOTOLI, P., *I mastini della terra*, L'Ornitorinco, Milano, 2013.
- DUBNOV, S., *Istorija evrejskogo naroda v Rossii. Ot drevnosti do rannego novogo vremeni*, Mosty Kul'tury/Gesharim, Gerusalemme, 2010.
- ELON, A., *Requiem Tedesco. Storia degli ebrei in Germania 1743-1933*, Mondadori editore. Milano, 2005.
- EMMET, A., *Our sisters' promised land: women, politics, and Israeli-Palestinian coexistence*, University of Michigan Press, 2003.
- EPSTEIN, A. e FEDORČENKO, A. [a cura di], *Mass Migration and its Impact on the Israeli Society*, Nauka, Mosca, 2000.
- ETTINGER, S. [a cura di], *Očerk istorii evrjeskogo naroda*, Biblioteka Aliya, Tel-Aviv, 1992.
- FAIST, T., *The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Spaces*, Oxford, Clarendon Press, 2004.
- FEL'DMAN, E., *“Russkij” Israil Meždu Dvuch Poljusov*, Nauka, Mosca, 2003.
- FIALKOVA, L. e YELENEVSKAYA, L., *Ex-Soviets in Israel: from personal narratives to a group portrait*, Wayne State University Press, Detroit, 2007.
- FIGES, O., *La tragedia di un popolo*, Casa Editrice Corbaccio. Milano, 1997.
- FOA, A., *Diaspora. Storia degli ebrei nel Novecento*, Editori Laterza. Bari, 2009.
- FRANKEL, J., *Gli ebrei russi*, Einaudi editore. Torino, 1990.
- FUSO, S., *Realtà o illusione? Scienza, pseudoscienza e paranormale*, Edizioni Dedalo, Bari, 1999.
- GALPER, A.S., *From Bolshoi to Be'er Sheva, Scientists to Streetsweepers: Cultural Dislocation Among Soviet Immigrants in Israel*, University Press of America, Boston, 1995.

- GEIZER, M., *Michoels, žizn' i smert'*, Žurnalističeskoe Agenstvo "Glaznost", Mosca, 1998.
- GELVIN, J., *Il conflitto israelo-palestinese. Cent'anni di guerra*, Piccola Biblioteca Einaudi, Torino, 2007.
- GESSEN, J., *Istorija evrejskogo naroda v Rossii*, Evrejskij Universitet, Mosca, 1993.
- GESSEN, J., *K Istorii Sankt-Peterburgskoj evrejskoj religioznoj obščiny. Ot pervyk evreev do XX veka*, Tema, Sankt-Peterburg, 2000.
- GITELMAN, Z., *Immigration and Identity: the Resettlement and Impact of Soviet Immigrants on Israeli Politics and Society*, The Susan and David Wilstein Institute of Jewish Policy Studies, Los Angeles, 1995.
- GOLDEN, H., *The Golden Book of Jewish Humor*, G.P. Putnam's Sons, New York, 1972.
- GOLDSHEIDER, C. [a cura di], *Israel's changing society. Population, ethnicity and development*, Westview Press, Boulder, 2001.
- GRAZIOSI, A., *L'Urss dal trionfo al degrado. Storia dell'Unione Sovietica. 1945-1991*, Società editrice il Mulino, Bologna, 2008.
- GRAZIOSI, A., *L'Urss di Lenin e Stalin. Storia dell'Unione Sovietica. 1914-1945*, Società editrice il Mulino, Bologna, 2007.
- GROSSMAN, V. ed ERENBURG, I., *Il libro nero*, edizioni Oscar Mondadori Storia. Milano, 1999.
- GROSSMAN, V., *Vita e destino*, Adelphi edizioni, Milano, 2008.
- GROYS, B., *Lo stalinismo ovvero l'opera d'arte totale*, Garzanti, Milano, 1992.
- HADAR, L. T., *The 1992 Electoral Earthquake and the Fall of the 'Second Israeli Republic*, Routledge, New York, 2013.
- HALTER, M., *L'inconnue de Birobidjian*, Éditions Robert Laffont, Paris, 2012.
- HELAN P. e TRIA, M. [a cura di], *Primavera di Praga, risveglio europeo*, Firenze University Press, Firenze, 2011.

HIRST, D., *The gun and the olive branch: the roots of violence in the Middle East*, Nation Books, New York, 2003.

HUXLEY, J. S., *La genetica sovietica e la scienza. Il caso Lysenko: un dibattito che continua*, Longanesi, Milano, 1977.

ISRAEL, J., *Gli ebrei d'Europa nell'età moderna (1550-1750)*, Società editrice il Mulino, Bologna, 1991.

JONES, C. A., *Soviet Jewish Aliyah, 1989-92: Impact and Implications for Israel and the Middle East*, Routledge, New York, 2013.

KAPPELER, A., *La Russia. Storia di un impero multi-etnico*, Edizioni Lavoro, Roma, 2009.

KRAMMER, A., *The forgotten friendship: Israel and the Soviet Bloc, 1947-53*, University of Illinois Press, Urbana, 1974.

KREČMAR, D., *Politika i kul'tura pri Brežneve, Andropove, Černenko 1970-1985 gg.*, AIRO-XX, Moskva, 1997.

KUZNECOV, E., *Dnevnik*, Les Editeurs Réunis, Parigi, 1973.

KUZNECOV, E., *Šag vlevo, šag vpravo...*, Ivrus, Gerusalemme, 2000.

LEVAŠOV, V., *Ubijstvo Michoelsa*, Olimp, Mosca, 1998.

LIPTZIN, *A history of yiddish literature*, Middle Village, Jonathan David Publishers, 1972.

LISENKOV, P., *Političeskaja kul'tura sovjetskogo čeloveka*, Pravda, Mosca, 1980.

LOVELL, S., *The Russian Reading Revolution: Print Culture in the Soviet and Post-Soviet Eras*, Macmillan Press, University of London, London, 2000.

MAHER, J. [a cura di], *The Europa world year book 2004 vol. 1*, Europa Publications, Londra, 2004.

MALINOWSKI, B., *Giornale di un antropologo*, Armando, Roma, 1992.

MALINOWSKI, B., *Argonauti del Pacifico occidentale: riti magici e vita quotidiana nella società primitiva*, Bollati Boringhieri, Torino, 2004.

MARGULIS, M., *Evrejskaia kamera Lubjanki*, Gesharim, Gerusalemme, 1996.

MARKOWITZ, F., *A Community in Spite of itself. Soviet Jewish Emigrés in New York*, Smithsonian Institution Press, Washington, 1993.

MARX, K. ed ENGELS, F., *Opere scelte*, Editori Riuniti, Roma, 1969.

MAYMON, D., *The psychological adaptation of adolescent immigrants from the Former Soviet Union as a function of time spent in Israel and geographical area as origin in the USSR*, Bar-Ilan University Press, Ramat-Gan, 1995.

MAZIN, A., *Russian immigrants in Israeli politics: the past, the recent elections and the near future*, Friedrich-Hebert-Stiftung, Herzliya, 2006.

MEDVEDEV, R. A. e STRADA, V., *Dissenso e socialismo: una voce marxista del Samizdat sovietico*, Giulio Einaudi, 1977.

NATHANS, B., *Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 2004.

ODENHEIMER, M. e ROSEN, R. [a cura di], *Transformations from Ethiopia to Israel*, Better World Books, Mishawaka, 2006.

ORBACH, A., *New Voices of Russian Jewry: A Study of the Russian-Jewish Press of Odessa in the era of the great reforms 1860-1871*, E. J. Brill ed., Leiden, 1980.

OUAKNIN, M. A. e ROTNEMER, D., *Così giovane e già ebreo – Umoreismo Yiddish*, Edizioni Piemme Pocket, Trebaseleghe, 2000.

PETROVSKIJ-STERN, J., *Evrei v russkoj armii. 1827-1914*, Novoe literaturnoe obozrenie, Mosca, 2003.

- PINKUS, B., *The Jews of the Soviet Union: the history of a national minority*, Cambridge University Press, Cambridge, 1988.
- PIRETTO, G. P., *1961. Il sessantotto a Mosca*, Moretti & Vitali, Bergamo, 1998.
- PIRETTO, G. P., *Gli occhi di Stalin : la cultura visuale sovietica nell' era staliniana*, Cortina, Milano, 2010.
- PIRETTO, G. P., *Il radioso avvenire : mitologie culturali sovietiche*, Einaudi, Torino, 2001.
- POSKANZER, A., *Ethiopian Exodus: a practice journal*, Gefen Publishing House, Gerusalemme, 2000.
- POSSAMAI, D., *Che cos'è il postmodernismo russo? Cinque percorsi interpretativi*, Il Poligrafo, Padova, 2000.
- REDDAWAY, P. [a cura di], *Process čtyřřech. Sbornik materialov po delu A. Ginzburga, Ju. Galanskova, A. Dobrovol'skogo i V. Laškova*, Viking press, New York, 1971.
- RIASANOVSKY, N. V., *A history of Russia*, Oxford University Press, New York, 1993.
- RISHEL, M. A., *Writing Humor: Creativity and the Comic Mind*, Wayne State University Press, 2002.
- RO'I, Y., e BEKER, A., [a cura di], *Jewish Culture and Identity in the Soviet Union*, New York University, New York, 1991.
- RO'I, Y., *Soviet Decision Making in Practice. The USSR and Israel 1947-1954*, Transaction Books, New Brunswick, 1980.
- RO'I, Y., *The Struggle for Soviet Jewish Emigration, 1948-1967*, Cambridge University Press, Cambridge, 1991.
- ROTH, J., *Ebrei erranti*, Adelphi edizioni. Milano 1985.
- ROTH, J., *Viaggio in Russia*, Adelphi edizioni. Milano 1981.

- RYAN – HAYES, K. L., *Contemporary Russian Satire: a genre study*, Cambridge University Press, Cambridge, 1995.
- SAVICKIJ, S. A., *Andegraund. Istorija i mify leningradskoj neoficial'noj literatury*, NLO, Mosca, 2002.
- SCHOLEM, G., *Le grandi correnti della mistica ebraica*, Einaudi editore. Torino, 1993.
- SHAFIR G. e PELED Y., *Being Israeli. The dynamics of multiple citizenship*, Cambridge University Press, Cambridge, 2002.
- SHEFFER, G., *Diaspora Politics: At home Abroad*, Cambridge University press, Cambridge, 2003.
- SHEFFER, G. [a cura di], *Modern diasporas in international politics*, Croom Helm, Londra/Sydney, 1986.
- SHERIF, M., *In Common Predicament: Social Psychology of Intergroup Conflict and Cooperation*, Houghton Mifflin Co., Boston, 1966.
- SHIMRON, G., *Mossad Exodus: The Daring Undercover Rescue of the Lost Jewish Tribe*, Gefen Publishing House, 2007.
- SPECTOR, S., *Operation Solomon: The Daring Rescue of the Ethiopian Jews*, Oxford University Press, Oxford, 2005.
- ŠLJAPENTOCH, V., *Soviet intellectuals and political power: the Post-Stalin Era*, I.B.Tauris & Co. Ltd., London, 1990.
- TOLTS, M., *Post-Soviet Jewish population in the contemporary world: a study of demographic transformation in the course of mass migration*, Avraham Harman Institute of Contemporary Jewry, The Hebrew University of Jerusalem, Gerusalemme, 2008.
- TOSCANO, F., *Il fisico che visse due volte*, Sironi editore, Milano, 2008.
- TREVISAN SEMI, E., *Le diaspore, Le diaspore*, Il Ponte, Bologna, 2008.
- VOVSI - MICHOELS, N., *Moj otec Solomon Michoels. Vospominanija o žizni i gibeli*, Vozvraščenie, Mosca, 1997.

WALICKI, A., *Marxism and the leap to the kingdom of freedom: the rise and fall of the Communist utopia*, Stanford University Press, Stanford, 1995.

WEINBERG, R., *Stalin's Forgotten Zion: Birobidzhan and the Making of a Soviet Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928-1996*, University of California Press, Oakland, 1998.

WERTH, N., *Storia della Russia nel Novecento*, Società Editrice il Mulino, Bologna, 1993.

ZALAMBANI, M., *Censura, istituzioni e politica letteraria in URSS (1964-1985)*, Firenze University Press, Firenze, 2009.

Articoli e riviste di consultazione generale

BLEICH et al., *Psychiatric implications of missile attacks on a civilian population. Israeli lessons from the Persian Gulf War*, Medical Corps, Israel Defence Force, "JAMA", Tel Aviv Israel University, Agosto 1992, Vol. 5; No. 268.

CIFARIELLO, A., *Ebrei e "zona di residenza" durante il regno di Alessandro II*, "Studi Slavistici", VII, 2010.

COHEN, Y., HABERFELD, Y. e KOGAN, I., *Who went where? Jewish immigration from the Former Soviet Union to Israel, the USA and Germany, 1999-2000*, "Israel Affairs", Vol. 17, No. 1. Gennaio 2011.

DELLA PERGOLA, S., *World Jewish Population, 2010, Current Jewish Population*, North American Jewish Data Bank, Storrs, 2010.

DRAITSER, E., *Sociological aspects of the Russian Jewish jokes of the exodus*, in "Humor - International Journal of Humor Research", Vol.7, No. 3, luglio 2009.

ELIAS, N. e KEMP, A., *The new second generation: non-Jewish olim, Black Jews and children of migrant workers in Israel*, "Israel studies", Vol. 15, No. 1, primavera 2010.

ELIAS, N. e LERNER J., *Narrating the Double Helix: The Immigrant-Professional Biography of a Russian Journalist in Israel*, "Forum: Qualitative Social Research", Vol. 13, No. 1, 2011.

- GERSHENSON, O., *'Is Israel part of Russia?' Immigrants on Russian and Israeli Screens*, "Israel affairs", Vol. 17, No.1 , 2011.
- GERSHENSON, O., *Accented memory: Russian immigrants reimagine the Israeli past*, "The Journal of Israeli History", Vol. 28, No. 1, 2009.
- GESSEN, J., *Vozniknovenie i gibel' "Razsveta"*, "Evrejskaja nedelja", 7, San Pietroburgo, 1910.
- GLEIT, H. J., *Kuznetsov fired as editor of 'Vesti'*, "The Jerusalem Post", 12/09/1999.
- GLÖCKNER, O., *Immigrated Russian – Jewish elites in Israel and Germany after 1990 – their integration, self image and role in community building* [dissertation], Postdam, aprile 2010.
- GRAČEV, M. A., *Otkuda slova tusovka i tusovat'sja*, "Russkij jazyk v škole", 3, 1995, Mosca.
- HADAR, L. T., *The 1992 Electoral Earthquake and the Fall of the "Second Israeli Republic"*, "Middle East Journal", Vol. 46, No. 4, autunno, 1992.
- HÖBEL, A., *Il Pci, il '68 cecoslovacco e il rapporto col PCUS*, "Studi Storici", n. 4, 2001.
- HOFFMAN, S., *Russia's diasporas: the case of Russian – speaking community in Israel*, Liechtenstein Institute on Self-Determination at Princeton University, Princeton, aprile 2003.
- HONIG, S., *Poll shows Labour at an all time low*, "The Jerusalem Post", 29 dicembre 1990.
- HOROWITZ, T., *The political world of immigrants from the Former Soviet Union to Israel*, "Revue Européenne des Migrations Internationales", Vol. 14, No. 3, 1998.
- JAKOBSON, A. e RUBINSTEIN, A., *Democratic norms, diasporas, and Israel's law of return*, "American Jewish Committee", gennaio 2009.
- KAPLAN, S., PARFITT, T. e TREVISAN SEMI, E. [a cura di], *Between Africa & Zion*, Proceedings of the first International Conference of SOSTEJE, Venezia, 1995.

KARADAWI, A., *The Smuggling of the Ethiopian Falasha to Israel Through Sudan*, "African Affairs", Vol. 90, No. 358, gennaio, 1991.

LEVEEN, L., *Only When I Laugh: Textual Dynamics of Ethnic Humor*, "Melus: Multi-Ethnic Literature of the United States" Vol. 21, No. 4, inverno 1996.

LISSAK, M. e LESHEM, E., *The Russian Intelligentsia in Israel : Between Ghettoization and Integration*, Israeli Affairs, Vol. 2, No. 2, 1995.

LOWE, J., *Theories of Ethnic Humor: How to Enter, Laughing*, "American Quarterly", Vol. 38, No. 3, 1986, The Johns Hopkins University Press.

NIZNIK, M., *Cultural practices and preferences of 'Russian' youth in Israel*, "Israel Affairs", vol. 17, n. 1, 2011.

PARISI, V., *Il samizdat tra memoria e utopia. L'editoria clandestina in Cecoslovacchia e Unione Sovietica nella seconda metà del XX secolo*, "eSamizdat", 2010-2011.

PHILIPPOV, M., *Ex-Soviets in the Israeli Political Space: values, attitudes and electoral behavior*, The Joseph and Alma Gildenhorn Institute of Israel Studies, Vol. 3, aprile 2010.

PORTES, A. e ZHOU, M., *The new second generation: segmented assimilation and its variants*, "Annals of the American academy of political and social sciences", no. 530, 1993.

REICH, B., DROPKIN, N. e WURMSER, M., *Soviet Immigration and the 1992 Israeli Knesset elections*, "Middle East Journal", Vol. 47, No. 3, estate 1993.

REMENNICK, L., *The 1.5 Generation of Russian Immigrants in Israel: Between Integration and Sociocultural Retention*, "Diaspora: A Journal of Transnational studies", vol. 12, no. 1, 2003.

REMENNICK, L., *Single mothers and "sweeties": a study of gender related problems of Russian-speaking women in Israel*, Vol. 7, No.2, estate 1998.

- REMENNICK, L., *What does integration means? Social insertion of Russian immigrants in Israel*, "Journal of International Migration and Integration", Vol. 4, No.1, inverno, 2004.
- ROGOVIN – FRANKEL, E., *The Russian Press in Israel*, "Soviet Jewish Affairs", vol. 7, no. 1, 1977.
- ROZOVSKY, L. e ALMOG, O., *Generation 1.5 Russians in Israel: From vodka to latte. Maturation and integration processes as reflected in recreational patterns*, in "The emerging second generation of immigrant Israelis", vol. 16, 2011.
- SALOMONI, A., *State-sponsored Anti-Semitism in Postwar USSR. Studies and Research Perspectives*, "Quest. Issues in Contemporary Jewish History. Journal of Fondazione CDEC", n.1, 2010.
- SHUVAL, J. T., *Migration to Israel: the mythology of uniqueness*, "International migration", 36, No. 1.
- SIMONI, M., [a cura di], *Israelis and Palestinians Seeking, Building and Representing Peace*, "Quest", 5, Milano, 2013.
- STORPER PEREZ, D., *Intelligent en Israël. L'intelligentsia russe aujourd'hui entre repli et ouverture*, "Revue Européenne des Migrations Internationales", Vol. 12, No. 3, pp. 153-172, 1996.
- TALMON M., e PELEG Y., [a cura di], *Israeli cinema: identities in motion, Israelis and Palestinians Seeking, Building and Representing Peace*, "Quest", 5, Milano, 2013.
- WEIL, S., *Operation Solomon by Stephen Spector*, in "Studies in Contemporary Jewry, an Annual", 22, New York e Oxford, Oxford University Press, 2007.
- ZALAMBANI, M., *Il caso Metropol'. Stenogramma della riunione allargata della Segreteria dell'Unione degli Scrittori di Mosca del 22 gennaio 1979. (Dall'archivio privato di Evgenij Popov)*, "Russica Romana", XI, Fabrizio Serra, Roma, 2004.
- ZALAMBANI, M., *Le istituzioni culturali della Russia sovietica*, "Europa orientalis", no. 26, 2007.

Sitografia

<www.aliyah.it>.

<<http://berkovich-zametki.com/Nomer30/Licht1.htm>>.

<<http://www.bibliotekar.ru/encSlov/10/193.htm>>.

<<http://www.cairn.info/revue-outr-terre-2004-4-page-227.htm>>.

<<http://www.couragetorefuse.org/defaulteng.asp>>.

<<http://cursorinfo.co.il/news/analyze/2004/03/29/beseder/>>.

<<http://www.diletant.ru/articles/10520585/>>.

<[http://www.esamizdat.it/rivista/2010-2011/pdf/eSamizdat_2010-2011_\(VIII\).pdf](http://www.esamizdat.it/rivista/2010-2011/pdf/eSamizdat_2010-2011_(VIII).pdf)>.

<<http://www.ethiopianisraelisproject.org>>.

<<https://www.facebook.com/marina.kontsevaya?fref=ts>>.

<www.haaretz.com>.

<<http://www.haaretz.com/print-edition/features/an-angel-in-the-russian-ghetto-1.64185>>.

<<http://www.haaretz.com/print-edition/news/ethiopian-children-cannot-go-to-school-in-or-yehuda-while-politicians-argue-1.168964>>.

<<http://www.haaretz.com/news/olmert-ethiopian-jews-are-right-to-feel-discriminated-against-1.234885>>.

<<http://www.haaretz.com/jewish-world/jewish-world-features/.premium-1.566484#>>.

<<http://www.highbeam.com/doc/1P2-1210005.html>>.

<http://www.instoria.it/home/liberta_unione_sovietica.htm>.

<<http://www.jewishencyclopedia.com/articles/7318-haskalah>>.

<<http://www.jewish-heritage.org/jr1a5r.htm>>.

<<http://www.jewishpetersburg.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=238>>.

<http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Politics/Other_Law_Law_of_Return.html>.

<http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/judaica/ejud_0002_0017_0_16516.html>.

<http://jhist.org/russ/russ000_01.htm>.

<<http://www.jpost.com/Features/In-TheSpotlight/Racial-discrimination-rife-in-Israelis-labor-market>>.

<<http://www.jpost.com/Home/Article.aspx?id=49178>>.

<<http://www.jta.org/1991/03/29/archive/israeli-russian-paper-launched-another-robert-maxwell-venture>>.

<<http://jwa.org/encyclopedia/article/russian-immigrants-in-israel>>.

<http://kosharovsky.com/home-page/books/we-are-jews-again-vol-1/part-iv-the-struggle-for-aliya-and-survival-as-refuseniks/chapter-25-samizdat/#_ftn5>.

<<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/82/de14.html>>.

<http://www.memorialitalia.it/archivio_mem/gulag/w2d3/v3/view/feltrinelli/gulag/cronologia/cronache--179/dettaglioc743.html?from_crono=true&pagina=19>.

<<http://www.merip.org/mer/mer182/russian-jewish-immigration-future-israeli-palestinian-conflict>>.

<http://www.moria.hut1.ru/ru/almanah_04/01_10.htm>.

<<http://www.loccidentale.it/publicfile/VZ.pdf>>.

<<http://www.portal-slovo.ru/history/41345.php>>.

<http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Lieberman_Aharon_Shemuel>.

<http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/Human_Rights/refuseniks.html>.

<http://www.academia.edu/615466/The_Role_of_Humour_in_the_Process_of_Collective_identity_Formation_in_Autonomous_Social_Movement_Groups_in_Contemporary_Madrid>.

<http://www.lettere.uniroma1.it/sites/default/files/628/xAutore_Scandura_II%20poeta%20in%20Russia.pdf>.

<http://www.memorialitalia.it/archivio_mem/gulag/w2d3/v3/view/feltrinelli/gulag/cronologia/cronache--179/dettaglioc743.html?from_crono=true&pagina=19>.

<<http://www.rg.ru/2012/04/05/tusovka.html>>.

<[http://www.treccani.it/enciclopedia/urss_res-0acb60d8-87ea-11dc-8e9d-0016357eee51_\(Enciclopedia_Italiana\)/>](http://www.treccani.it/enciclopedia/urss_res-0acb60d8-87ea-11dc-8e9d-0016357eee51_(Enciclopedia_Italiana)/>)>.

<<http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Samizdat>>.
<http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Smolenskin_Perets>.
<<http://www.yeshgvul.org.il>>.
< <http://www.yisraelbeytenu.com> > .
<<http://www.yurishtern.org.il/ru/content.php?id=18>>.
<http://www.youtube.com/watch?v=XEkb5_X_pMw>.
<<http://www.youtube.com/watch?v=jeiYD9o9AcA>>.
<http://it.wikipedia.org/wiki/Vai_e_vivrai>.
<[ru.wikipedia.org/wiki/Вести_\(газета,Израиль\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Вести_(газета,Израиль))>.
<http://ru.wikipedia.org/wiki/Галесник_Марк_Иозифович>.
<<http://articles.latimes.com/keyword/vremya-newspaper>>.
<<http://en.wikipedia.org/wiki/Krokodil>>.
<<http://en.wikipedia.org/wiki/Ogoniok>>.
<ru.wikipedia.org/wiki/9_Канал_Израиль>.
<<http://9tv.co.il/authors/189.html>>.
<<http://www.wzo.org.il/index.php?dir=site&page=articles&op=item&cs=3328&langpage=eng&highlight=hovevei>>.
<http://en.wikipedia.org/wiki/1990s_Post-Soviet_aliyah>.
< http://works.bepress.com/olga_gershenson/7>.

Dizionari

JACQUET-SVIRONI S. E JACQUET R., *L'Ebraico*, Assimil, Chivasso, 2009.

KOVALĚV, V., *Dizionario russo italiano italiano russo*, Zanichelli, Bologna, 2000.

OŽEGOV, S. I., *Slovar' russkogo jazyka*, Russkij jazyk, Mosca, 1990.

Dizionari in rete

< <http://www.doitinhebrew.com> >.

< <http://www.lingvo-online.ru> >.

<phraseology.academic.ru>.

<translate.academic.ru>.

< <http://translit.net>>.

< <http://www.wordreference.com/enit>>.

< <http://www.wordreference.com/ruen>>.